

Лаборатория
сравнительного
права в странах АТР

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION RUSSIAN FEDERATION
BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY

Laboratory of Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region

THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

ARBITRATION COURT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

ADMINISTRATION OF THE HEAD AND GOVERNMENT

OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The Association of Lawyers of Russian Federation of the Republic of Buryatia

The Association of Lawyers of Mongolia

The Russian Criminological Association

Regional Public Organization «The Union of Criminalists and Criminologists»

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION — XII

*Proceedings of the annual International youth scientific
and practical conference (distance format)*

(Ulan-Ude, 16 April, 2021)

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Лаборатория сравнительного правоведения в странах АТР
ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия
АРБИТРАЖНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГЛАВЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
Региональное отделение общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия
Ассоциация юристов Монголии
Общественная общероссийская организация
«Российская криминологическая ассоциация»
Региональная общественная организация
«Союз криминалистов и криминологов»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — XII

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(дистанционный формат)*

(Улан-Удэ, 16 апреля 2021 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)
С 75

Ответственный редактор
Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия
К. А. Будаев, канд. юр. наук, доц., проф. БГУ
О. В. Хышиктуев, канд. юр. наук, доц., проф. БГУ
Е. А. Мурзина, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук, доц.
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.
А. М. Бянкина (отв. секр.)

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Текст печатается в авторской редакции

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — XII:**
материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции
(г. Улан-Удэ, 16 апреля 2021 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурят-
ского госуниверситета, 2021. — 120 с.
ISBN 978-5-9793-1644-4

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для обучающихся и преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и актуальными проблемами права стран АТР и международным сотрудничеством на «азиатском» направлении.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region—XII: Proceedings of the annual International youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, 16 April, 2021) / sci. ed. Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. — 120 p.
ISBN 978-5-9793-1644-4

This collection has traditionally included articles by young scientists, postgraduates, undergraduates and students of universities in Russia, China, Mongolia, devoted to topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for students and university teachers, practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and current problems of the law of the Asia-Pacific countries and international cooperation in the «Asian» direction.

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (59:94)

ISBN 978-5-9793-1644-4

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередной раз 16 апреля 2021 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова (БГУ) состоялась ежегодная международная молодежная научно-практическая конференция **«Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XII»**. Мероприятие было проведено в дистанционном формате с использованием платформы ZOOM, благодаря чему участие в нем смогли принять более двухсот человек. Как отмечают авторы фундаментальных исследований, «В современных условиях при ускорении процессов глобализации и бурном росте экономики государств Восточной Азии и других стран АТР большинство экспертов предрекают данному региону превращение в основной центр мирового политико-экономического развития и локомотив мирового хозяйственного роста в XXI в. Отмечается, что «...один из сценариев геополитической стратегии России в XXI в. допускает возможность переноса основы могущества страны на Урал, Дальний Восток и в Сибирь». При этом ...«азиатская часть нашей страны порождает целый спектр геополитических стратегий: от открытия товарных рынков и рынков рабочей силы для китайцев, создающих основу долгосрочного сотрудничества с КНР, до использования сырьевого и энергетического потенциала для привлечения транснациональных инвестиций. Огромный потенциал российской инфраструктуры на Востоке страны (транспортные комплексы) может послужить основой для объединения приполярных государств в целях фронтального освоения Севера»¹.

Для региона характерно развитие интеграционных процессов по всем направлениям, даже в непростых условиях пандемии. Это, несомненно, требует наличия качественных исследований, в том числе и в области сравнительного правоведения, для выстраивания конструктивного диалога в «азиатском» направлении между государствами. Современность для стран Азиатско-Тихоокеанского региона открывает новые возможности и пути укрепления своего положения на международной арене, расширения сфер влияния, взаимовыгодного партнерства.

Международная молодежная научно-практическая конференция «Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XII» в очередной раз выступила площадкой, объединившей не только молодых исследователей, обучающихся, но уже традиционно всех, кому интересны вопросы развития государств Азиатско-Тихоокеанского региона. В рамках работы конференции открываются новые имена и лица, совершенствуются знания, приобретается новый опыт, укрепляются дружеские контакты, возникают новые партнерские отношения и, несомненно, все это способствует развитию сравнительного правоведения в данном направлении и взаимодействию между государствами, что взаимно позволяет обогатить знания о действующем законодательстве и практике его применения.

Соорганизаторами молодежного научного форума выступили Верховный суд Республики Бурятия, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Арбитражный суд Республики Бурятия, Администрация Главы и Правительства Республики Бурятия, Региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия, Ассоциация юристов Монголии, Общественная общероссийская организация «Российская криминологическая ассоциация», Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов».

Конференция традиционно начала свою работу с пленарного заседания, и в дальнейшем продолжила работу по пяти секциям. На торжественном открытии международного молодежного научного форума с приветственными словами выступили: ректор БГУ им. Доржи Банзарова Николай Ильич Мошкин, Генеральный консул Монголии в Улан-Удэ Дэмбэрэл Нямцэрэн, начальник кафедры Исполнения судебных актов Института службы исполнения судебных решений Университета внутренних дел Монголии Батболд Галбадрах, генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения КНР, председатель Научно-исследовательского института сравнительного правоведения Политико-юридического университета Китая Ван Чжи Хуа, председатель Верховного Суда Республики Бурятия Альбина Александровна Кириллова, декан юридического факультета БГУ им. Доржи Банзарова Эльвира Львовна Раднаева, директор Института экономики и права юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (ВСГУТУ) Ирина Архиповна Шаралдаева.

¹ Хабриева Т. Я. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Т. Я. Хабриева, Н. М. Бевеликова, Н.Г. Доронина [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из России, Монголии, Китая, Сирии, Ирана и Афганистана, после чего конференция продолжила свою работу в пяти секциях:

- **секция 1:** «Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект»;

- **секция 2:** «Международное право и международные отношения»;

- **секция 3:** «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР»;

- **секция 4:** «Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР»;

- **секция 5:** «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР».

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами и благодарственными письмами.

Лучшие доклады в пленарном заседании

Диплом 1-й степени — Ситник Владислав Николаевич, студент 3-го курса Саратовской государственной юридической академии, Россия, г. Саратов;

Диплом 2-й степени — Хаббабх Аммар, аспирант 2-го курса ФГАОУ ВО РУДН, Россия, г. Москва;

Диплом 3-й степени — Afghan Abdul Salam, postgraduate student, the first studying year, Ph.D, RUDN, Russia, Moscow; Afghanistan;

Лучшие доклады в научной секции 1

Диплом 1-й степени — Анпалова Елизавета Олеговна, студентка 2-го курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Россия, г. Иркутск;

Диплом 2-й степени — Батуева Ольга Робертовна, студентка 4-го курса БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 3-й степени — Амаржаргал Солонго, преподаватель, магистр права, факультет публичного права юридического института Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор;

Лучшие доклады в научной секции 2

Диплом 1-й степени — Норбоева Димит Цырендошиевна, студентка 4-го курса БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 2-й степени — Батуева Ольга Робертовна, студентка 4-го курса БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 3-й степени — Федорова Екатерина Максимовна, студентка 2-го курса БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Лучшие доклады в научной секции 3

Диплом 1-й степени — Савельева Татьяна Александровна, магистрантка 2-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 2-й степени — Баторова Сарюна Владимировна и Цырендашиева Виктория Цыбиковна, студентки 3-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 3-й степени — Петрова Анастасия Сергеевна, магистрантка 1-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Лучшие доклады в научной секции 4

Диплом 1-й степени — Ситник Владислав Николаевич, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии, Россия, г. Саратов;

Диплом 2-й степени — Соловьев Антон Антонович, магистрант 1-го курса, Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва;

Диплом 3-й степени — Малладаев Виктор Михайлович, магистрант 2-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Лучшие доклады в научной секции 5

Диплом 1-й степени — Шалданова Инесса Эдуардовна, магистрантка 2-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 2-й степени — Непомнящих Надежда Владимировна, магистрантка 1-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ;

Диплом 3-й степени — Артамонов Игорь Викторович, магистрант 1-го курса, БГУ, Россия, г. Улан-Удэ.

Благодарственными письмами Верховного суда Республики Бурятия награждены Гаврилов Борис Яковлевич, Louise Kazemi Sharait Panahi, Федорова Екатерина Максимовна, Ань Ци, Будажапова Сэсэгма Баировна, Ситник Владислав Николаевич, Чумаков Алексей Вадимович, Гулина Елена Витальевна.

Благодарственные письма Адвокатской палаты Республики Бурятия получили Чжао Лиго, Ямпиров Александр Алдарович, Липендин Владислав Игоревич, Тонг Куок Кыонг и Чан Тхи Нгок Ань, Яроцкая Юлия Александровна, Непомнящих Надежда Владимировна.

Благодарственными письмами Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия награждены Ситник Владислав Николаевич, Богодухов Никита Андреевич, Мадаев Кирилл Геннадьевич, Очиров Норбо Ешиевич, Погорелая Алёна Олеговна, Васильева Виктория Васильевна, Дууза Сайдана Шолбановна.

Благодарственными письмами Министерства внутренних дел по Республике Бурятия награждены Тышкенова Айгуль Григорьевна, Будажапов Вячеслав Александрович, Маладаев Виктор Михайлович, Шалданова Инесса Эдуардовна.

Благодарственные письма Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили Батуева Ольга Робертовна, Реуцкий Сергей Юрьевич, Дашдэлэг Бадам, Намдакова Янжима Владимировна, Салихов Роман Наилевич.

Благодарственным письмом Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия награжден Соловьев Антон Антонович.

Благодарственные письма комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы получили Трошинский Павел Владимирович, Омельянюк Георгий Георгиевич, Батболд Галбадрах, Санхоров Дмитрий Алексеевич, Норбоева Димит Цырендошиевна, Бадеев Виктор Владимирович, Наханцаков Булат Чингисович.

Благодарственными письмами Нотариальной палаты Республики Бурятия награждены Шагдурова Аянэ Сергеевна и Ерахтина Елена Александровна.

Представленные авторами научные статьи традиционно вошли в сборник молодежной конференции «Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XII», подготовленный по итогам работы конференции. Это издание может быть полезно преподавателям, аспирантам и магистрантам, студентам, и всем тем, кто интересуется вопросами и проблемами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Организаторы конференции выражают особую признательность Верховному суду Республики Бурятия, Восточно-Сибирскому филиалу Российского государственного университета правосудия, Арбитражному суду Республики Бурятия, Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия, Региональному отделению общероссийской организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия, Ассоциации юристов Монголии, Общественной общероссийской организации «Российская криминологическая ассоциация», Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов».

Научное издание в очередной раз сможет порадовать всех любителей компаративистики. Это конечно же результат работы и множества усилий неравнодушных позитивных людей, которые каждый год вносят свою лепту в развитие и успешную работу конференции, подготовку сборника научных статей по итогам ее работы. Благодарим всех за поддержку, содействие и активное участие, уважаемые коллеги! До новых встреч на площадках конференции!

*Ю. П. Гармаев
заведующий лабораторией
сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова,
заслуженный юрист РБ, доктор юридических наук, профессор*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Мораль и право в международных отношениях

© А. А. Бусоев
студент 1-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
thegrapefru@mail.ru

Данная статья посвящена проблемам права и морали в международных отношениях, их роли и влиянию. Автором заключены факторы, сложившиеся в международных отношениях под влиянием права и морали.

Ключевые слова: право, мораль, международные отношения, суверенитет.

Сейчас, в условиях XXI в., в период наивысшего развития правовой культуры, толерантности и уважения не только к другим культурам и нациям, но и к людям в целом, наиболее остро встает вопрос влияния права и морали на международные отношения. Согласно современным представлениям, международное право завершилось формироваться с окончанием Второй мировой войны и принятием Устава ООН в 1945 г. Современное международное право является обязательным для всех государств, в независимости от их боевой и экономической мощи, населения, территории.

Помимо Устава ООН, международные отношения регулируются Статутом международного суда ООН 1945 г., который в ст. 38¹ постановляет, что источниками международного права являются: 1) Международные конвенции; 2) Международный обычай; 3) Судебные решения и доктрины (с оговоркой в 59 ст.).

Говоря о международном праве, следует дать ему определение, - это система принципов и норм, регулирующих международные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества. В рамках международного права принято различать международное частное и международное публичное право. Под международным публичным правом понимаются юридические принципы и нормы, регулирующие международные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества. Международное частное право же регулирует отношения, связанные с отдельными лицами, организациями и т. д.

Подписание Вестфальского мирного договора 24 октября 1648 г. ознаменовало становление принципа суверенитета как ключевого понятия в международном праве. Согласно данному принципу, государство имеет властные полномочия в рамках своей территории, а также самостоятельно на международной арене; остальные же государства не вправе вмешиваться в его внутреннюю политику².

Из принципа суверенитета вытекает следующий принцип: *принцип суверенного равенства государств*, означающий, что все государства юридически равны, вне зависимости от размера их территории, населения, экономической и военной мощи; все они обладают равными правами.

Переходя от права к морали в международных отношениях, следует отметить, что и в отрыве от международных отношений, мораль, наравне с правом, выступает одним из главных социальных регуляторов. Говоря же о международной морали, можно дать ей следующее определение: это совокупность норм, регулирующих международные отношения с точки зрения морали, этики и нравственности в целях становления демократического и ненасильственного мироустройства.

Согласно Уставу ООН, высшими общечеловеческими ценностями являются всеобщий мир и безопасность, дружественные отношения на основе принципов равноправия и самоопределения, мирное сотрудничество, справедливость и международный правопорядок.

Однако, говоря о международной морали, необходимо понимать, что она складывается из моральной культуры государств. В данном случае появляется необходимость консолидации между моральными нормами отдельных государств и международной моралью, для чего требуется откинуть узконациональный эгоизм, отдав приоритет международным нормам.

¹ Статут Международного Суда (принят в г. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. 12. С. 47–63. Текст: непосредственный.

² Вестфальский мир (Мюнстер, 1648 г.). URL: <https://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

На сегодняшний день одним из главных моральных принципов является принцип гуманности, который нашел свое отражение в тексте Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны¹: здесь, в частности, устанавливается запрет неограниченного использования насилия в ходе военных действий, выражается стремление к защите прав и свобод человека, а также идет некий призыв использовать наиболее гуманные способы и средства ведения военных действий².

В современных реалиях все более остро ощущаются проблемы, связанные с экологической угрозой, угрозой ядерной войны, терроризма, проблемы отсталости и бедноты стран Африки и т. д. Решение всех этих проблем требует выработки и работы совместных моральных ценностей, а не отрицания их, как таковых.

Литература

1. Ахматов А. В. К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2008. № 4. С. 85–91. Текст: непосредственный.

2. Ланцов С. А. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений: теоретические концепции и внешнеполитические практики // Политекс. Политические науки. 2005. Вып. 3. С. 102–113. Текст: непосредственный.

3. Цвык А. В. Этика политической ответственности в международных отношениях // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 257–264. Текст: непосредственный.

4. Цвык А. В. Нравственные основы международных отношений // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2014. № 2. С. 176–181. Текст: непосредственный.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). URL: un.org (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) // Конвенция, Приложения, оговорки на русском языке опубликованы в издании: сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. 16. С. 204-278, 280. Текст: непосредственный.

К вопросу об антиконкурентных соглашениях, в том числе связанных с приобретением недвижимого имущества, созданного в будущем, как одного из видов ограничения конкуренции

© **И. В. Кочнева**

начальник отдела антимонопольного контроля
и рекламы Забайкальского УФАС России,
канд. полит. наук
Россия, г. Чита
Irina.kochneva12@yandex.ru,

© **А. М. Бянкина**

ст. преп. ЗабГУ
куратор базовой кафедры антимонопольного
регулирования и закупок
при УФАС РФ по Забайкальскому краю
Россия, г. Чита
leon-84@mail.ru

Несмотря на введение государством правового механизма борьбы с заключением или недопущением заключения в частности рассмотренных антиконкурентных соглашений, как с точки зрения установления законодательной базы, так и с точки зрения учреждения органа государственной власти, обладающего соответствующими полномочиями в указанной области, отсутствие знаний в области антимонопольного законодательства, в том числе по определению признаков антиконкурентного соглашения и по недопущению его заключения не только у сотрудников хозяйствующих субъектов, но и у сотрудников органов государственной власти и организаций, обладающих функциями указанных органов, тормозят все существующие правовые процессы. Данные негативные моменты подлежат коррекции, в том числе и с помощью соответствующего обучения, что требует в срочном порядке организации на базе Высших учебных заведений кафедр конкурентного права и антимонопольного регулирования повсеместно.

Ключевые слова: свободная конкуренция, признаки нарушения норм антимонопольного законодательства, антиконкурентные соглашения.

Анализируя причины увеличения фактов обнаружения признаков нарушения норм антимонопольного законодательства авторами сделана попытка акцентировать внимание на одном из видов антиконкурентных соглашений, таких как соглашение, заключенное между органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, осуществляющими функции указанных органов, и хозяйствующими субъектами на территории конкретного субъекта Российской Федерации (в частности, анализируя практику по Забайкальскому краю).

При проведении такого анализа необходимо обратиться к статистике. Управлением ФАС России по Забайкальскому краю (далее — Управление) за период с января по октябрь 2020 г. выявлено значительное количество нарушений норм Федерального закона №135-ФЗ от 26.07.2006 «О защите конкуренции» (далее - закон «О защите конкуренции») со стороны хозяйствующих субъектов и органов государственной власти, органов местного самоуправления (далее — органы), организаций, которым переданы функции органов власти, в том числе вынесено решений, предупреждений и предостережений: более 50 в связи с нарушениями норм закона «О защите конкуренции»¹.

Вынесение Управлением вышеуказанных актов, устанавливающих наличие состава правонарушения закона «О защите конкуренции» влечет за собой привлечение нарушителей (юридических лиц, должностных лиц) к административной ответственности. К должностным лицам кроме штрафных санкций применяется такая административная мера, как дисквалификация. Учитывая значительность санкций, содержащихся в нормах КоАП РФ, в том числе статей 14.32, 14.9 и т. д., за совершение вышеуказанных нарушений, правовые пробелы в знаниях специалистов, осуществляющих трудовую деятельность в органах и хозяйствующих субъектах, наблюдая реакцию представителей ответчиков по делу о нарушении антимонопольного законодательства, - недоумение в связи с наличием законодательно установленных санкций за такого рода сговоры, возникает вопрос о наличии компетентных специалистов, в основном юристов, обладающих знаниями в области антимонопольного законодательства на территории соответствующего региона Российской Федерации².

¹ О защите конкуренции: федер. закон [от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (с пос. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31(1 ч.). Ст. 3434. Текст: непосредственный.

² Кодекс об административных правонарушениях РФ: федер. закон [от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с пос. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1(1 ч.). Ст. 1. Текст: непосредственный.

Согласно ст. 16 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» «запрещаются соглашения между федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации или между ними и хозяйствующими субъектами либо осуществление этими органами и организациями согласованных действий, если такие соглашения или такое осуществление согласованных действий приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции, в частности к:

1) повышению, снижению или поддержанию цен (тарифов), за исключением случаев, если такие соглашения предусмотрены федеральными законами или нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации;

2) экономически, технологически и иным образом не обоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар;

3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо по составу продавцов или покупателей (заказчиков);

4) ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов».

Учитывая сказанное, следует, что законодатель выделяет в качестве антиконкурентных соглашений сговоры, выявляемые с помощью прямых и косвенных доказательств, между заказчиками, в качестве которых выступают «федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные осуществляющие функции указанных органов органы или организации, а также государственные внебюджетные фонды, Центральный банк Российской Федерации», согласно закону «О защите конкуренции», и соответственно исполнителями, в качестве которых выступают хозяйствующие субъекты¹.

В п. 9 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016) указано, что «факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством. Законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства его подтверждают, а также не установлены и не могут быть установлены требования к форме подтверждающих документов. Переписка по электронной почте между ... лицами подлежала оценке наряду с другими, в том числе косвенными, доказательствами в их взаимосвязи и совокупности. О достоверности представленных антимонопольным органом документов и материалов может свидетельствовать совпадение их содержания с другими подтвержденными по делу обстоятельствами»².

Т.е., с точки зрения антимонопольного законодательства, институт соглашений является фундаментальным не только в гражданском праве, но и в рамках антимонопольного законодательства, поскольку значительная часть гражданско-правовых многосторонних сделок являются соглашениями по смыслу закона «О защите конкуренции». Принимая во внимание множественность таких сделок, заключаемых между вышеуказанными сторонами, в том числе и по процедуре размещения государственного (муниципального) заказа, количество антиконкурентных соглашений достаточно обширное.

Негативные последствия от антиконкурентных соглашений между «федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации или между ними и хозяйствующими субъектами» в виде ограничения конкуренции не вызывают сомнений. По указанному основанию в целях проведения мероприятий, связанных с необходимостью защиты конкуренции как неотъемлемого явления правового государства со справедливой рыночной экономикой Российской Федерацией с точки зрения принятия закона «О защите конкуренции» сделана попытка включения правового механизма, который направлен на достижение

¹ О защите конкуренции: федер. закон [от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (с пос. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31(1 ч.). Ст. 3434. Текст: непосредственный.

² Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 9. Сентябрь. Текст: непосредственный.

цели ограничения, а в последствии исключения фактов заключения, как с правовой точки зрения, так и с экономической, таких соглашений и, соответственно вредных последствий от такого заключения.

Соответственно, реализация основной концепции пресечения возможности заключения антиконкурентных соглашений, установленная нормами закона «О защите конкуренции», учитывая предоставленные полномочия, легла на плечи Управлений ФАС России по субъектам Российской Федерации. При этом следует отметить, что в практике возникают определенные сложности при определении правовой природы антиконкурентных соглашений. При разнящихся подходах на территории различных субъектов Российской Федерации указать на существование одного общего критерия установления антимонопольного соглашения и эффективные методы борьбы с ним достаточно затруднительно.

Хозяиствующие субъекты и соответствующие заказчики воспринимают факт определения заключения антиконкурентного соглашения только с помощью наличия или отсутствия факта заключения гражданско-правовой сделки в письменной форме, не понимая ошибочно того, что факт заключения антиконкурентного соглашения может быть определен с помощью любых целенаправленных действий, документов и т. д.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»¹ антимонопольное законодательство Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», иных федеральных законов, регулирующих отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, и отнесены к сфере применения антимонопольного законодательства (ч. 1 ст. 2, ст. 3 Закона о защите конкуренции).

Факты нарушения антимонопольного законодательства, связанного с приобретением недвижимого имущества, созданного в будущем, являются специфическими и в основном презюмируют нарушения норм статей 16, 17 Закона о защите конкуренции, применение норм той или иной статьи зависит от наличия или отсутствия факта проведения торгов.

Несмотря на кажущуюся четкость в регулировании правоотношений и, соответственно, установлению признаков нарушения норм статей 16, 17 Закона о защите конкуренции, следует отметить, что антиконкурентные соглашения разного вида, а в данном случае, установленные именно нормами статей 16, 17 Закона о защите конкуренции, носят антиобщественный характер. При этом в каждом конкретном случае способы доказывания их наличия хоть и являются индивидуальными в зависимости от специфики дела, но все же должны исходить из общей концепции доказывания.

В Разъяснениях № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3)² указано, что при доказывании антиконкурентных соглашений и согласованных действий могут использоваться прямые и косвенные доказательства.

Прямыми доказательствами наличия антиконкурентного соглашения могут быть письменные доказательства, содержащие волю лиц, направленную на достижение соглашения: непосредственно соглашения; договоры в письменной форме; протоколы совещаний (собраний); переписка участников соглашения, в том числе в электронном виде. Факт заключения антиконкурентного соглашения может быть установлен, как на основании прямых доказательств, так и совокупности косвенных доказательств.

Как указывает А. В. Даниловская, «отношения азиатских стран к злоупотреблению доминирующим положением, картелям, формам недобросовестной конкуренции, несмотря на различия в правовых системах и путях развития внутренних экономик, не является принципиально отличным — их законодательство построено на традиционных экономических ценностях — защите конкуренции, прав потребителей, недопущении недобросовестных практик» [2, с. 109]. Она же отмечает, что антимонопольное законодательство и уголовная ответственность за его нарушение изначально появились в Японии. А. В. Даниловская, как и иные авторы, рассматривающие этот вопрос, пишет, что «... на их

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление пленума ВС РФ [от 04.03.2021 г. № 2] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5. Май. Текст: непосредственный.

² Разъяснение № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах». URL: fas.gov.ru (дата обращения: 25.05.2021). Текст: электронный.

становление и первоначальное развитие оказало влияние антитрестовское законодательство и судебная практика США: после Второй Мировой войны США приняли непосредственное участие в определении направлений японской антимонопольной политики» [2, с. 109].

К примеру, если обратиться к опыту стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Китая, то как отмечается в литературе, в частности М. В. Белобородовым, «первым документом, регулирующим конкурентные отношения в КНР, были Правила о совершенствовании и защите конкуренции (Regulations on Development and Protection of Competition, 1980), а Закон о противодействии недобросовестной конкуренции (Law of the People's Republic of China for Countering Unfair Competition, 1993) стал основным законом в Китае, направленным на защиту внутреннего рынка. Он определил шесть признаков недобросовестной конкуренции и пять видов ограничивающего конкуренцию поведение, а также уполномочил Государственное торгово-промышленное административное управление и его территориальные офисы защищать конкуренцию на рынках Китая» [1, с. 106].

Как указывает М. В. Белобородов, «позднее был принят целый ряд законов и нормативных актов, направленных на предотвращение недобросовестной конкуренции: Закон о ценах, о проведении торгов и конкурсов, о государственных закупках, Положение о запрете применения региональных запрещений рыночных и экономических действий и Положение о телекоммуникационной отрасли. Данными документами были введены стандарты определения поведения, ограничивающего экономическую конкуренцию, с учетом разных аспектов» [1, с. 106]. И как отметил автор текста, перспективы развития конкурентной политики КНР до 2020 г. были определены следующие:

- «преобразование плановой экономики в рыночную, настроенную на унифицированную, открытую и честную конкуренцию; реорганизация, слияние и акционирование государственных предприятий для повышения их конкурентоспособности;
- регулирование рыночного порядка обращения, устранение региональных барьеров и отраслевой раздробленности юридическими и экономическими методами;
- совершенствование правовой системы в контексте потребностей рыночной экономики и мирового экономического развития» [1, с. 106].

В сравнении, российское антимонопольное законодательство становилось и развивалось позже, внедрялось поэтапно. И по настоящее время законодательство антимонопольной отрасли совершенствуется, как и правоприменительная практика его применения.

Несомненно, сложившийся опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые значительно раньше, чем Россия, стали уделять внимание конкурентным отношениям, антимонопольному регулированию, исследованию вопросов применения на практике принципа свободы конкуренции, может быть полезен и российским правоприменителям в сфере регулирования антимонопольных правоотношений на современном этапе.

Литература

1. Белобородов М. В. Сравнительный анализ антимонопольного регулирования стран АТР // Россия и АТР. 2011. № 3. С. 105-112. Текст: непосредственный.
2. Даниловская А. В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 2. С. 107-123. Текст: непосредственный.

Concept about law principles and its essence

© Amarjargal Solongo

Lecturer at Public Law Faculty,
School of Law,
Mongolian State University
Mongolia, Ulaanbaatar
asolongo@num.edu.mn

How fundamental understanding of law was described and considered in historical times and how they were arranged into specific and common principles shall be reviews in this article. Law principles play the important role and impact in accomplishing legal objectives and commitments, and become their essential resource. Law principle is a legal basic orientation to be observed in providing social living needs and requirements and regulate their relations.

Keywords: Law principles, natural principles, legal principles, ethics principles, specific principles and common principles.

In ancient times, the codes or life principles that settled human behaviors were expressed by culture, tradition, rituals and myths. They developed spontaneously over a long period of time due to the need for human survival and reproduction in the harsh conditions of nature. In other words, it may be considered that they had “natural bases”. In the old days, social standards were traditions, ethical norms, and religious precepts, that’s why they were sometimes called mononorms (i.e, unified, indivisible norms).

Prohibitions often existed in the form of taboos. A quarantine is a system that prohibits certain actions (use of something, speech, etc.) that are punished by supernatural force according to superstition. Prohibitions expressed the basic principles of human life.

In ancient times, those who breached social norms were severely punished, such as imposing public criticism, deporting from the community, causing physical harms, and the death penalty. Therefore, the law principles that were foundation of social development and life are reflected in the history of state and law [1].

The concept about law principles is one of the most vital issues in modern law science, and the category of «law principles» is the main foundation of law theory.

After the formation of democracy in our country and the approval of the 1992 new Constitution of Mongolia, special attention was paid to human and civil rights, freedoms, distribution of state authority, recognition of private property, and improvement of the legal environment, which became the foundation of a democratic state. The common principles of law constitute the basis of any legal structure. The functional significance of the common principles of law is associated with the recognized authority, which is applied in the field of law enforcement, legislation and in everyday life.

The essence of law and its social significance are manifested through its principles. A law principle is a set of standpoints that express the key ranges of a law [2].

The principle of law is to express the essence of state law, to contain the leading standpoints of legal science, to be included in legislation in the form of norms, to direct the ways to eliminate and improve legal omissions and conflicts, as well as unregulated environment.

The principle of law has a profound effect on the whole process of preparing, publishing, and enforcing compliance with legal requirements. The principle serves as a key reference point for lawmaking, law enforcement, and government agencies. The coordination, consistency, and effectiveness of the legal system depend on how they are complied with.

The principle of law is the most common norm, which on the one hand expresses the legitimacy of law, and on the other hand applies to all ranges of legal regulation referring to all subjects. Law principles describe the ways in which legal norms can be improved in terms of the standpoints that should direct the lawmakers. With the help of law principles, the legal system is adapted to the interests and needs of society and people. We can observe the importance of this issue from this point. Legislation formally reflects law principles and expresses only its fundamental concepts.

Law principles may be classified as follows according to their legal nature:

- Natural principle;
- Legal principles;
- Ethical principles.

Natural principles of law are conditioned by the nature of inherent rights, reflect fundamental human interests, and are supported and protected by social demands. The law principal of legislation is a principle included, legalized and regulated in international legal norms and national laws. The ethics principles of law

is not only the minimum procedures and compliance of behavior of any subject (individual, citizen, official) in community, but also the valuables and norms of ethic-cultural, humanism and norms to be observed in participating in legal relations.. These principles have some outstanding features, but they are interdependent and interconnected in quality sense. Therefore, when considering the types and classifications of law principles, they can be harmonized in singleness and expressed at a common level..[3]

Law principles are classified in law science textbooks and divided into different groups.

Law principles are divided into socio-economic, political, ideological, ethical, religious and specific legislation, depending on their nature. Specific law principles are social principles, however they are translated as law structure, legal means, and ways to serve them.

Specific law principles include the following:

1.Mandatory legal norms for all citizens, the principle that these norms take precedence over all other social norms;

2. The principle of dividing legislation into public and individual, comparatively substantive branches and institutions;

3.Convenient principles between objective and subjective legislation, between legal norms and legal relations, between law and its enforcement;

4.Principles of equality before the social freedom, the law and the courts;

5.Principles of legality of individual rights, freedoms and guarantees, coordination of activities of all officials and government organizations with legal norms;

6.Principle of justice to impose legal charges for committed criminal offenses;

7.To impose legal charges only on the guilty person and to consider him / her innocent until the court finds him / her guilty; the principle of the presumption of innocence;

8.Principles of non-retroactive application of new or more severe penalties, compassionate /humane/ punishment, and contribution to the correction of criminals;

In addition to this gradation, the principles of law are divided into groups, depending on whether they apply to the entire system of law, to several branches, or to one branch of law.

The common principle is the most general standpoint that expresses the essence, features and content of the law as a whole and makes the national legal system as guideline.Justice, law-and-order, humanity, the democracy, unity of rights and responsibilities, and accountability for guilt are common principles.

These legal principles are reflected in the Constitution and detailed in other laws. Article 1 of the Constitution of Mongolia states: “Democracy, justice, freedom, equality, national unity and the law-and-order are the basic principles of state activity”¹.

Because the legislation is the main instrument of the state activity, the principles of the state activity and the principles of the law are closely related. Law principles have decisive role in law regulation by their influential nature.

Bibliography

1. Vengerov A. B. Theory of state and law. Ч. 2. Theory of law. М., 1996. С. 57–58, 61.
2. Nyamsuren Ch. Theory of legislation. UB., 2000. С. 110.
3. Bayarsiakhan D. Theory of legislation. UB., 2018. С. 50.

¹ Constitution of Mongolia. 1992. State Information Magazine. No.01. Article 1.

Требование о гражданстве как основа для защиты граждан за рубежом

© Аммар Хаббабх

аспирант,
Рос. университет дружбы народов
Россия, г. Москва
ammarrhabbabbh@gmail.com

Если право государства защищать свою территорию от любого посягательства или нападения считается международно-признанным и установленным правом, то защита его граждан и обеспечение их прав за рубежом также является признанным правом государства, и положения международного права включают систему такой защиты под названием «консульская защита». Дело о консульской защите является инструментом возбуждения международной ответственности в отношении государства, нарушившего свое международное обязательство перед гражданами других стран.

Ключевые слова: международное право, консул, граждане, консульская защита, ответственность.

В международном праве существует устоявшийся принцип, согласно которому государство не может вмешиваться посредством дипломатической и консульской защиты, особенно в международных юрисдикциях, если только потерпевшее лицо не имеет своего собственного гражданства¹.

Важность этой темы возросла в связи с происходящими на международной арене последними событиями, которые усложнили отношения между государствами и отдельными лицами, что в свою очередь может привести к возможности нанесения ущерба им самим или имуществу, которое находится у них в собственности. Вышеуказанное требует от ответственного лица возмещения и компенсации ущерба в рамках своего внутреннего законодательства и юрисдикции. Если оно не в состоянии выполнить данные обязательства, он имеет право обратиться к своему государству с просьбой вмешаться для обеспечения его дипломатической и консульской защиты, которая принимает различные формы, включая официальные требования дипломатическими средствами или обращение к международному правосудию.

Требование наличия иждивенческой связи между потерпевшим лицом и защищающим государством является одной из предпосылок в рамках международных претензий, что неоднократно подтверждалось, что поставило идею гражданства и консульской защиты в центр проблем международного права.

- Принцип права на защиту со стороны государства гражданства перед международным правом и исключения из него:

Международное право и правосудие установили, что никакое международное требование не может быть принято от имени граждан государств, если не будут выполнены определенные условия. Первое и самое важное из них заключается в том, что между потерпевшим лицом и государством, которое занимается его защитой на международном уровне, должна существовать связь, а также в том, чтобы исчерпать внутренние средства правовой защиты, доступные ему в соответствии с законодательством государства, причинившего вред. Третьим условием является требование «чистых рук», что означает, что пострадавший не внес свой вклад в ущерб, причиненный его поведением. Однако это условие подвержено расхождению между юристами и правоведами, между сторонниками и противниками его, в то время как один юрист полагает, что это условие может быть включено в условия падения международной ответственности [1].

Требование гражданства неоднократно подтверждалось судебными органами, практикой международного права, а также внутренними законами государств, под которыми мы подразумеваем Конституции, признающие роль государства в защите своих граждан за рубежом.

- Признание гражданства международными судами:

Международные суды, как обычные, так и арбитражные, во многих случаях устанавливают правила требования о гражданстве и прямо требуют, чтобы потерпевшее лицо было гражданином государства, требующего консульской защиты. Вместе с тем в нем проводится различие между гражданством физического лица и гражданством юридического лица в контексте международных требований.

Он также подчеркнул требование о гражданстве еще до рассмотрения предмета спора, поскольку предмет иска, относящийся к конкретному спору, может превратиться в спор, касающийся самого

¹ В соответствии со ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. понятие граждан включает как «физических», так и «моральных» субъектов как «оказывающих помощь и содействие гражданам государства, независимо от того, являются ли они физическими или моральными лицами».

предмета гражданства, как это имело место в деле «Avena» [2], Происхождение спора касалось предъявленного Мексикой Соединенным Штатам Америки 9 января 2003 г. в Международном суде обвинения в нарушении статей 5 и 36 о консульских сношениях 1963 г. После того, как 54 мексиканских гражданина были арестованы и приговорены к смертной казни, Соединенные Штаты Америки оспорили с Мексикой гражданство некоторых лиц на том основании, что они имеют американское гражданство и Мексика не имеет права вмешиваться в процесс их защиты.

Даже если государство может доказать, что за потерпевшим лицом закреплено его гражданство, этого недостаточно, особенно если мы сталкиваемся с ситуацией, когда лицо имеет более чем одно гражданство, поскольку в таких обстоятельствах защищающее государство должно иметь свои приемлемые и убедительные доказательства относительно индивида. Это делается путем доказательства наличия реальных связей между государством и потерпевшим лицом, как это было заявлено Международным судом в его решении от 6 апреля 1955 г. по делу «Nottebohm» [3]. Вышеуказанное подтвердило принцип «эффективного гражданства» в требованиях о дипломатической и консульской защите в том случае, если потерпевшее лицо имеет более одного гражданства.

Постоянная палата международного правосудия ранее играла важную роль в подтверждении важности доказательства гражданства, что было отражено в ее Решении от 14 сентября 1922 г. по делу об экспроприации иностранных религиозных организаций в Португалии, которая была подчинена Франции, Великобритании и Испании, поэтому суд разрешил этим странам защищать только граждан, имеющих свое гражданство, без каких-либо ограничений¹.

Тот же суд подтвердил требование о гражданстве в отсутствие какого-либо предварительного международного соглашения, которое было указано в его решении от 28 февраля 1939 г. по железнодорожному делу «Паневежис-салдутискис», в котором говорилось, что «в отсутствие специального международного соглашения Ассоциация гражданства между физическим лицом и государством является ассоциацией, которая дает государству право на консульскую защиту своих граждан»².

- Признание международным правом условия гражданства:

Во многих международных актах международное право подчеркивает требование гражданства при осуществлении дипломатической и консульской защиты и возбуждение иска о международной ответственности против государства, причинившего вред иностранцам:

- Конференция по международному праву 1930 г. в Гааге, где в докладе ее подготовительного комитета говорилось: «государство не может требовать финансовой компенсации за ущерб, понесенный гражданином на территории иностранного государства, если только лицо, пострадавшее в результате этого ущерба, не является гражданином его собственной национальности».

- Ст. 23 проекта Конвенции о международной ответственности, подготовленного Гарвардским университетом в Соединенных Штатах Америки в 1961 г., предусматривает, что «государство компетентно предъявлять международные требования от имени своих граждан».

Однако комиссия международного права сыграла значимую роль в подтверждении требования о гражданстве посредством проектов статей о дипломатической и консульской защите 2006 г., посвятив целый раздел, озаглавив его «Гражданство». Комитет счел, что защита граждан государства, будь то физических или юридических лиц, является правом государства гражданства, и поэтому комитет подчеркнул основополагающее правило дипломатической защиты, которое мы затрагиваем в пункте 1 ст. 3 проекта: «Государством, имеющим право осуществлять дипломатическую и консульскую защиту, является государство гражданства» Однако комитет проводит различие между защитой физических лиц и защитой юридических лиц, Что касается требования о гражданстве для защиты физического лица, то ст. 4 проекта предусматривает, что «Для целей дипломатической и консульской защиты физического лица государство гражданства означает любое государство, гражданство которого это лицо приобрело в соответствии с законодательством этого государства по рождению, происхождению, натурализации, правопреемству государств или любым другим способом, не противоречащим международному праву».

Согласно ст. IV, государство гражданства для целей защиты должно основываться на двух принципах: 1) свобода государства определять лицо, имеющее право на приобретение его гражданства в соответствии со своим внутренним законодательством; 2) второй принцип ограничивает свободу, не противореча нормам международного права³.

¹ Affaire Nottebohm, (Liechtenstein c. Guatemala), CIJ arrêt du 6 avril. 1955. P. 23.

² Affaire du chemin de fer Panevezys-Saldutiskis, Estonie c. Lituanie, CPJI arrêt du 28-02-1939, série A/B, N° 74. P. 28.

³ Решения и постановления Международного Суда 1948–1991 гг. URL: www.icj-cji.org (дата обращения: 07.10.2020). Текст: электронный.

Что касается защиты юридического лица, то мы считаем, что оно приняло положение, которое вполне согласуется с тем, что решил Международный суд в своем постановлении по делу «Барселона трэкшн». Однако, чтобы избежать критики со стороны суда, Комиссия приняла в проектах статей формулу удовлетворительного правила о корпоративной защите. Далее, комиссия не отступила от правила, установленного Международным судом в деле «Барселона трэкшн», согласно которому государство инкорпорации является государством гражданства корпорации, которое имеет право вмешиваться для осуществления ее защиты.

Несмотря на важность установления стандарта для осуществления дипломатической и консульской защиты компаний, на наш взгляд, он недостаточен, так как стандарт эффективной национальности компаний должен применяться в отношении того, что применимо при защите физических лиц с различными факторами, которые должны рассматриваться в качестве вспомогательного критерия для обозначения государства, имеющего право на получение гражданства.

В тексте п. 2 ст. 9 делается следующее исключение «однако, когда компания контролируется гражданами другого государства или государств и компания не имеет значительной коммерческой деятельности в государстве регистрации, а также когда штаб-квартира компании и финансовый контроль находятся в другом государстве, это государство считается государством гражданства».

Таким образом, можно сказать, что государство, отличное от государства инкорпорации, может рассматриваться как государство гражданства, то есть то, в котором компания имеет фактические связи, но при соблюдении ряда условий, в том числе:

- Контроль в компании осуществляется за гражданами другого государства (государств);
- Компания не имеет существенной деятельности в государстве регистрации;
- Штаб-квартира управления и финансового контроля соответствующей компании должна находиться в другой стране.

Следует отметить, что основными нормами международного права, касающимися объединения граждан, не являются создание постоянной палаты международного правосудия или Международного суда, поскольку реализация этих норм была ранее известна и является тем, что мы затрагиваем в решениях международных арбитражных комитетов.

Состояние правовой связи между потерпевшим лицом и его государством подтверждается также во многих трудах ученых-международников, таких как Шарль Руссо, Кисс, Буршар, Шаби и др. Можно сказать, что идея защиты граждан за рубежом связана с идеей гражданства, особенно в том случае, если они несут ущерб, причиненный международно-противоправными деяниями какого-либо иностранного государства.

Литература

1. Мухаммад Бус Султан. Принципы международного публичного права. Москва, 2008. Ч. 1. С. 117. Текст: непосредственный.
2. JEAN Chappez. Protection diplomatique // JCL droit international. Vol 4. éditions du Juris-classeur, 1999. fascicule 250. P. 7.
3. KISS A. C. La protection diplomatique, Encyclopédie juridique, Répertoire de droit international, T. 2. Dalloz. Paris, 1969. P. 692.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Искусственный интеллект между научной необходимостью и юридической этической ответственностью

© Аль-Мутаири Фурад Заки Салих
postgraduate student,
the first studying year, RUDN,
Russia, Moscow
1042208029@rudn.university

Technology advances in many ways to facilitate human life, but its uses are sometimes harmful and dangerous. As the capabilities of artificial intelligence expand, experts advise to discuss how best to positively develop it while reducing its destructive potential. Here we review some of the most prominent merits & demerits and risks of artificial intelligence.

Keywords: Artificial intelligence, Technology, development, advantages & disadvantages, positive & negative impacts, threats

Research goals

The purpose of the research is to introduce this modern technology, its most important advantages and disadvantages, and its positive and negative effects on humans and their environment in the short and long term.

Introduction

Artificial intelligence has become one of the terms which we heard a lot during this period, due to its presence in many life sciences surrounding humans, with the development of technology and the entry of computers in all fields, artificial intelligence has become a part of it, with expectations of imposing great hegemony during the coming period. Knowing the levels and limits of artificial intelligence is one of our aims in this study and in order to investigate the whole scheme of this technology we have to know first what is artificial intelligence? Second, how does artificial intelligence work? What's its known types? How can it be used? What's the bright side of it? Does it form any kind of threat in the long-term future? Many questions have been raised and debated over the world among people in general and researchers and scientists in specific. We will touch on its main and sub-fields later, together with mentioning the most important characteristics of this technology, with an indication of its most important advantages, disadvantages, and its impact on our lives on this planet. We will deal with the most important methods of using this technology, in addition to mentioning the most important known types nowadays. The importance of artificial intelligence comes from the fact that artificial intelligence has changed many areas of our daily life, from health care to transportation, the tasks that humans usually perform are now performed by computers or robots, more quickly and efficiently, in addition to that, artificial intelligence adapts more and faster. Artificial intelligence is one of the types of modern science that has spread widely in recent times, and has even entered many industrial and research fields, especially robotics and smart services for governments and companies. Artificial intelligence works by combining large amounts of data with fast and iterative processing and smart algorithms, allowing software to automatically learn from patterns or features in the data. Artificial Intelligence is a broad field of study that includes many theories, methods, and techniques. What's the most significant usages of artificial intelligence, I would like to recall these areas:

1. Learning artificial intelligence works on automation of learning and repeated discovery through data, instead of automating the handicrafts, artificial intelligence performs the functions of a repeated and large-scale proper function and are tired of this, the inquiry of human being, especially the system for the preparation of the system and the correct questions.

2. Adding intelligence to products in most cases, artificial intelligence will not be sold as an individual application, so the products that you are already used through artificial intelligence are completely addressed like adding SIRI as a new application of Apple products, where automation, conversations, smart robots and robots can be integrated with large amounts of data to improve many techniques at home and in the workplace, security reports to investment analysis.

3. Adapting through learning intelligent algorithms, artificial intelligence detects the regulation of organizing the skill of the algorithm, as it is evaluated or rated, so the colors need to teach themselves how to play chess, and they can learn the same product that they recommend online.

4. Deep analysis: Artificial intelligence analyzes more and deeper data using nervous networks that contain many hidden layers, a few years ago, the system was to build fattening detection with a semi-impossible layer of all that has changed thanks to the enormous computer power and huge data. You need a lot of data to train deep learning models, they learn directly from, the more data you can offer, the accuracy of this data has increased.

5. Full use of artificial intelligence gets the most out of data, when the self-learning algorithms can become the same data intellectual property. The answers exist in the data, just have the artificial intelligence to remove them, since the role of data now has become more important than ever, it can create a competitive advantage, if you have the best data in a competitive industry, even if all the dyes are similar to the best, the best data will be adopted¹.

The best advantages can ever be achieved through this technology;

In the following paragraphs the best advantages can ever be achieved through this technology will be revealed. Artificial intelligence improves the way we work, it is not about replacing people, it is about changing our workplaces for the better, for these reasons, it is currently used by a variety of industries, including:

1. Health care;

Artificial intelligence can mimic cognitive functions, and this makes it well-suited to healthcare, as many issues need to be addressed to make treatments faster, more effective, and more affordable. One example of this is the use of artificial intelligence to build databases of drugs and medical conditions, this can help us find treatments or cures for rare diseases. Artificial intelligence is also being used to make healthcare affordable around the world, the machine can simulate a doctor's brain, and learn how humans express their illnesses.

2. The transport sector;

Artificial intelligence is greatly improving the efficiency of the transportation sector, as it can help improve routes, and find faster and safer trips for different vehicles.

3. The industry sector;

The adoption of artificial intelligence in different factories helps to make some operations more secure, improve engineering efficiency, cut costs, increase revenue, supply and Demand Plan.

4. The space sector;

Artificial intelligence is very promising in space and satellite technology.

The data collected by space technology and processed by AI devices is returned to the industries that require it, allowing them to proceed accordingly.

5. Global navigation;

The data collected by Global Navigation Satellite Systems (GNSS) can support AI applications, tracking and tracking, positioning and logistics are all areas that could be greatly improved due to accurate and consistent data collection.

6. Earth observation;

Satellite imagery combined with artificial intelligence can be used to monitor a number of different places, from urban areas to dangerous areas. This can help improve urban planning, find better places to develop, it can also help discover new ways, allowing us to move around more quickly and efficiently.

Satellites can also monitor areas of concern, such as deforestation, data collected by this technology can help researchers monitor and take care of them, in addition to that, satellites can be deployed to monitor dangerous environments such as nuclear sites, without the need for people to enter.

7. The field of communication;

Satellites can transmit important information to artificial intelligence devices, providing reliable and important communication. This can be used for traffic needs, for example: satellites can collect data on congestion or accidents and return it to machines, then AI can be used to find training courses. Alternative, redirect or divert traffic when necessary [2].

Since the emergence of the Corona virus in the world, and the supremacy of artificial intelligence has appeared in the many and different areas of health care, and it is expected in such circumstances that it will achieve a tremendous revolution in the field of medicine and health care. Therefore, one of the most expected strategies for artificial intelligence to achieve in the field of medicine was the following:

1. The unification of mind and machine;

Using computers to communicate is by no means a new idea, but creating direct interfaces between technology and the human mind without the need for keyboards and screens is an advanced research area with important applications for some patients. Neurological diseases and trauma in the nervous system can destroy the ability of some patients to speak, move and interact meaningfully with people and their

¹ Lisa Plitnichenko (May 30, 2020) '5 Main Roles of Artificial Intelligence in Education'

environments. The brain and computer interfaces supported by artificial intelligence can restore these basic experiences for those who feared losing them forever.

2. Developing the next generation of radiology tools;

Radiographic images obtained by MRI, CT and X-ray machines provide a non-invasive view into the inner workings of the human body, but AI will enable the next generation of radiation tools that are accurate and detailed enough to replace the need for tissue samples in some cases, as well. Experts expect.

3. Expanding access to care in developing regions;

A shortage of trained healthcare providers can drastically limit access to life-saving care in developing countries around the world. AI is expected to help mitigate the effects of this acute shortage of qualified medical personnel by taking on some diagnostic duties normally reserved for humans.

4. Reducing the burden of using electronic health records;

Electronic health records have played a fundamental role in the healthcare industry's journey towards digitalization, but this shift has caused countless problems associated with cognitive overload, endless documentation and user fatigue. Some developers are now using artificial intelligence, to create more intuitive interfaces and automate some routine operations that consume a lot of user time.

5. Contain the risks of antibiotic resistance;

Antibiotic resistance poses a growing threat to populations around the world, because the overuse of these important drugs promotes the development of superbugs that no longer respond to treatments, multidrug-resistant organisms can wreak havoc on hospital surroundings, killing thousands each year. Using AI tools, you can live up to expectations of infection control and antibiotic resistance.

6. The arrival of intelligence to medical devices and machines;

Smart devices take over the consumer environment, and in the medical environment, smart devices are essential to monitor patients in the ICU and elsewhere, and using artificial intelligence to enhance the ability to identify deterioration, or feel the development of complications, can significantly improve outcomes and may reduce costs related to sickness penalties.

7. Development of the use of immunotherapy in cancer treatment;

Immunotherapy is one of the most promising ways to treat cancer. By using the body's own immune system to attack malignant tumors, patients may be able to overcome stubborn tumors. Machine learning algorithms and their ability to assemble highly complex data sets may be able to shed light on new options for targeting treatments for an individual's unique genetic makeup.

8. Turn smartphone selfies into powerful diagnostic tools;

Experts believe that images from smartphones and other consumer sources will be an important complement to high-quality clinical imaging, especially in disadvantaged populations or developing countries. Researchers in the United Kingdom developed a tool that identifies developmental diseases by analyzing images of the child's face, and the algorithm can detect separate features, such as the child's jaw line, the position of the eyes and nose, and other features that may indicate a defect in the skull and face.

9. Use of smartphones and artificial intelligence for photography;

Using smartphones to collect images of eyes, skin lesions, wounds, infections, medications, or other subjects may help underprivileged areas deal with a shortage of specialists while reducing the time taken to diagnose some complaints. Artificial intelligence will provide much of the underpinning for this development by supporting predictive analytics and clinical decision support tools that signal service providers to problems long before they realize the need to act¹.

The disadvantages of Artificial intelligence

When you look at the brighter side of something, you should realize that there is a darker side to it, so despite the many advantages that artificial intelligence offers, it has some disadvantages that we cannot ignore, including:

1. The high cost of implementation;

The setup of AI-based devices, computers, etc. entails enormous costs, given the complexity of engineering involved in building one.

2. It cannot replace humans;

There is no doubt that machines operate more efficiently compared to humans, but until then it is practically impossible to replace humans with artificial intelligence, at least in the near future, because you cannot build a human intelligence in a machine.

3. Don't get better with experience;

¹ Jennifer Bresnick (April 30, 2018) 'Top 12 Ways Artificial Intelligence Will Impact Healthcare'

One of the most amazing characteristics of human cognitive power is its ability to develop with age and experience, yet the same cannot be said about artificial intelligence systems, because they are machines that cannot be improved by experience, but rather begin to erode with the passage of time.

4. Lack's creativity;

Artificial intelligence systems were not created for creative works, so it should be quite clear by now that creativity or imagination is not the forte of artificial intelligence, although it can help you design and create something special, it is still not able to compete with the human mind.

5. Unemployment risk;

With the rapid development of artificial intelligence, the question that plagues our intuitive minds is - Will artificial intelligence replace humans?¹

AI can form threats;

Through our investigation we discovered some fields where AI can form threats for human rights and individual privacy. We will refer to them in this part.

1. Deep manipulation;

Deep Vic (deep manipulation) is a digital fabrication that can alter images so effectively that it is very difficult to distinguish between real and fake copies. This technology raises a crisis for governments and internet companies, because it has the same effect as fake news in terms of manipulating the statements of politicians, celebrities and influencers, to create confusion and spread disinformation, which is a major crisis for the world today.

2. Non-existent characters;

The ability of artificial intelligence to create fake images is not yet common knowledge, but ThisPersonDoesNotExist.com provides an example of the technology's potential. The site creates an endless collection of fake photos. The algorithm behind it is trained on a huge dataset of real images, and then uses some kind of neural network to create new examples. And every time the user updates the site, the network will create a new face image, which cannot be realized that it is not real.

3. Defamation;

Last October, reports revealed that more than 100,000 women had fake nude photos created and shared online. With artificial intelligence, the clothes are digitally removed from the pictures of the women and posted on the messaging app Telegram. This issue is one of the worst that women may face on the Internet.

4. Face recognition;

There are now cameras that are able to detect and recognize faces and use a database to analyze them. This technology, which is popular among police services around the world under the pretext of security, is causing a global uproar and a division between those who see it as a security necessity, and those who consider it a violation of the right to privacy and demands that it be prohibited.

5. Smart weapons;

Autonomous weapons programmed to kill is one of the ways in which artificial intelligence can pose a threat to humanity, especially if countries decide to dispense with the nuclear arms race and replace it with the smart weapons race. Russian President Vladimir Putin previously stated that "Artificial intelligence is the future, not only for Russia, but for all of humanity. It brings enormous opportunities, but it also brings threats that are difficult to predict. Whoever becomes the leader in this field will become the ruler of the world."

6. Social manipulation;

Social media, through its algorithms, is very effective in knowing the interests, desires and secrets of its users, and thus is better able to guess what they think. This has led organizations, such as Cambridge Analytics, to use this data to influence American voters during the 2016 US presidential election and the Brexit referendum. The power of AI in social manipulation, political influence, and division among peoples is evident here.

7. Privacy evaporates;

It is now possible to track and analyze every step an individual makes online as well as while they go about their daily business. Cameras are almost everywhere, and facial recognition algorithms know who you are. This is how a dominant elite monitors citizen and makes decisions based on that information.

8. Exclusion;

Machines can collect, track, and analyze a lot about you, so it is very likely that this information will be used against you. It is not difficult to imagine an insurance company telling you that it cannot cover you

¹ URL: <https://www.proschoolonline.com/blog/what-are-the-disadvantages-of-ai>

based on the number of times you have been photographed in front of the smart camera while you are talking on your phones.

9. Control of machines;

Forbes magazine warns that «if we are not clear about the targets, we have set for AI machines, it may be dangerous if the machine is not armed with the same targets that we have.» For example, a “get me to the airport as quickly as possible” order can have dire consequences. Without specifying that the rules of the road must be respected because we value human life, the machine can effectively achieve its goal, which is to arrive at the airport as soon as possible and do literally what you requested, but it may leave dead bodies and a series of accidents behind it¹.

CONCLUSION

Artificial intelligence is not a magic solution and cannot replace humans, rather it is a mathematical computation and not human intelligence. A distinction must be made between «real artificial intelligence» and artificial intelligence, according to an article by Constantin Boller in Forbes.

The writer points out that technology is important, but the most important part of any company should be customer service as there are certain customer needs that AI can meet really well, while it cannot fulfill others. For example, artificial intelligence may be well suited to detect digital fraud, and it will not be suitable to work as an inspector in the real world, so AI must be treated like any other software tool, i.e., as a product capable of generating returns.

The writer divides AI into 3 levels of service: Acceleration Service, Augmentation Service, and Automation Service. The Acceleration Service replaces a human process and helps humans get it done faster, just like the current versions of Google Text AutoComplete. The next level is the reinforcement service that takes what a person does and reinforces and increases it, that is, makes the person produce better quantities. An example of this is what Grammar app. does, which corrects the grammar of the text. The final level is the automation that carries out the tasks without the presence of a human, and the future ambition is to reach the fifth level, which is the autonomous driving that applications such as Aurora and Way Mo seek. If a company says it has designed a fully autonomous manager or a fully autonomous strategic engine, then this is extremely questionable, as the difficulty of implementing AI in these two tasks is enormous. When purchasing an AI product from a seller, determine whether or not the offer is worthwhile. If not, the return on investment would be disappointing. See if he is marketing his product as a fully «automated» system, then that could be a sign that the product is actually being accelerated by AI. When evaluating AI, choosing products that make sense of the data will provide you with a return on investment. We conclude that all AI systems - real and virtual - are divided into 3 types:

1. Narrow AI;

Also referred to as weak AI or narrow AI, it is the only type of AI that has had success so far. Narrow AI is goal-oriented, designed to perform individual tasks - such as facial recognition, speech / voice assistant's recognition, driving a car, or internet searching, and is very smart at completing the specific task it is programmed to do. While these machines may look smart, they operate under a narrow set of restrictions, which is why this type is often referred to as weak artificial intelligence, an example of which is: «Siri virtual assistants on iPhones.»

Most narrow AI is limited memory artificial intelligence, where machines use large amounts of data for deep learning, and deep learning enables customized AI experiences.

2. Strong or general artificial general intelligence:

Artificial General Intelligence, also referred to as the strong, is the concept of a general intelligence machine that simulates human intelligence or behaviors, with the ability to learn and apply its intelligence to solve any problem.

General AI can think, understand, and act in a way that is indistinguishable from that of a human in any given situation. Artificial intelligence researchers and scientists have not found a powerful AI yet, to be successful they will need to find a way to make machines conscious and program a full range of cognitive capabilities. Machines must take experiential learning to the next level, not only improving proficiency in individual tasks, but gaining the ability to apply empirical knowledge to a wider range of different problems.

Robust AI uses the theory of mind framework for artificial intelligence, which refers to the ability to distinguish needs, emotions, beliefs, and thought processes for other intelligent qualifications.

3. Artificial Super intelligence

¹ Is “artificialintelligence”athreat to humanity?alqabas.com/article/652199

Artificial super intelligence or super intelligence, it is the virtual artificial intelligence that does not simulate or only understand human intelligence and behavior, ASI is in which machines become self-aware and surpass the ability of intelligence and human ability.

Super intelligence has always been a source of inspiration for science fiction, as robots invade, flip or enslave human beings, the concept of super intelligent artificial intelligence sees that artificial intelligence develops to be very close to human feelings and experiences, so that it not only understands them, but rather stimulates feelings, needs, beliefs and desires of its own¹. Finally it is impossible to imagine the achievements and scientific progress and the qualitative leaps that have been achieved by humans in various fields of science without the intervention of modern technologies which in its turn, including artificial intelligence, as an amazing result of the human mind that was created and prepared to accept challenges and pursue and prove hypotheses. Many scientific hypotheses that have become a tangible reality in various fields, but it is necessary for us as humans and as makers of that technology to invest the beneficial aspects and create limits to prevent the gaps that can be exploited by intruders on these sciences, which are often intended to destroy and spread chaos and corruption, so there should be limits. And rules and laws that bind everyone and prevent the exploitation of technology to reach unethical goals that would destroy our world and harm our planet, our environment and everything on it. Efforts must be redoubled to build and address all threats that spoil the blessings of technological progress and turn them into a curse and a source for the annihilation of the human race. This sensitive and influential field is similar to other areas in our life, and even more because of the importance of technology and this sensitive part of it, which is artificial intelligence, its mechanisms, the laws that control its uses, the definition of the harm caused by it, and the accountability of the exploiters of these sciences for spoiling our lives and manipulating our destinies. Measures have to be adopted to regulate this grace.

Bibliografy

1. Heleana Neil. The Importance of Artificial Intelligence in Space Technology // The compare cloud. net. URL: <https://www.roboticsbusinessreview.com/ai/how-ai-and-space-technologies-are-improving-daily-lives> (дата обращения: 09.02.2021).

¹ Brodie O'Carroll (October 24, 2017) 'What are the 3 types of AI? A guide to narrow, general, and super artificial intelligence'

Особенности некоторых аспектов в применении норм международного гуманитарного права

© А. А. Геращенко
студент 4-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
avd.asy2012@yandex.ru

В качестве важных средств защиты жертв войны, международное гуманитарное право в настоящее время сталкивается с проблемами во многих аспектах. Которые включают в себя: влияние политических потребностей на применение международного гуманитарного права, способы регулирования новых средств ведения войны, защита жертв войны в вооруженных конфликтах и различия в понимании принципа её проведения - все это затрудняет применение международного гуманитарного права.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, проблемы реализации, преподавание, методология, проблемы, перспективы, публичное право, образование, способы преподавание.

Международное гуманитарное право - это правовое положение, которое запрещает сторонам в вооруженных конфликтах использовать средства, методы ведения войны, защищает людей и имущество пострадавших или которые могут быть ранены в вооруженных конфликтах. Включая принципы и правила, установленные Женевским законодательством и Гаагским законодательством¹. Закон вооруженного конфликта - это метод оказания помощи, который ограничивает варварство, жестокость и разрушение войны человечеством, даже когда война и вооруженный конфликт не могут быть устранены [2]. В международном праве нет юридических понятий «гуманитарная интервенция», «многонациональные силы», как и нет четких границ их применения. Важнейшая проблема заключается в необходимости «очерчивания круга» ограничений применения силы в военных или даже в мирных условиях. Каждый конфликт индивидуален, поэтому целесообразность применения вооруженной силы должна определяться его особенностями. Но когда каждая отдельная ситуация индивидуальна и не похожа на иную, то стоит руководствоваться правилом, к использованию которого призывал Ф. Ф. Мартенс, что для любых ситуаций должно быть выработано общее правило, которое было бы понятно и очевидно для всех [4].

Целью международного гуманитарного права является постоянное уравнивание противоречия между «военной необходимостью» и «гуманитарной защитой» [4]. На то, где определять точку баланса, влияет множество факторов. Во-первых, политика - важный аспект социальной надстройки, и ее влияние на различные виды социального поведения самоочевидно, и война как продолжение или средство политики также незаменима. Возьмем, к примеру, Соединенные Штаты. После десятилетий огромных военных расходов можно сказать, что Соединенные Штаты могут выиграть любую войну, которую захотят вести сегодня. Более того, разработка высокотехнологичного оружия снизила опасность, которую войны несут американским солдатам. Один момент отличается от предыдущих войн, которые вели Соединенные Штаты. В результате некоторые американские политики рассматривают войну как привлекательный вариант внешней политики в случае внутреннего скандала или экономического спада, а не как привлекательный вариант внешней политики.

Во-вторых, международное гуманитарное право четко не регулирует использование новых типов крупномасштабного оружия. От войны в Персидском заливе в начале 1990-х гг. до последующей войны в Косово, войны Ага-хана и войны в Ираке они позволили нам увидеть, что происходит в условиях высоких технологий. В определении «высоких технологий» в локальных войнах, помимо компьютерных технологий, технологий искусственного интеллекта и информационных технологий, на арену человеческих войн вышло и несколько новых видов оружия. Например, во время войны в Персидском заливе бомбы с обедненным ураном, использованные военными США, не только обладали высокой проникающей способностью и взрывной способностью, но и вызывали долгосрочные радиационные повреждения человеческого тела и окружающей среды после использования.

В своих военных операциях с Ираком американские военные использовали так называемое «обычное оружие» большой мощности, включая зажигательные авиабомбы и кассетные бомбы высокой летальности. Видно, что крайняя жестокость, вызванная применением вышеуказанного оружия, явно

¹ Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса (Гаага, 1 марта 1954 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10105775> (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

нарушила многие основные принципы международного гуманитарного права, такие как принцип проведения различия, принцип соразмерности, запрет неизбирательных нападений и запрет на использование средств ведения войны, изменяющих окружающую среду. Это должно быть незаконное оружие. К сожалению, с точки зрения действующего международного гуманитарного права, нет прямого запрета или ограничения на использование этого оружия.

В-третьих, в «антитеррористической» войне период терроризма и его актов, которые трудно применить к международному гуманитарному праву, имеют давнюю историю. Для террористических актов характерно причинение максимально возможной боли и психологического шока в результате внезапного нападения на наиболее уязвимую цель. По сути, это не соответствует гуманитарным принципам. Следовательно, отношение международного гуманитарного права к террористическим актам, совершаемым в ходе вооруженных конфликтов безусловно понятно [5]. Ст. 51 Первого дополнительного протокола к Женевским конвенциям гласит: «Запрещается распространение актов насилия или угроз насилия с основной целью терроризма среди гражданского населения»¹. Однако война в Афганистане принесла новые проблемы. Мы знаем, что когда международное гуманитарное право обеспечивает гуманитарную защиту комбатантов, оно должно сначала определить личность комбатанта. Условия для установления личности включают: наличие вооруженных сил, ополченцев или добровольцев, отвечающих определенным условиям. Требования включают наличие установленных специальных знаков, которые можно распознать на расстоянии, открытое ношение оружия и ведение боевых действий в соответствии с законами и обычаями войны. Но особенность этой войны заключается в том, что противоборствующая сторона, вооруженные силы Талибана, не идентифицируют себя в соответствии с вышеуказанными требованиями при проведении террористических атак, и большинство из них скрытны при ношении оружия.

В-четвертых, проблема недостаточного применения международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах немеждународного характера хорошо известна. Право войны возникает на поле битвы вооруженного противостояния между субъектами и странами, которые пользуются равными правами и обязанностями. С течением времени международное гуманитарное право, которое является его составной частью, в основном фокусируется на проблеме гуманитарной защиты в международных вооруженных конфликтах. Второй Дополнительный протокол к Женевским конвенциям является типичным проявлением этого, но с точки зрения общего содержания норм международного гуманитарного права, нормативов, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов, по-прежнему гораздо меньше, чем правила международных вооруженных конфликтов [3]. В этих условиях международное гуманитарное право неизбежно будет в некоторой степени бессильно для регулирования вопроса о гуманитарной защите в немеждународных вооруженных конфликтах с различными предметами и сложными ситуациями. К сожалению, в международном гуманитарном праве до сих пор отсутствуют четкие стандарты проведения различия между военнослужащими и гражданскими лицами. Кроме того, гражданские лица часто участвуют в вооруженных конфликтах. В то же время нет никаких сомнений в том, что сегодняшние конфликты причинили больше всего страданий гражданскому населению. В этой связи очевидно, что необходимо соблюдать баланс в регулировании статуса этих людей и включать четкие положения последних в нормы международного права [1].

В современном мире влияние межгосударственных организаций возрастает, и их количество постоянно увеличивается. С этим связано дальнейшее развитие юридических лиц международных организаций, и на повестке дня вновь появилось сочетание суверенитета и наднациональности в международных отношениях. Например, к деятельности Российского Креста претензии возникают не первый раз. Так, в 2006 г. стало известно, что организации за год не израсходовала по целевому назначению более 48.6 млн рублей мощи пострадавшим в результате террористического акта с захватом заложников в школе Беслана в 2004-м. Тогда же налоговики предъявили претензии к бухгалтерского учета принадлежащего РКК имущества больницы в Аллис Абебе. А в мае 2012 г. Минюст РФ при проверке РКК выявил «нарушения действующего устава организации и законодательства». В 2015 г. в связи с оказанием помощи пострадавшим от потопа в Крымске РКК заподозрили в сокрытии отчетов о расходах пожертвований на сумму в 1 млрд рублей. Вскоре после этого президент Международного Красного Креста Петер Маурер пообещал обратиться к президенту Российского Красного Креста с просьбой обратить внимание на эту проблему, Что же происходит внутри этой внешне благопристойной организации? «Как человек, который столько лет проработал в Красном Кресте, могу

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. Текст: непосредственный.

сказать, что сейчас Красный Крест в упадке», - отметила Татьяна Кленицкая¹. По словам руководителя Московского отделения РКК получили Игоря Трунова, аппарат Российского Красного Креста не смог предоставить отчета по движению средств Креста на специальном банковском отчете Красного Креста откуда поступили деньги. В этой связи возникли вопросы по поводу расходования средств, собранных и перечисленных для помощи пострадавшим и родственникам погибших во время пожара в кемеровском ТЦ «Зимняя вишня».

Считаем, что в процессе глобализации такие организации, как Организация Объединенных Наций, Красный Крест и ее специализированные учреждения, должны занять свое должное место. Также необходимо повысить эффективность выполнения международных договоров, особенно договоров между международными организациями. По этой причине было бы полезно разработать и принять стандарты (модели) международного поведения в гуманитарной сфере, на основании которых соответствующие законы могут быть приняты на национальном уровне. Например, такие законы могут включать меры по обеспечению соблюдения норм гуманитарного права. Кстати, разработка модельного закона довольно распространена в практике сотрудничества стран СНГ. Типовой закон, принятый парламентами стран СНГ, включает, например, гражданское право и антитеррористическое законодательство, которое сыграло активную роль в разработке соответствующего законодательства и норм в странах СНГ. Положения об обмене военнопленными следует также добавить в Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными. Нужен механизм и процедура обмена военнопленными. Это значительно обогатит содержание Конвенции. Необходимо заключение новых дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г., таких как новые протоколы о соблюдении международного гуманитарного права, методах и процедурах предотвращения вооруженных конфликтов и т. д.² Именно так люди всех стран укрепляют культуру современных международных отношений, проявление глубокого интереса.

Несомненно, что в рамках этой работы невозможно в полной мере учесть все актуальные вопросы международного гуманитарного права. Однако, бесспорно, что наиболее важная задача международного сообщества заключается в улучшении разработки путем принятия и реализации норм в этой области международного права. Нормы международного гуманитарного права являются важной гарантией защиты прав человека. Поэтому санкции за несоблюдение должны быть самыми строгими, в том числе уголовными [6]. Таким образом, несмотря на этот запрет, право вооруженных конфликтов останется основным регулятором отношений, возникающих в ходе вооруженной борьбы между государствами и внутри отдельных государств. Это предполагает дальнейшее совершенствование норм международного гуманитарного права, направленное на предотвращение появления жертв вооруженных конфликтов, и остальную часть международной и национальной системы норм, которая помогает предотвращать вооруженные конфликты в мире.

Литература

1. Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. Москва: Международные отношения, 1989. 230 с. Текст: непосредственный.
2. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / М. В. Андреев, П. Н. Бирюков, Р. М. Валеев [и др.]; отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. Москва: Статут, 2010. 624 с. Текст: непосредственный.
3. Батырь В. А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юстицинформ, 2011. 688 с. Текст: непосредственный.
4. Международное гуманитарное право в документах / сост. Ю. М. Колосов, И. И. Котляров. Москва: 1997. 414 с. Текст: непосредственный.
5. Мартенс Ф. Ф., Томсинова В. А. Современное международное право цивилизованных народов. Москва, 2006. 251 с. Текст: непосредственный.
6. Леншин С. И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: монография. Москва: За права военнослужащих, 2009. 125 с. Текст: непосредственный.

¹ Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Доклад. XXXII Международная конференция Красного Креста.

² Вооруженные конфликты и права человека // Военно-юридический журнал. 2010. № 9.

Sovereignty in classical legal doctrines

© Louise Kazemi Shariat Panahi

postgraduate student,
the first studying year, RUDN,
Russia, Moscow/ Iran, Rasht city
1042208139@pfur.ru

Sovereign quality of states is a fundamental principle of international law. In order to understand the concept of sovereignty in contemporary international law, there is a need for a historical comparison shedding the light on how the sovereignty concept has been interpreted in different periods of time. The present study shows the historical development in understanding the nature, source, subject, and substance of sovereignty as revealed in the works of authors belonging to the Classical period of international law.

Keywords: international law, sovereignty, state, nation, power, authority.

The incipience of sovereignty dated back to once primitive communities evolved in more complex societies and constituted social institutions such as religion, army, politics, law, etc., into themselves. One of the first modern understandings of sovereignty can be traced in the late 16th century in Bodin's utopia. Jean Bodin (1530-1596) developed idea of sovereignty as «the power to make law binding on the subject» [1, p. 52]. His statement of sovereignty has influenced interrelations between state and law and later his successors' justification of anarchism and absolutism in respect of the formation of binding on states within the framework of international law.

In the 17th century, such understanding affirmed itself in Europe through the treaty of Westphalia. The treaty of Westphalia concluded in 1648 was a threshold to distinguish territory as necessary for sovereignty and state as a subject of international law. The Westphalian understanding formulated sovereignty as a right of a state on its territory, in turn, unshaken power a substance of sovereignty from religious definitions and blended with state interests and legal order.

Through distinction between natural law and divine law, Hugo Grotius (1583-1645) theorized a new international law as a distinct rational system to regulate interstate relations. According his theory, state gains sovereignty by the power of people. So the law of nations must regulate interstate relations. «The civil power is the sovereign power of the state» [2, p. 13].

In the legal doctrine of the 17th century, the nature of sovereignty became a combination of absolute power and restricted authority. Legal positivism was flourished by Alberico Gentili (1552-1608) and it overwhelmed the entire 18th century legal doctrine and has still a broad influence. Alberico Gentili wrote in 1598, in his 'Three Books on the Law of War' that «there cannot be judicial processes between supreme sovereigns or free peoples unless they themselves consent, since they acknowledge no judge or superior» [8, p. 17]. He believed that people's consent can characterize positive law and the source of international law is not religion, but international law is originated by morality and general consensus.

Having considered a quasi-absolute notion of sovereignty, Thomas Hobbes (1588-1679) became the leading pioneer that related the concept of sovereignty to international law through his statements, which are as follows: «covenants, without the sword, are but words and of no strength to secure a man at all. Therefore, notwithstanding the laws of nature, if there be no power erected, or not great enough for our security, every man will and may lawfully rely on his own strength and art for caution against all other men» [4, p.103]. In Hobbes' point of view sovereignty is not absolute; it is the ultimate authority formed on the basis of other sovereigns' rules. «A Commonwealth [is] derived all the rights and faculties of him, or them, on whom the sovereign power is conferred by the consent of the people assembled» [4, p. 107].

Richard Zouche (1589-1660) wrote that «international law, being the law among states, was a law recognized by States with Sovereign authority» [11, p. 310] expands the domain of international law by means of substitution of the statement *jus inter gentes* ("law among nations") for *jus gentium* ("law of nations").

In the point of view of Emer de Vattel (1714-1767) sovereignty was «that public authority which commands in civil society, and orders and directs what each citizen is to perform, to obtain the end of its institution» [12, p. 12]. He believed that every sovereign should treat others in the way it expects to be treated. So in his argument, sovereignty can be inferred as a reciprocal understanding and consent between sovereigns.

From the perspective of Immanuel Kant (1724-1804) a sovereign is the one who has the ultimate freedom to self-govern, self-legislate, self-limit and self-bind. «A rational being must always regard himself

as lawgiving in a kingdom of ends possible through freedom of the will, whether as a member or as sovereign» [5, p. 41].

Even though, the idiosyncrasy of absolutism still had their own proponents. Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770-1831) is one of them. He outlined «the sovereign power (principate) is (a) subjectivity as the infinite self-unity of the notion in its development; - the all-sustaining, all-decreeing will of the state, its highest peak and all-pervasive unity» [3, p. 542]. In Hegel's view free will of state is rational and freedom can distinguish between rights and duties of the sovereign.

While Grotius regarded a sovereign as a joined body of free men for the enjoyment of their rights and common interest, John Locke (1632-1704) defined a sovereign as a human being who has only «a divine unalterable right of Sovereignty, whereby a father or a prince hath an absolute, arbitrary, unlimited, and unlimitable power over the lives, liberties, and estates of his children and subjects» [6, p. 12]. In Locke's opinion sovereign rights can be interpreted as human rights as human has the highest authority, the greatest sense of ownership and the most autonomous status. In opposite with Grotius, Locke believed sovereignty ultimately lied in the hand of people.» According to Locke, the only legitimate purpose of the state is to protect the natural rights of the citizens» [9, p. 3].

Jean Jacques Rousseau (1712-1778) explained another limited conception of sovereignty from a different perspective. In his 'Social Contract', he posed a question «how the right of Sovereignty, extending from the subjects over the lands they held, became at once real and personal» [10, p. 16]. Sovereignty is the right of «Those who are associated in it take collectively the name of people, and severally are called citizens, as sharing in the sovereign power, and subjects, as being under the laws of the State.» [10, p. 13]. For Rousseau, on the one hand, Sovereignty implied the enforcement practice of political institutions such as constitution ceded in respect to social consensus. On the other hand, Sovereignty belongs to people submitted to the state and if the state neglect its people, then its Sovereignty becomes illegitimate. So he drew a relationship between sovereignty and democracy through his theory.

Whether the subject of sovereignty is state or people rests in the center of debates during the 19th century. Unlike the prevailing approach of the 19th century to distinguish between external and internal sovereignty, Friedrich Wilhelm Nietzsche (1844-1900) elucidated the problematic concept of sovereignty in hierarchy of power through calling for intellectual conscience. For him the great majority requires intellectual conscience to become sovereign. Saying that «the great majority lacks an intellectual conscience» [7, p. 24]. A sovereign's will is «the decisive mark of sovereignty and strength» [7, p. 206] and sovereign ascertains the freedom of his will «in relation to laws, customs, and neighbors» [7, p. 144]. Ultimately, «law of agreement» regulates nations and provides them with «intellectual security» universally.

As evident from historical overview of classical doctrine, the concept of Sovereignty was the center of attention and debate in terms of inclusion and liability. For instance, some legal philosophers such as Hegel, Bodin and Hobbes bestowed the unchallengeable and full authority on state, whereas Kant denoted power to the constitution at the expense of limiting the sovereign in itself or Locke promote human right values through his accounts conveying the meaning that Sovereignty is the state's highest authority on protection of its own citizens' rights. In opposite with Locke, Grotius didn't believe that sovereignty ultimately lies in the hand of people. Grotius regarded a sovereign as a joined body of free men for the enjoyment of their rights and common interest. Vattel argued the law of nature on the basis of reciprocal equal treatments of sovereigns. Zouche adopted *jus inter gentes* ("law among nations") as a title more compatible to the subject of international law the treaty of Westphalia was also as the millstone of legal doctrines over the concept of sovereignty.

At the first glance it may seem that discussion over classical legal doctrines of Sovereignty in international law is a leitmotif and outdated argumentation. With a meticulous attention to details, however, one can find out the significance and influence of the concept of sovereignty in the sphere of international law. The concept of Sovereignty has over time become the main reason for frustrated relationship between freedom and justice and balance between rights and obligations. The concept of Sovereignty doesn't only affect the jurisdiction of a state but it also influences interstate relations and international legal order overwhelmingly. The entire history of sovereignty legal philosophers strived to develop, formulate and conceptualize under social circumstances affecting interstate regulation and jurisdiction. All in all, classical legal doctrine enumerated self-governance, self-determination, self-legislation, and self-limitation as the substantial features of state sovereignty.

Bibliography

1. Bodin J. *The Six Books of A Commonwealth* (M. J. Tooley, Trans.). Basil Blackwell Oxford. 1967. Book 2. Chapter 1. Pp. 51–56 (Originally Published 1576).

2. Grotius H. *On The Law Of War And Peace*. (De Jure Belli Ac Pacis, Trans.). Batoche Books, Kitchener. 2001. P. 13 (Originally Published 1652).
3. Hegel G. W. F. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*. (W. Wallace, Trans.). Oxford University Press, 1975. 3rd edition. P. 542 (Originally Published 1873).
4. Hobbes T. *Leviathan or the Matter, Form, & Power of a Common-wealth Ecclesiastical and Civil*. the Green Dragon in St. Pauls Church-yard, London, 1999. P. 103, 107 (originally published 1651).
5. Kant I. *Groundwork Of The Metaphysics Of Morals*. (M. Gregor Trans. and Ed.). Cambridge university press. 1998. P. 41 (Originally Published 1785).
6. Locke J. *Two Treatises Of Government*. (R. Hay Ed.). History of Economic Thought Books. 2004. P. 12 (Originally published 1690).
7. Nietzsche F. W. *The Gay Science*. (B. Williams Ed. & J. Nauckhoff Trans.). Cambridge Texts In The History of Philosophy. 2001. P. 144, 206 (originally published in German 1887).
8. Panizza D. *Political Theory and Jurisprudence in Gentili's De Iure Belli: The Great Debate Between 'Theological' And 'Humanist' Perspectives From Vitoria to Grotius*. History and Theory of International Law Series, University of Padua. 2005. Vol. 15. P. 17.
9. Petersmann E-U. *How To Constitutionalize International law And Foreign Policy For The Benefit On Civil Society?* Michigan Journal International Law. 1998. Vol. P. 3.
10. Rousseau J. J. *The Social Contract or Political Right*. [G. D. H. Cole Trans.]. London and Toronto: J.M. Dent and Sons. 1923. P. 13, 16 (Originally published 1762).
11. Shen J. *The Basis of International Law: Why Nations Observe*. Penn State International Law Review. 1999. № 17(2), Article 3. P. 310.
12. Vattel E. D. *The Law Of Nations Or Principles Of Law Of Nature Applied to The Conduct And Affairs of Nations and Sovereigns*. (J. Chitty Ed.). T.& J. w. Johnson Law Booksellers. 1844. № 6. P. 12 (originally published 1758).

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Особенности регулирования государственных закупок Российской Федерации и Китайской Народной Республики

© В. В. Бадеев
студент 1-го курса
ВСГУТУ
Россия, г. Улан-Удэ
badeevv1997@gmail.com

В статье рассмотрены особенности системы государственных закупок в Российской Федерации и Китайской народной республике, отражены основополагающие правовые основы законодательства рассматриваемых государств. Акцентируется внимание на нормативно-правовых актах регулирующих данную сферу и приоритеты государственной политики в государственных закупках. Целью работы является изучение сходств и различий систем государственных закупок РФ и КНР. В работе применены также общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, контрактная система, способ закупок, конкуренция.

Государственные закупки являются неотъемлемой частью экономики государства. В Российской Федерации и Китайской Народной Республике данный институт занимает ключевую позицию в реализации социально-экономической политики и служит эффективным инструментом для стимулирования экономики всех уровней. Также государственные закупки формируют существенную часть поступлений в бюджет государства.

Правовое регулирование закупок осуществляется Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее — 44 ФЗ) в РФ и Законом «О правительственных закупках»² в КНР, а также другими подзаконными актами.

Стоит отметить принципиальные положения китайского законодательства о производстве товаров, работ, услуг в которых закреплено, что все заказчики по закону обязаны закупать товары, работы и услуги, произведенные в Китае. Товар считается произведенным в Китае если, выработан на территории Китая, не прошел государственную границу и продукт больше чем на 50% был произведен в КНР, соответственно если менее 50% - то продукт считается импортным. Исключением из правил являются только отсутствие товара на внутригосударственном рынке или же цена не приемлемая, т.е. надбавка к себестоимости продукта выше на 20% чем у иностранного поставщика.

В России ситуация более демократичней, к товарам произведенным иностранными государствами, работам, услугам от иностранных государств применяется национальный режим как у товаров из РФ, работ, услуг выполняемыми российскими лицами. Исключением из правил, выступают случаи, когда актами Правительства РФ наложен запрет или ограничение на закупки определенных видов продуктов [1, с. 105].

Системы государственных закупок РФ и КНР развивают электронные платформы, в которых размещается вся необходимая информация, касающаяся закупок. В РФ подобной платформой является Единая информационная система в сфере государственных закупок (ЕИС). ЕИС был запущен 1 января 2014 г. одновременно с введением в действие 44-ФЗ. В КНР аналогичная платформа была введена в 2012 г. Китайской федерацией логистики и закупок. Вышеуказанные системы позволяют осуществлять общественный контроль, что в свою очередь делает сферу государственных закупок прозрачной и открытой. В 2018 г. в 44-ФЗ были внесены изменения, где все процедуры закупок производятся на

¹ О правительственных закупках: закон КНР от 29 июня 2002. URL: http://www.ctba.org.cn/list_show.jsp?record_id=199352 (дата обращения: 12.03.2021). Текст: электронный.

² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. Текст: непосредственный.

электронных площадках. Электронная площадка - это сайт, на котором проводятся электронные процедуры определения поставщика. Электронная площадка сочетает в себе комплекс организационных, информационных и технических решений, обеспечивающих взаимодействие заказчика и поставщика.

Механизмы проведения торгов в КНР и РФ во многом схожи, но есть и различия. В РФ основными способами определения поставщика являются конкурс и аукцион, которые в свою очередь подразделяются на открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс, электронный аукцион, закрытый аукцион, а также запрос котировок, запрос предложений и заключение контракта с единственным поставщиком.

В КНР имеется всего 3 способа определения поставщика, которые не подразделяются как в РФ: открытые торги, селективные торги, единственный источник закупок. Открытые торги - это процедура аналогичная процедуре проведения открытого аукциона и конкурса, в которой публично публикуется уведомление о проведении закупки. Селективные торги схожи с проведением двухэтапных конкурсов и закрытых способов в РФ. Проведение селективных торгов заключается в рассылке приглашений для участия в торгах, без публичного уведомления о проведении закупки. Приглашения рассылаются при условии, что имеется более 3 организаций, работающих в сфере, которой осуществляется закупка и они имеют устойчивое финансовое состояние. Селективные торги применяются в случаях, когда закупка является особенной и может быть произведена только у ограниченного количества поставщиков или цена при проведении открытых торгов будет несоизмеримо завышена. Единственный источник закупок осуществляется государственным заказчиком, если закупка возможна у единственного поставщика, не эффективно производить закупку у других участников из-за качества продукта или же у первоначальных закупок есть необходимость дополнительных закупок при условии, если цена на дополнительные закупки не превышает 10% начальной максимальной цены контракта. Данный способ полностью аналогичен закупкам у единственного поставщика в РФ.

При проведении закупок государственные заказчики подготавливают документацию в двух видах - бумажном и электронном. Государственные органы Китая не имеют права прекратить процедуру закупки, если извещение о проведении закупки было опубликовано или приглашение на участие в закупке было направлено. Отмена проведения торгов допускается в случаях, противоправного поведения, которое ставит под сомнение справедливость проведения закупки, превышение цены от суммы бюджета, менее 3-х участников, которые соответствуют требованиям закупки, существенное изменение в закупке. В Российской Федерации по 44-ФЗ имеется возможность заключить контракт с единственным поставщиком, если он полностью соответствует требованиям документации или же начать процедуру заново.

Рассмотрев основные положения законодательства о закупках Китая и России можно прийти к выводу, что каждая система имеет определенную специфику. Специфика КНР в области государственных закупок уменьшает зависимость от зарубежных производителей, тем самым обеспечивая себе финансово-экономическую независимость. На данный момент в Китае деятельность иностранных организаций четко регламентирована, но в свою очередь открыта возможность получения ресурсов и сырья. После вступления в ВТО Китай законодательно закрепил правомочность предоставления преференций национальным поставщикам в рамках госзаказа. Ст. 10 Закона о государственных закупках Китая устанавливает преференции по отношению к отечественным товарам. Исключение составляют лишь три ситуации [2, с. 157–158]:

- когда необходимые товары, работы или услуги невозможно приобрести на территории КНР или, если такая возможность есть, они не могут быть получены на разумных коммерческих условиях;
- если закупаемые товары предназначены для использования за рубежом;
- когда иное не предусмотрено другими законами и административными правилами.

В заключении хотелось бы отметить, Российской Федерации для улучшения социально-экономического развития всей в страны в целом стоит рассмотреть опыт КНР в области поддержки своих производителей и ограничения иностранных организаций и товаров, работ, услуг из-за рубежа.

Литература

1. Пономарева О. В. Государственные закупки как инструмент торговой политики // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 101–119. Текст: непосредственный.
2. Проданова Н. А., Зацаринная Е. И. Особенности системы государственных закупок в Китае // Экономика, предпринимательство и право. 2016. № 5. С. 151–158. Текст: непосредственный.

Инновационные способы исполнения договоров. Смарт-контракт

© С. В. Баторова

студент 3-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
sara.frenkel@mail.ru

© В. Ц. Цырендашиева

студент 3-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
vikitsy@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу законодательства США и Российской Федерации о понятии и правовой природе смарт-контракта. Смарт-контракт — новый инструмент, связанный с использованием цифровых технологий, ранее не известный ни зарубежному, ни российскому праву. Целью работы является определение правовой природы смарт-контракта и обоснования предложений по совершенствованию законодательства, позволяющих устранить основные недостатки применения смарт-контракта на практике.

Ключевые слова: смарт-контракт, «умный контракт», технологии блокчейн, цифровые технологии, компьютерная программа, договор.

Технологический прогресс является движущей силой нашего общества. Четвертая промышленная революция и смена технического уклада привели общество к активному внедрению цифровых технологий во многие сферы общественной жизни. Сегодня одним из наиболее значительных нововведений является появление «смарт-контрактов», иначе говоря, умных контрактов.

Идея смарт-контракта была озвучена еще в 1996 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо. По его словам, это компьютерная программа, которая способна облегчить переговоры, проверить и обеспечить исполнение контракта. Более того, смарт-контракты решили бы проблему доверия между контрагентами, а также позволили снизить потери от мошенничества, арбитражных и судебных издержек, в том числе других транзакционных издержек [3, с. 25].

Однако в научной и юридической литературе России и зарубежных стран до сих пор не выработано единого определения «смарт-контрактов» и не изучена его правовая природа. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что умный контракт является относительно новым институтом, малоисследованным в науке. Так, на сегодняшний день в России отсутствует единое легальное определение смарт-контракта. П. В. Крашенинников считает, что «смарт-контракты не являются самостоятельными сделками, они выступают в качестве условия об автоматическом исполнении любого гражданско-правового договора, будь то купля-продажа или подряд».

По А. И. Савельеву, «это договор, который существует в форме программного кода. Он должен быть исполнен на платформе блокчейна, обеспечивать автономность и самоисполнимость условий договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [2, с. 95].

Согласно Федеральному закону от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - ФЗ РФ № 259) смарт-контракт характеризуется как «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств»¹. Раскрывая правовую сущность смарт-контрактов в иностранном правовом пространстве, следует провести сравнительно-правовой анализ на основе опыта США. Так, США сформировали специальное законодательство о договорных отношениях в цифровом пространстве, и в частности, законодательство о смарт-контрактах. Но они не определили, что есть смарт-контракт — компьютерная программа или особый гражданско-правовой договор? Поэтому, понятие смарт-контракт толкуется по-разному, в зависимости от подхода законодателя к пониманию их правовой природы.

Кроме того, в США нет федерального договорного права, вследствие чего общие положения регулирования смарт-контракта определяются на уровне законодательства штатов. А они, в свою очередь, по-разному определяют понятие смарт-контракта:

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ] // Российская газета. 2020. № 173(8227). 6 авг. Текст: непосредственный.

1. Ряд штатов признали смарт-контракты обычным договором. Так, согласно Закону «о технологии блокчейн» штата Иллинойс, «смарт-контракт» — это записанный как электронный документ, проверяемый с помощью системы блокчейн. В такой трактовке, смарт-контракт представляет собой традиционный договор, записанный и исполняемый с помощью блокчейна [4, с. 16].

2. Другие штаты определяют смарт-контракты как обычные компьютерные программы. К примеру, Свод статутов Луизианы под «смарт-контрактами» определяют программу, которая управляется событиями, выполняется на распределённом, децентрализованном, находящемся в совместном доступе реестре, а также позволяющую хранить активы и совершать с ними операции через соответствующий реестр [1, с. 82].

Таким образом, на данный момент существенной проблемой является отсутствие законодательного закрепления смарт-контрактов. Но тем не менее большое количество разных взглядов на понятие смарт-контракта позволяет выделить основные позиции относительно их правовой природы:

1. Смарт-контракт есть программа, функционирующая на основании распределенного, децентрализованного реестра;

2. Смарт-контракт есть электронный договор или способ исполнения договора.

Соответственно, можно определить смарт-контракт как цифровое соглашение, которое написано в компьютерном коде (таким образом, часть программного обеспечения), работает на блокчейне или аналогичных технологиях распределенной бухгалтерской книги (таким образом, децентрализованно) и автоматически выполняется без какого-либо вмешательства человека¹.

Следует подчеркнуть, что применение технологии блокчейн, а в частности «смарт-контрактов» может быть выгодно не только в пределах одной страны, но и в международно-правовых отношениях, поскольку смарт-контракт имеет много преимуществ перед традиционным: он быстрый, автоматический, рентабельный, безопасный, легкодоступный и с минимальным вмешательством человека.

К числу потенциальных областей, где могут быть применены смарт-контракты, относится компьютеризация совершения банковских операций: финансирование ряда поставок, выдача ипотечного кредита и т. п. Смарт-контракты с помощью автоматизации отслеживания процедуры заключения и исполнения банковских договоров, совершенствования мониторинга статуса заложенного имущества в выдаче ипотечного кредита и мониторинга передвижения активов (в логистике и оптимизации поставок) способствуют сокращению банковских расходов. Кроме того, использование смарт-контрактов позволит не только автоматизировать платежи сторон договора, что снижает неопределенность и кредитные риски, но и уменьшить применение человеческих ресурсов благодаря автоматизации документооборота, что способствует сокращению издержек.

В области страхования смарт-контракты позволят улучшить проведение страхового учета и документооборота (страховые бизнес-процессы) и процедуры обработки страховых претензий, выплат компенсаций. В сфере предоставления услуг государством использовать смарт-контракты можно, когда на их основе проводится голосование. Токен здесь будет выступать как право голоса за конкретного кандидата либо конкретное решение. Также смарт-контракты можно использовать при организации хранения документов в электронном виде, в том числе нормативно-справочные. Вследствие этого возможно увеличение бесспорности работы государственного сектора и эффективности взаимосвязи с государственными органами, снижение вероятности коррупции и искажение информации.

Так, компания Pillsbury Winthrop Shaw Pittman LLP вместе со стартапом Symbiont в 2017 г. реализовали в США штате Делавер предложение по автоматизации деятельности компаний, который действуют в этой юрисдикции. Процедура регистрации компаний, мониторинг движения акций и управление взаимодействием их держателей переносится в цифровую среду с помощью создаваемой системы². Применительно к российской практике применения смарт-контрактов, можно упомянуть такие компании, как «Сбербанк» и «МТС», которые с помощью смарт-контрактов провели сделку по размещению коммерческих облигаций на базе блокчейн-платформы Национального расчетного депозитария (НРД), что позволило снизить на 5-10% технологические расходы из-за отсутствия обязательности резервирования данных. С технической части, сделка была осуществлена с помощью четырех смарт-контрактов. Операция состояла из регистрации облигаций на блокчейне и полного расчета в рублях с одновременным переходом прав на ценные бумаги. Иначе говоря, МТС регистрировала в блокчейне волеизъявление о продаже ценных бумаг Сбербанку, используя функцию смарт-

¹ The Legal Meaning of Smart Contracts. Riccardo DE CARIA. Assistant Professor of Comparative Public Law, University of Torino, Italy // Riccardo DE CARIA. Netherlands.: European Review of Private Law, 2019. P. 737.

² Аналитический обзор по теме «смарт-контракты». Центральный банк Российской Федерации. М., 2018. С. 11.

контракта, а Сбербанк, в свою очередь, давал в блокчейне согласие с условиями сделки¹. Обращая внимание на проблематику таких контрактов, стоит отметить, что в мире еще нет судебной практики, достаточной для определения выводов о их выгодности или неудобстве. Хотя у смарт-контрактов достаточное количество преимуществ, это новшество не является идеальным. К их минусам можно отнести:

1) отсутствие у смарт-контрактов функциональной гибкости. К примеру, в традиционных способах заключения договоров есть возможность договориться, изменить условия, однако в процессе исполнения смарт-контрактов совершение изменений кажется сложным. Если одна из сторон нарушает зафиксированные условия, наступает автоматическая реализация соответствующих мер. Допустим, если товар оказался худшего качества или меньшего количества, то его система мониторинга за соответствующими параметрами (трекеры) отправит информацию в смарт-контракт, и, следовательно, выплата будет произведена в соответствии с корректирующим коэффициентом, который определен в коде смарт-контракте.

2) в мировой законодательной практике все еще нет официально зафиксированного статуса смарт-контракта, что может усложнить разрешение спорных вопросов при нарушении условий его исполнения.

3) следует также отметить, что смарт-контракт, как и другие технологии, может подвергаться появлению ошибок или взлому. Программный код, на котором базируется смарт-контракт, из-за совершенных ошибок на этапе его составления может привести к неточному функционированию, что влияет на правильность исполнения условий смарт-контракта либо содействует возникновению предпосылок для совершения мошенничества.

4) процедура создания смарт-контракта не так проста, а именно описание и учет во время заключения подобного договора моментов, которые он должен отслеживать. Например, состояние товара во время перевозки, таможенные действия и т. п. К основным путям совершенствования можно отнести стандартизацию “шаблонов смарт-контрактов” и разработка средств визуализации для формирования из готовых блоков логики смарт-контрактов. Таким образом, чтобы внедрение такого новшества было полноценным и эффективным, следует решить некоторые вопросы:

1. организационные (мониторинг поставляемого товара во время отгрузки, перевозки, приемки и получение данной информации смарт-контрактом);

2. правовые (установление правового статуса смарт-контрактов);

3. технологические (усиление информационной безопасности, разработка более простых механизмов программирования контракта).

Более того, смарт-контракты могут применяться не только в финансовом секторе, но и в других отраслях экономики. Одним из главных направлений продвижения данного инструмента является мировой тренд на цифровизацию. В заключение стоит отметить, что вопрос о смарт-контрактах является довольно актуальным, они имеют определенные перспективы развития в России. Особенно будут востребованы смарт-контракты и технология блокчейн в таких областях, как финансовый сектор, патентное право, защита авторских прав и здравоохранение.

Литература

1. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 82. Текст: непосредственный.

2. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117. Текст: непосредственный.

3. Fries Martin and Boris P. Paal, editors. “Front Matter.” Smart Contracts, Mohr Siebeck GmbH and Co. KG. 2019. Pp. 1–4. JSTOR. Pp. 25–32.

4. Herian R. Legal recognition of blockchain registries and smart contracts. Paris: OECD, 2018. P. 47.

¹ МТС и Сбербанк провели сделку с помощью смарт-контрактов. URL: <https://prometheus.ru/mts-i-sberbank-proveli-sdelku-s-pomoshhyu-smart-kontraktov> (дата обращения: 28.03.2021).

Правовое регулирование технологий в квантовую эпоху: интеллектуальная собственность, стандартизация и устойчивые инновации

© Ю. С. Верхотурова
студент 1-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
vjs3008@gmail.com

© С. Ж. Дугарова
д-р ист. наук, доц.
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
dugarova_s@mail.ru

В статье поставлены вопросы правового регулирования квантовых вычислений, квантового зондирования и квантового Интернета. Предлагается использование норм права интеллектуальной собственности в совокупности с законодательством в области искусственного интеллекта, авторского права и патентного права в качестве регулятивных мер воздействия на участников отношений, возникающих на различных этапах производства, использования и распространения квантовых технологий. Рассмотрены риски применения квантовых технологий и пути их безопасного использования.

Ключевые слова: правовое регулирование, квантовые технологии, квантовые вычисления, квантовый интернет, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, инновации, стандартизация, сертификация.

Поведение природы в самых маленьких масштабах может быть странным и нелогичным. Помимо уникальных физических характеристик, квантовая технология (далее — КТ) имеет множество этических, правовых, социальных и юридических аспектов. Попытаемся объяснить какие последствия влечет за собой нерегулируемое использование квантовых технологий. Для этого потребуются анализ действующего законодательства применительно к квантовым технологиям, определение типов прав интеллектуальной собственности, которые могут быть предоставлены компонентам масштабируемого квантового компьютера. Также особого внимания заслуживают вопросы определения достаточности инновационных стимулов для разработки квантовых программных и аппаратных структур; потребности в квантовых экосистемах с открытым исходным кодом, и возможно ли сделать их общественным достоянием, работающим на общее благо; и даже в демократизации квантовых технологий, создания глобальных стандартов квантовой безопасности, защиты и взаимодействия, которые будут обязательными для каждой области применения, правового регулирования квантовых вычислений, квантового зондирования и квантового Интернета с точки зрения их ответственного использования.

КТ применяются в различных областях. Каждая область имеет свое собственное, отдельное направление развития. В некоторых случаях эти области пересекаются. Возьмем, к примеру, квантовое распределение ключей («QKD») — метод защищенной связи, использующий квантовую криптографию (метод передачи ключа, который использует квантовые явления для гарантии безопасной связи.) В будущем квантовый Интернет сделает возможными продвинутое сетевые квантовые вычисления, включая QKD. Таким образом, в сетевых квантовых вычислениях объединятся два направления развития. Можно выделить следующие шесть областей применения квантовых технологий:

1) квантовые вычисления, включая задачи оптимизации, среди которых задача коммивояжера, простая факторизация и химия, такая как разработка батарей нового поколения, гидромеханика, лекарственные препараты, питание, удобрения и проектирование новых материалов;

2) квантовая коммуникация, такая как квантовый Интернет, которая включает квантово-безопасное шифрование, основанное на принципе неопределенности;

3) квантовое зондирование, включая квантовую нанофизику и метрологию, например, продвинутое измерение расстояний с высоким разрешением, интерфейсы «мозг — машина» и атомные часы, автомобили, навигация и визуализация;

4) квантовое моделирование, такое как прогнозирование погоды, управление водными ресурсами, технология удаления углерода, беспилотные автомобили, моделирование поведения молекул и даже отдельных электронов;

5) фундаментальная квантовая наука, изучающая фундаментальные законы квантовой физики;

6) искусственный интеллект, включающий машинное обучение и нейронные сети.

Квантовые вычисления дополняют классические вычисления. Ожидается, что помимо гибридов квантовой технологии и искусственного интеллекта (далее — ИИ) квантовая технология будет выделяться в вышеупомянутых областях применения. ИИ сохранит свои собственные области применения, но он будет обогащен и усилен за счет квантов. Одна из причин этого в том, что квант и ИИ имеют разные физические характеристики. Таким образом, квантовые вычисления будут дополнять, а не заменять традиционные вычисления в обозримом будущем. То же самое относится к квантовому зондированию, квантовому моделированию и квантовому Интернету.

Квантовые компьютеры могут быть защищены различными типами прав интеллектуальной и промышленной собственности, такими как права на микросхемы (защита топологии микросхем), патенты, авторские права, коммерческие тайны, права на дизайн и товарные знаки. Мы должны решить, какие права интеллектуальной собственности (далее — ИС) могут быть установлены для каждого компонента квантового компьютера сейчас или в ближайшем будущем. А также обсудить, есть ли пробелы и лазейки в защите этих прав или есть совпадения. Так как права ИС являются территориальными правами, и суть их может меняться не только от государства к государству, но и на территории одной страны, эти обсуждения необходимо вести в максимально возможной степени с точки зрения международных достижений в области ИС. В разных государствах, будь то страны ЕС, Китай, Индия или США, могут быть региональные различия в формальных и материальных требованиях, гибкости, объеме и сроках защиты ИС.

В Российской Федерации, как и в других странах, разрешено охранять ПО с помощью механизмов патентного права, в рамках которого на графические интерфейсы программ оформляются патенты на промышленные образцы, а идеи и алгоритмы, лежащие в основе программ, патентуются как изобретения или полезные модели. Поскольку патенты на полезные модели выдаются только на устройства, то для патентования программы оформляют патент на компьютерное устройство, выполняющее функции патентуемой программы.

Результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали не могут быть объектами патентных прав [1]. С точки зрения прав интеллектуальной собственности компоненты квантового компьютера можно сгруппировать по:

- аппаратному обеспечению (права на микросхемы, патенты на промышленные образцы или дизайнские образцы в зарубежной терминологии, и служебные программы),
- программному обеспечению (авторские права, исключительные права и т. д.),
- алгоритмам (открытый исходный код).

Срок защиты патентов составляет 20 лет [1] по сравнению с 70 годами для программного обеспечения [2]. Одна из причин этого различия заключается в том, что и система авторского права, и патентная система имеют разные цели. В общем, оборудование для квантовых вычислений намного сложнее разработать и воспроизвести, чем сопутствующее программное обеспечение и алгоритмы. Это требует больше вложений, чем написание кода. В результате, компьютерные микросхемы могут стать объектом геополитического соперничества, конфликтов и реформ экспортного контроля, как это наблюдается в сегодняшней торговой войне между США и Китаем — лидерами в области квантовых технологий.

Имеют право на патентную защиту следующие компоненты квантового компьютера: строительные блоки квантовой технологии (кубиты), квантовые вентили и умножители, квантовые интегральные микросхемы, различные типы квантовых процессоров, такие как спиновые кубиты и сверхпроводящие кубиты — трансмоны, устройства квантовой интерференции, механизмы компиляции (т.е. трансляторы, преобразователи), декодеры, симуляторы и эмуляторы, блок-схемы, микроархитектура (блок квантового исполнения (QEX) и блок квантовой ошибки (QEC)), квантово-классические интерфейсы, архитектура набора квантовых команд, квантовая память. «Процесс квантовых вычислений» также может быть защищен патентом.

Только новые, полезные изобретения, модели и промышленные образцы, сделанные изобретателем-человеком, могут быть запатентованы. Результаты работы и изобретения, созданные автономными квантовыми системами и системами искусственного интеллекта без вмешательства человека, должны быть отнесены к категории «общественное достояние». Таким объектам (результатам) не хватает человеческого творчества и изобретательности, но общество может извлечь выгоду от их реализации. Кроме того, патенты и права интеллектуальной собственности могут принадлежать только физическим или юридическим лицам, таким как люди, университеты или корпорации. Автономным системам недостает юридической субъективности, им нельзя присвоить статус юридического лица, необходимого для владения правами и выполнения обязанностей.

Помимо авторских прав и патентов, практически каждый компонент может иметь товарные знаки, фирменный стиль или содержать коммерческую тайну с потенциально неограниченным сроком защиты интеллектуальной собственности.

Кроме того, законы в сфере кибербезопасности и регулировании Интернета, а также интересы национальной безопасности могут, за пределами инструментария ИС, сыграть роль в сохранении государственной тайны технологических достижений. Как и в случае с системой искусственного интеллекта, юридическая неопределенность относительно патентоспособности систем квантовых вычислений вместе с неограниченным сроком действия прав на коммерческую тайну может, в конечном итоге, вызвать переход к коммерческой тайне с целью защиты активов и превращения приложений квантовых вычислений в товар.

Заметим, что право на коммерческую тайну не защищает от обратного проектирования. Правообладатели таких объектов могут заявить, что проведение обратной разработки или использование её результатов нарушает их исключительное право по закону об авторском праве и патентному законодательству¹. Этот пробел в законе можно восполнить путем заключения контрактов, запрещающих реверс-инжиниринг.

Кроме того, можно защитить внешний вид, торговую марку и функциональный дизайн квантового компьютера. Дизайн продукта, изображения, логотипы, программные интерфейсы, макеты и моделирование оборудования могут быть, в зависимости от территории, для которой испрашивается охрана, защищены набором инструментов интеллектуальной собственности, таких как права на торговый знак (торговую марку), фирменное наименование и коммерческое обозначение.

Программное обеспечение может быть защищено авторским правом. Авторские права на все виды программ для ЭВМ (в том числе на операционные системы и программные комплексы) которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код, охраняются так же, как авторские права на произведения литературы.

Следующие компоненты имеют право на защиту авторских прав: квантовое программное обеспечение, API (интерфейс прикладного программирования), квантовое арифметическое устройство (квантовое сложение, вычитание, умножение и возведение в степень), утверждение и конфигурация во время выполнения, платформы квантовых вычислений, парадигма программирования и языки, код стабилизации Бэкона-Шора, цветовые коды и коды поверхности. Эти компоненты подпадают под действие объекта авторского права.

Некоторые области требуют особого внимания и, возможно, некоторых юридических новшеств. Например, функциональные возможности программных систем не защищены авторским правом (защищено выражение программы, а не ее функциональность). В связи с этим возникает вопрос, следует ли защищать программное обеспечение и функциональные возможности API (программный интерфейс приложения, интерфейс прикладного программирования) патентами. Могут быть выдвинуты аргументы за и против патентоспособности программных функций и изобретений, реализованных на компьютере. Правовая неопределенность в отношении защиты интеллектуальной собственности, будь то в отношении авторских прав или патентов, обычно приводит к переходу к коммерческой тайне, что обычно сдерживает инновации.

Другие приложения квантовых технологий, среди которых квантовое зондирование, квантовое моделирование и квантовый Интернет, в равной степени имеют право на защиту интеллектуальной собственности, используя ту же смесь прав. Будущая квантовая функциональность Интернета должна стать общественным достоянием, должен существовать сетевой нейтралитет. Однако его составляющие, обеспечивающие работу компоненты, теоретически могут быть защищены множеством прав интеллектуальной собственности. То же самое относится к квантовым датчикам зондирования, квантовому моделированию, квантовой биологии и селекции, и новым материалам, изобретенным с помощью квантовой технологии. В целом структура интеллектуальной собственности определена без учета состояния квантовых технологий. Интеллектуальная собственность не может стимулировать творчество, предотвращать сбой рынка, устранять эффект принципа «победитель получает все», устранять безнаказанность, в тоже время именно ИС способна предотвращать хищническое поведение на рынке. Для поощрения честной конкуренции и устранения перекосов рынка предпочтительным инструментом является антимонопольное законодательство.

¹ Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон № 230-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 30.04.2021: [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г.]. М., 2006. Текст: непосредственный.

Проблема заключается в установлении влияния выявленного дуализма на развитие бизнеса и ускорение инноваций. Последующая чрезмерная защита ИС может создать искусственные барьеры для участников рынка и вызвать опасения относительно справедливой конкуренции, свободы выражения мнений и создания новых рабочих мест. Чрезмерная защита может препятствовать отраслевым инновациям. В данном конкретном случае это замедляет прогресс в важной прикладной области квантовой технологии, а именно в квантовых вычислениях.

Решение, адаптированное к экспоненциальным темпам роста инноваций в квантовом веке, состоит в том, чтобы ввести более короткие сроки защиты интеллектуальной собственности от 3 до 10 лет для изобретений, основанных на квантовой технологии и искусственном интеллекте. Эти более короткие сроки могут применяться как к программной, так и к аппаратной части. Ясность в отношении предлагаемых ограниченных сроков действия исключительных прав — в сочетании с обязательными лицензиями — способствует правовой определенности, распространению знаний и последующим инновациям в квантовой сфере.

Однако, в мире, основанном на КТ и искусственном интеллекте, ИС может быть недостаточно. Инновационная политика должна быть направлена на поиск альтернатив ИС, таких как антимонопольное право, договорное право, защита конфиденциальности данных, налоговое право, стандартизация и сертификация, а также устанавливать субсидии, государственно-частное финансирование, штрафы.

Стандартизация — основа инновационной политики. Ключевые цели стандартизации — качество продукции, единство измерений, безопасность, надежность и устойчивость. Стандарты предназначены для повышения конкурентоспособности крупных и малых предприятий, защиты потребителей, устранения технических препятствий в торговле и расширения доступа к рынкам и международной торговле. Таким образом, стандартизация оказывает значительное влияние на общество, начиная от благополучия и безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества, стабильности экономики до инноваций и общего процветания/ процветания общества. Стандарты являются добровольными, а сертификация зачастую является обязательной. Обе процедуры могут повысить ценность экосистемы квантовых технологий. Стандарты ISO/IEC для квантовых вычислений в настоящее время находятся в стадии разработки.

Устойчивые инновации требуют синергетических отношений между стандартизацией, сертификацией, законодательством и государственными институтами.

Стандарты можно использовать в качестве политического рычага, опережающего рынок. Возьмем, к примеру, Европу. Европейская комиссия должна придерживаться «обязательных» стандартов функциональной совместимости и взаимодействия в квантовом Интернете с соответствующими стандартами и схемами сертификации IEC, ISO и NEN. Компании, которые поставляют детали для квантовых компьютеров и квантовых датчиков, также выиграют от стандартов совместимости.

Сертификация — это соответствие и гарантии. Квантовые продукты и услуги, производимые в ЕС, должны соответствовать критериям безопасности и защиты ЕС, включая, помимо прочего, высокие технические, юридические и этические стандарты, отражающие основные ценности надежных квантовых технологий, прежде чем они будут иметь право на маркировку CE и иметь право выходить на европейские рынки. Как недостаточная, так и чрезмерная стандартизация и сертификация могут отрицательно сказаться на инновациях, конкуренции и благосостоянии потребителей. Необходимо найти правильный баланс для любой ключевой, способствующей развитию новых технологий стратегии. Последствия требований о том, чтобы все реализации квантовой технологии во всех областях были предварительно проверены законом, прежде чем она сможет получить маркировку CE и/или другие формы сертификации, должны быть оценены в свете инновационных стимулов и глобальной конкуренции. Кроме того, необходимо тщательно изучить конкурентные и инновационные аспекты открытых стандартов для квантовых технологий.

Наконец, крайне важно, чтобы малые и средние предприятия (далее — МСП) получили возможность эффективно участвовать в процессе разработки стандартов. Там, где у традиционных участников рынка есть достаточный бюджет, МСП часто не осведомлены и не имеют ресурсов для внедрения стандартов, что ставит их в невыгодное конкурентное положение, включая ограниченный доступ к иностранным рынкам. Как и в случае с другими появляющимися технологиями, этические, правовые и социальные аспекты играют ключевую роль в распространении квантовых технологий. Общественные ценности должны быть синхронизированы с огромной инновационной силой квантовых технологий.

Нормы, стандарты, принципы и ценности нашего общества должны быть встроены в интеллектуальные квантовые системы с помощью устойчивой, заслуживающей доверия квантовой технологии

по замыслу, аналогичному для искусственного интеллекта. Технологические переходы могут способствовать согласованию конструкции и конфигурации квантовых систем с будущими ключевыми требованиями надежности квантовых технологий. Например, нейро-символические вычисления вместе с генетическими алгоритмами, технологией распределенного реестра («DLT») и парадигмами аналоговых вычислений могут решить проблемы «черного ящика» (оракул) и проблемы объяснимости через архитектуру оборудования и конструкцию кода. Кроме того, надежная квантовая технология может улучшить искусственный интеллект (ИИ), который является законным, этичным и технически надежным. Более того, добавление аналоговых вычислений, мемристоров и наномагнитных чипов может решить проблемы энергетики и устойчивого развития [1].

В заключении отметим, что текущая структура интеллектуальной собственности создана без учета квантовых технологий. В ожидании впечатляющих технологических достижений в области квантовых вычислений, квантового зондирования и квантового Интернета настало время для правительств, научно-исследовательских институтов и участников рынков подготовить стратегии правового регулирования интеллектуальной собственности, обеспечивающие правильный баланс между защитой наших общественных, моральных и этических ценностей, основных прав и свобод. Стратегии, преследующие политические цели, которые включают быструю передачу технологий и свободный поток информации, одновременно поощряя здоровую конкуренцию и стимулируя устойчивые инновации.

Литература

1. Mauritz Kop. Regulating Transformative Technology in The Quantum Age: Intellectual Property, Standardization & Sustainable Innovation. URL: <https://law.stanford.edu> (дата обращения: 21.11.2021).

История развития правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России и США

© **Ч. Б. Мижитов**
магистрант 1-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
mizhitov07@gmail.com

В статье рассмотрена история развития правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России и Соединенных Штатах Америки. Автор кратко проанализировал нормативно-правовые акты, которые были приняты в целях развития правового регулирования труда несовершеннолетних в сравниваемых странах. А также отмечает, какие причины были в основе появления тех или иных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: труд, несовершеннолетние работники, правовое регулирование, история развития, Россия, США.

В современном мире в связи с изменениями различных сфер жизни общества в молодом поколении все чаще появляются те, кто пополняет ряды несовершеннолетних работников, готовых заняться трудовой деятельностью. Стремление несовершеннолетних работников, получать заработок и быть независимыми от родителей, набирает большую популярность среди молодежи. Из этого следует, что государству необходимо не только устроить молодежь на работу, но и в полной мере обеспечить несовершеннолетних работников необходимыми правами и гарантиями. Потому что в истории человечества труд несовершеннолетних использовался довольно часто, детям приходилось работать с самых ранних лет.

Впервые в России вопрос о труде несовершеннолетних был отражен в Положении № 47 от 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста»¹. Данное положение запрещало работать в ночное время суток детям, не достигшим 12 лет. За нарушение этого положения каких-либо санкций не предусматривалось, а ответственность за исполнение была возложена на местные власти.

Во второй половине XIX в. произошел большой рост в становлении фабричного и мануфактурного производства, потребовавший законодательного регулирования. За достаточно короткий период с 1882 по 1903 г. в Российской империи было создано фабрично-трудовое законодательство [1]. В частности, были приняты девять основных законов промышленного права, и в первую очередь был запрещен труд несовершеннолетних в возрасте до 12 лет, взят под охрану труд детей с 12 до 15 лет. В 1890 г. был издан Закон «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и женщин на фабриках, заводах и мануфактурах, и о распространении правил о работе и обучении малолетних к ремеслу», устанавливающий обязанность фабрик, заводов и мануфактур за свой счет обучать несовершеннолетних работников².

В начале XX в. в России происходит бурное развитие технического прогресса, что оказало свое влияние на совершенствование используемого оборудования и оснащенность фабрик и заводов. При таких условиях труд малолетних работников терял свое значение. Дети в возрасте с 12 до 14 теперь считались малолетними, подростками считали детей 14-16 лет и они должны были работать наравне со взрослыми. Теперь детям до 16 лет запрещалось работать в ночное время суток.

В 1912-1913 гг. использование труда малолетних работников ещё более сократилось в связи с все более частым использованием нового производственного оборудования, требующего от работников высокой квалификации, которой не могли обладать малолетние рабочие. В последующие годы до 1915 г. нормативно-правовое регулирование труда несовершеннолетних не претерпевало каких-либо значимых изменений. Но, с началом Первой мировой войны в Российской империи возросли потребности военной промышленности, Правительство приняло 19 октября 1915 г. Закон «О допущении некоторых отступлений от правил о работе женщин, подростков и малолетних, а также о продолжительности и распределении рабочего времени», который исключал некоторые положения «Устава о

¹ О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних 12-летнего возраста: положение от 7 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XI, отд. 1-е. Санкт-Петербург, 1837. № 19262. Текст: непосредственный.

² Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения: закон от 24 апреля 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи (1881-1913). Т. X (1890). Ч. 1, № 6742. Текст: непосредственный.

промышленном труде» 1893 г. относящиеся к использованию труда лиц, не достигших возраста 17 лет [2]. Теперь несовершеннолетним было разрешено работать в ночные смены на заводах и фабриках, работать без выходных, а также был разрешен труд несовершеннолетних на подземных работах.

После Февральской революции Временное правительство 8 августа 1917 г. постановило запретить ночную работу подростков в возрасте до 17 лет [5].

Социалистическая Революция в октябре 1917 г. открыла новый этап в развитии российского права. Кодекс законов о труде 1918 г. установил, что лица моложе 16 лет не подлежат трудовой повинности. В советском государстве вопросам охраны труда несовершеннолетних уделялось большое значение. Власти допустили к работам лиц с 12 лет только в сельском хозяйстве и на легких работах в ремесле [5].

Во время Великой Отечественной войны страна нуждалась, как никогда, в рабочих руках. В это время несовершеннолетние трудились наравне со взрослыми независимо от своего возраста в интересах победы Родины.

После войны государство стало больше внимания уделять труду несовершеннолетних, а также обеспечению работой детей-сирот. Этой работой занимались органы социального обеспечения и специальные краевые, областные и городские комиссии по трудоустройству. А профессиональные союзы занимались контролем за исполнением трудового законодательства. Были приняты меры по облегчению труда несовершеннолетних. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1956 г. рабочий день для подростков от 16 до 18 лет снижен до 6 часов (ранее рабочий день составлял 8 часов)¹.

15 июля 1970 г. были введены в действие Основы законодательства СССР. А с 1 апреля 1972 г. вступил в действие принятый 9 декабря 1971 г. новый Кодекс законов о труде РСФСР. В данном Кодексе, закреплялся принцип единства основных условий труда рабочих и служащих, был определен круг работ, на которые запрещалось привлечение лиц моложе 18 лет [4].

В СССР выстраивались конструктивные подходы в отношении воспитания подрастающего поколения: проводилась профилактическая деятельность, предполагающая воспитательные меры, учет личности и обстоятельств, в которых несовершеннолетние находятся. Согласно этим подходам развивалась система социально-правового регулирования трудового воспитания несовершеннолетних.

Современное трудовое законодательство в первую очередь закреплено в Трудовом Кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ), который был принят 21 декабря 2001 г. и вступил в законную силу с 1 февраля 2002 г., в нем закреплена специальная глава 42 «Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет», подтверждающая особое внимание государства к вопросам регулирования труда несовершеннолетних. Многие положения данной главы соответствуют международным правовым принципам и нормам, закрепленным в конвенциях Международной организации труда (МОТ). Так, 08 февраля 2003г. был принят Федеральный закон «О ратификации Конвенции о запрете и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция № 182)»².

По общему правилу, закрепленному в ст. 63 ТК РФ, заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими 16-летнего возраста, за некоторыми исключениями³. В частности, 15-летние и 14-летние могут быть приняты на работу с соблюдением особых правил:

- они могут быть приняты на работу на легкий труд, не причиняющий вреда здоровью и не нарушающий процесса обучения;
- трудовая деятельность осуществляется в свободное от учебы время;
- для 14-летних требуется согласие одного из родителей и органа опеки и попечительства.

В соответствии со ст. 92 ТК РФ, продолжительность рабочего времени для работников в возрасте от 15 до 16 лет составляет не более 24 часов в неделю, в возрасте от 16 до 18 лет — не более 35 часов в неделю. Также нормы выработки для работников в возрасте от 15 до 16 лет составляют не более 60%, и для работников в возрасте от 16 до 18 лет не более 87,5% от нормы выработки взрослого работника⁴.

Защищая права несовершеннолетних, власти стремятся создать наиболее благоприятные условия жизни и здоровья. К примеру, в соответствии со ст. 265 ТК РФ запрещается применение труда несо-

¹ Об установлении шестичасового рабочего дня для подростков от 16 до 18 лет: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1956 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=395&dst=0&hash=0#05778329478134792> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, ред. от 01.04.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Там же.

⁴ Там же.

вершеннолетних на работах, которые несут опасность и вред в процессе труда, на подземных работах, а также на работах, которые могут наносить вред здоровью и нравственному развитию личности (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и токсическими препаратами). Перечень таких работ подлежит утверждению в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений¹.

Таким образом, можно сказать, что история развития трудового законодательства России о труде несовершеннолетних со времен капитализма во многом определялась и определяется политическими, социальными и экономическими факторами развития промышленного производства.

Сравнительный анализ российского трудового законодательства с трудовым законодательством Соединенных Штатов Америки (далее по тексту — США) показал, что в конце XIX - начале XX в. эксплуатация детского труда использовалась повсеместно. Дети нередко трудились на очень трудных и опасных работах и за мизерные заработные платы. В штатах проходили различные акции, митинги в защиту прав детей, но они не оказали какого-либо влияния, так как их признавали незаконными. Почти 1,5-2 млн. работающих детей не имели никакого образования или квалификации [3].

В целях решения проблемы дискриминации детского труда в 1904 г. США был создан «Национальный комитет детского труда» - организация, целью деятельности которой являлось искоренение детского труда. Члены этой организации помогли мобилизовать поддержку общества законам, включающим положения о детском труде на уровне штатов, публикуя информацию о непростой жизни и плохих условиях труда несовершеннолетних рабочих.

В 1916 г. под давлением National Consumer Law Center (Национальная лига потребителей) Конгресс США принял закон Китинга-Оуэна, который регулировал торговлю между штатами товарами, которые были произведены несовершеннолетними работниками в возрасте 14-16 лет, если они работали больше 8 часов в день, работали ночью или же работали больше 36 часов в неделю. Но спустя 2 года Верховный Суд США отменил, закон Китинга-Оуэна мотивируя тем, что данный закон нарушает торговые отношения между штатами, а Конгресс для принятия данного закона должен иметь право регулировать производство этих товаров (Это решение Верховного Суда США получило название Хаммер против Дагенхарта) [3, с. 1].

В том же году Конгресс попытался обложить налогом предприятия, на которых трудятся несовершеннолетние в возрасте 14-16 лет, однако и это было отменено Верховным судом.

В ответ на отмену своих попыток Конгресс 2 июня 1924 г. утвердил поправки в Конституцию США, которые дали бы возможность регулировать труд несовершеннолетних работников, и представил эти поправки в законодательные собрания штатов на ратификацию. Сначала всего 5 штатов поддержали эти поправки, но Президент США Франклин Д. Рузвельт выступил за данные поправки в Конституцию США. Его поддержали 14 штатов и в 1933 г. подписали свои согласия. Далее, к 1937 г. в общей сложности 28 штатов выступили за то, чтобы ратифицировать данные поправки. И в 1938 г. Министерством труда США был принят один из основных нормативно-правовых актов в данной сфере - это Закон «The fair labor standards Act» (FLSA) («О справедливых трудовых стандартах»). Необходимо отметить, что в данном Законе впервые были закреплены права и обязанности работников и работодателей. Он обеспечивал минимальные гарантии уровня заработной платы, права несовершеннолетних работников и другие необходимые условия труда. При этом названный Закон поделил детскую занятость, на сельскохозяйственную и на несельскохозяйственную. Тем самым эти законодательные положения отличаются от российского трудового права [3, с. 1].

Согласно закону «The fair labor standards Act» (FLSA) («О справедливых трудовых стандартах») Министерство труда в США издало ряд инструкций, более подробно регулирующих труд несовершеннолетних работников [4, с. 1]. Также, как и в Российской Федерации, в трудовом законодательстве США нашли свое отражение положения ратифицированной этой страной Конвенции МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» 1999 г. Вместе с тем, в США закреплен отличный от России подход к установлению минимального возраста для заключения трудового договора с несовершеннолетним.

Так, в несельскохозяйственном секторе в соответствии FLSA и инструкцией Министерства труда США «Child Labor Requirements in Nonagricultural Occupation» («Требования к детскому труду на несельскохозяйственных занятиях») минимальный возраст, при котором возможно заключение трудо-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, ред. от 01.04.2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

вого договора, установлен с 14 лет. Но позднее минимальный возраст был пересмотрен в 1937 г. и установлен с 15 лет [3, с. 1]. Также закреплено, что трудовая деятельность не должна препятствовать учебному процессу несовершеннолетнего работника и наносить вред его здоровью и самочувствию. Поэтому власти США обязывают работодателей придерживаться особых условий:

- работа должна выполняться в свободное время от учебной деятельности;
- не более 3 часов в день и 18 часов в неделю;
- во время каникул 8 часов в день и 40 часов в неделю соответственно;
- работа должна выполняться между 7 и 19 часами (в летнее время 21 ч.).

В отношении работы в ночное время суток (с 22:00 до 6:00) в США, запрещается работать лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Однако в целях обучения учеников или профессионального обучения в определенных отраслях промышленности, которые работают круглосуточно, или же на определенных работах с особого разрешения органов власти допускается использовать труд несовершеннолетних, но только с 16 лет. FLSA разрешает детям в возрасте 13 лет заниматься легкими видами работ, например, работа няней, доставка газет и оказания помощи в бизнесе родителей, который непосредственно находится в их владении. Труд несовершеннолетних в возрасте 14-15 лет может использоваться в сфере розничной торговли, общественного питания и на заправочных станциях [3, с. 2].

Минимальный возраст для работы в сфере сельского хозяйства, согласно FLSA установлен с 14 лет. Но допускается труд лиц 12 лет, но не менее 10 лет, которые трудятся на своей семейной ферме принадлежащие их семье. Дети 10-12 лет могут работать, помогая собирать урожай. Запрещается работать детям в возрасте до 16 лет на опасных сельскохозяйственных работах таких, как управление трактором, кукуруза-зерно обрабатывающими машинами, агрегатами, комбайнами [3, с. 3].

Таким образом, рассмотрев положения трудового законодательства США, направленные на правовое регулирование труда несовершеннолетних работников, можно сделать вывод, что работодатели имеют широкий спектр использования труда несовершеннолетних. Рассмотрев историю развития правового регулирования труда несовершеннолетних в России и США, следует отметить, что США в отличие от России крайне мало уделяет внимания международным правовым стандартам трудовых отношений. Трудовые отношения в США регулируются преимущественно нормами внутринационального законодательства. Также следует отметить, что закон США FLSA («О справедливых трудовых стандартах») не содержит норм, закрепляющих необходимость защиты и охраны детского труда, мер наказания за нарушения законодательства.

Литература

1. Сосновских А. В. Правовое регулирование труда в Российской империи в конце XIX — начале XX столетия и его влияние на кризисные процессы в государстве // Молодой ученый. 2017. № 5(139). С. 322-324. URL: <https://moluch.ru/archive/139/39121> (дата обращения: 25.03.2021). Текст: электронный.
2. Гурылева А. А. Правовое регулирование труда в дореволюционной России // Nauka-rastudent.ru. 2015. № 7(19). URL: <http://nauka-rastudent.ru/19/2799> (дата обращения: 06.04.2021). Текст: электронный.
3. Чупракова С. И. Правовое регулирование труда несовершеннолетних в Соединенных Штатах Америки // Юридический журнал. 2008. № 1. URL: <http://elibrary.miu.by/journals!/item.uj/issue.13/article.16.html>. (дата обращения: 09.04.2021). Текст: электронный.
4. Епифанова Е. В., Павлисова Т. Е. Правовое регулирование труда в России: история и современные тенденции развития // Юридические исследования. 2017. № 7. С. 55-71. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23480 (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.
5. Максимов М. М. Труд несовершеннолетних в советский период // Гарантии прав ребенка — безопасность детства. 2020. С. 154-158. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42616726_26722237.pdf. (дата обращения: 09.04.2021). Текст: электронный.

Предложения по развитию и совершенствованию законодательства РФ в сфере медиации

© Д. Ц. Норбоева
студентка 4-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
dimit.norboeva.tz@mail.ru

В данной научной статье изложены предложения по развитию и совершенствованию законодательства России в сфере медиации. Проанализирован опыт зарубежных стран в данном институте. На примере разных государств представлены конкретные методы и способы развития и совершенствования института медиации.

Ключевые слова: медиация, совершенствование законодательства, Россия, урегулирование споров, посредник.

В России заинтересованность к альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника начали выражать коммерсанты, это и положило начало образования и становления Службы медиации при Российском союзе промышленников и предпринимателей и Коллегии посредников при Торгово-промышленной палате РФ. Принятие в 2010 г. ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ официально закрепило в РФ институт медиации на профессиональной основе.

Институт медиации в ее нынешнем значении получил свое развитие во второй половине XX столетия, и прежде всего, в странах англо-саксонского права — США, Австралии, Великобритании. Затем медиация со временем получила свою известность и в Европе. Урегулирование конфликтов с сфере брачно-семейных отношений стало первым примером применения данного института. В дальнейшем альтернативная процедура урегулирования споров с участием посредника начала применяться при разрешении разногласий в сфере предпринимательства, частного и публичного права, тем самым расширив сферу урегулирования споров с участием посредника.

На сегодняшний день институт медиации — это глобальная отрасль, которая получила свое распространение во многих странах мира. Вместе с тем институт медиации — сравнительно молодой и новый, в настоящее время его популярность только набирает свои обороты. Например, в КНР широко используется институт медиации, благодаря ее народности, тому, что ее осуществляют народные комиссии и народные медиаторы, большую роль играют традиционность и национальная особенность общества. В РФ юридическое значение элементов, составляющих медиативное соглашение — весьма важно. Определенность рамок и дедлайнов делают российскую правовую систему мобильной и подвижной.

Есть все основания полагать, что медиация получит широкое распространение в Евразийской правовой семье и Российской Федерации, в частности, где не происходит четкого отделения понимания права, справедливости и добра. Это в значительной степени повлияло на формирование особого евразийского менталитета, следствием чего является тот факт, что население, в своей массе, неохотно обращается к помощи государственного суда для урегулирования разногласий» [1, с. 64].

Действительно, граждане РФ неохотно обращаются к государственным судам при разрешении своих споров. Причинами может являться менталитет людей, заложенный веками российской истории. Нормативно-правовой акт, регулирующий и устанавливающий альтернативную процедуру урегулирования споров с участием появился в РФ в 2010 г. Институт медиации в современном понимании появился в 50–60-х гг. 20-го столетия в системе американского права. Данный институт в Америке призван урегулировать большую часть конфликтов на добровольной основе без участия суда на, но если дело все же дошло до суда, то судья может приостановить судебный процесс и порекомендовать сторонам спора прибегнуть к помощи медиатора. В Швеции институт медиации зародился и получил свое развитие в 1999 г. В КНР медиация имеет длительную культурную традицию: в этой стране религия и философия всегда делали сильный акцент на консенсус, совместно принимаемые решения и гармонию, и потому медиация была главным средством для улаживания споров. Альтернативные способы разрешения споров применялись до Культурной революции и с начала 1980-х гг.

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон [от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (03 дек. 2020). Текст: непосредственный.

вновь стали использоваться при разрешении споров с использованием таких методов как посредничество, согласительные процедуры, третейский суд и обычный суд.

Представляется необходимым популяризировать данный институт в России. Предлагаемые методы распространения медиации в РФ:

- широкая просветительская работа в учебных заведениях, а именно в направлении юриспруденция. Введении в учебный процесс дисциплины «внесудебное урегулирование споров»;
- освещение в средствах массовой информации о возможности урегулирования спора с помощью медиатора, без сутяжничества;
- ввести профессию медиатора в номенклатуру профессий страны, как это было сделано в Австрии [2].

Принять федеральный закон о медиации, регулирующий подготовку медиаторов и определенные нормативы подготовки. На сегодняшний день, Австрия — единственная страна, где был принят подобный нормативно правовой акт. Создать Национальный институт разрешения диспутов, который занимается разработкой новых методов медиации, как это было сделано в США [2].

Можно последовать примеру КНР, где процедура медиации осуществляется народными комитетами бесплатно (они не вправе взимать пошлины и сборы). Более того выдаются награды и поощрения народным комитетам и народным медиаторам — за вклад и содействие. Ответственность за работу народной медиации несет Ведомство Государственного совета КНР по юстиции и его местные органы. Привести российский институт медиации к добровольному пути урегулирования споров, с приматом норм этики без жестких мер и приказного производства.

Литература

1. Мадаев Е. О. Перспективы развития медиации как формы реализации доктрины в Евразийской правовой семье // Вестник Евразийской академии административных наук. 2020. № 3(52). С. 62–65. Текст: непосредственный.

2. Материалы Летней школы для студентов-юристов «Академия прав человека», 22–30 сентября 2002 г. / сост. Е. Л. Богданова, М. Н. Трофимов, Н. М. Кипнис, А. Б. Гутников. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp7doc Ю=1132914&subID = 100033894,100032914#text> (дата обращения: 14.12.2020). Текст: электронный.

Сравнительно-правовой анализ правового регулирования финансовых активов, выраженных в цифровой форме в России и некоторых других странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© С. Ю. Реуцкий
аспирант 2-го курса
Финансовый университет
при правительстве РФ
Россия, г. Москва
whozzz@yandex.ru

© И. В. Сарнаков
канд. юр. наук, доц.
Финансовый университет
при правительстве РФ
Россия, г. Москва
saival@mail.ru

Статья посвящена вопросам отечественного зарубежного правового регулирования цифровых/виртуальных/криптовалют, ценных бумаг, выпущенных в цифровой форме. В итоге, автор делает вывод, что данное законодательство, прежде всего, направлено на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая валюта, токен, криптовалюта, цифровые финансовые активы, правовое регулирование.

Современные условия развития мировой экономики определили востребованность новых видов финансовых активов — цифровых. По российскому законодательству данные активы относят к цифровым правам. Последние в соответствии со ст. 128 ГК РФ, как объекты гражданских прав, относятся к иному имуществу. Цифровые права объединяют в себе кроме цифровых финансовых активов (далее — ЦФА), утилитарные цифровые права (далее — УЦП) и цифровую валюту. Правовое регулирование применения цифровых прав по российскому законодательству включает федеральные законы, регламентирующие их выпуск и обращение (куплю/продажу, обмен) и учет. В этой связи необходимо отметить законы о привлечении инвестиций на инвестиционных платформах (от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ — далее ФЗ № 259-ФЗ), о ЦФА и цифровой валюте (от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ — далее ФЗ № 259-ФЗ-2020), о рынке ценных бумаг (от 24 апреля 1996 г. № 39-ФЗ).

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами различают следующие виды ЦФА: 1) эмиссионные ценные бумаги (акции и облигации) публичного и непубличного акционерного общества (далее — ПАО и НАО), выпущенные в цифровой форме в информационной системе; 2) денежные требования. Владельцы цифровых эмиссионных ценных бумаг обладают такими же правами на них, как и обладатели данных ценных бумаг, выпущенных в бездокументарной и документарной формах. УЦП предоставляют их владельцам следующие права: требовать предоставления вещей; исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и/или их использования; выполнения/оказания каких-либо работ/услуг (ч. 1 ст. 8 ФЗ № 259-ФЗ).

Цифровая валюта не является отечественной денежной единицей. Российские налоговые резиденты не вправе принимать ее в качестве средства платежа за товары работы и услуги (ч. 5 ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ-2020, п. 2 ст. 207 НК РФ). Однако она может быть обменена на иные ЦФА, которые в свою очередь могут давать право требовать деньги или приносить дивиденды в денежном выражении.

Законодательное регулирование цифровых валют и токенов в мировом масштабе развивается уже продолжительное время. Так, Япония в 2016 г. приняла изменения и дополнения в Закон № 59 от 2009 г. «О платежных услугах» Payment Services Act art. 63-5, para.1. (資金決済に関する法律)¹. Сейчас данный закон, включает понятие «виртуальная валюта», которая является средством платежа за товары и услуги, проданные через «Интернет»; средством обмена на другие виды виртуальных валют. Поправки в закон о рынке ценных бумаг — Financial Instrument sand Exchange Act, 1948 г. (ред. от 01.05.2020)² обусловили возможность совершения сделок с токенами: перехода прав на них (позволяет регулировать первичные предложения — токенов ICO) и продажи самих токенов (акций (STO)) и деривативов.

¹ Payment Services Act art. 63-5, para. 1 // Библиотека Конгресса США [сайт]. URL: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/japan.php#_ftnref6 (дата обращения: 08.12.2020).

² Financial Instrument sand Exchange Act, 1948 г. (ред. от 01.05.2020) // Библиотека Конгресса США [сайт]. URL: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/japan.php#_ftnref6 (дата обращения: 08.12.2020).

Республика Сингапур в 2019 г. приняла закон, регламентирующий платежные услуги (Payment Services Act 2019 (No. 2 of 2019)¹). Данный документ позиционирует цифровые платежные токены в качестве законного средства платежа. В соответствии с законом данной страны о ценных бумагах и фьючерсах (глава 289) «SFA» (Securities and Futures Act (Cap. 289) «SFA»²) токены (ICO) рассматриваются в качестве ценных бумаг; переходят в сферу регулирования Комиссии по ценным бумагам Сингапура; подлежат лицензированию и до использования их необходимо зарегистрировать в MAS.

США не имеют единого для всей страны закона, регулирующего цифровые валюты или иначе криптовалюты. Однако данный закон находится в стадии разработки, а в отдельных штатах (Калифорнии и Вайоминг) приняты законы, легализующие использование указанных активов. Кроме того, согласно отчету Комиссии по ценным бумагам и биржам США (Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO³) токены (ICO) признаны ценными бумагами.

В Калифорнии принят закон, закрепляющий признание альтернативной валюты законными деньгами (AB 129 (Dickinson)⁴). В соответствии с указанным документом прекращается действие ст. 107 Кодекса корпораций штата выше названного штата, запрещающего выпуск или обращение чего-либо похожего на денежные средства. Таким образом, в Калифорнии был разрешен выпуск и использование альтернативной валюты.

В Вайоминге в 2019 г. принят закон, регламентирующий противодействие отмыванию денег, в том числе и через вложение их в криптовалютные активы (SF0125 Registration SOR/2019-240 June 25, 2019 Proceeds of crime (Money Laundering) and Terrorist Financing act P.C. 2019-903 June 22, 2019⁵). В рамках данного документа закреплены три вида криптоактивов: 1) цифровые потребительские активы, 2) цифровые ценные бумаги, 3) виртуальные валюты. Любые цифровые активы определяются как нематериальная личная собственность, предоставляя виртуальным валютам такой же режим, как и бумажным деньгам.

Канада приняла Положение «О внесении изменений в некоторые положения, касающиеся доходов, полученных преступным путем (отмывания денег), и финансирования терроризма» (Regulations Amending Certain Regulations Made Under the Proceeds of Crime (Money Laundering) and Terrorist Financing Act, 2019: SOR/2019-240⁶), позволившее канадским и иностранным компаниям совершать операции (обмен и перевод) с виртуальными валютами. Все криптовалютные компании обязаны выполнять требования закона о финансовых сервисах, включая реализацию программы полного комплаенса и регистрацию в Центре анализа финансовых операций и отчетности Канады (FinTRAC).

Таким образом, в мире, в том числе странах Азиатско-Тихоокеанского региона складывается правовое регулирование цифровых/виртуальных/крипто валют и цифровых аналогов ценных бумаг. Следует отметить, что данное законодательство, прежде всего, направлено на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма через данные финансовые активы, обеспечение безопасности сделок с криптоактивами, необходимостью взимать налоги с прибыли от их оборота. В целом активно развивающееся правовое регулирование виртуальных (цифровых) валют за рубежом делает их использование более безопасным.

¹ Payment Services Act 2019 (No. 2 of 2019 // Библиотека Конгресса США [сайт]. URL: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/japan.php#_ftnref6 (дата обращения: 08.12.2020).

² Securities and Futures Act (Cap. 289) «SFA» // Правительствоное агентство Сингапура [сайт]. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/SFA2001> (дата обращения: 08.12.2020).

³ Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO // Комиссия по ценным бумагам и биржам США [сайт]. URL: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 08.12.2020).

⁴ AB 129 (Dickinson) // California Legislative information [сайт]. URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billStatusClient.xhtml?bill_id=201920200AB1864 (дата обращения: 08.12.2020).

⁵ SF0125Registration SOR/2019-240 June 25, 2019 Proceeds of crime (Money Laundering) and Terrorist Financing act P.C. 2019-903 June 22, 2019 // Bundesfinanzministerium.de Finanzen[сайт]. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/BMF_Schreiben/Steuerarten/Umsatzsteuer/Umsatzsteuer-Anwendungserlass/2018-02-27-umsatzsteuerliche-behandlung-von-bitcoin-und-anderen-sog-virtu (дата обращения: 08.12.2020).

⁶ Regulations Amending Certain Regulations Made Under the Proceeds of Crime (Money Laundering) and Terrorist Financing Act, 2019: SOR/2019-240 // Government of Canada <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2002-184/FullText.html> (дата обращения: 10.03.2021).

Литература

1. Дмитриева Г. К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5(102). С. 120–127. Текст: непосредственный.
2. Мархат П. М. Криптовалюта в конкурсной массе должника-банкрота // Закон и право. 2019. № 4. С. 19–22. Текст: непосредственный.
3. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6(115). С. 43–54. Текст: непосредственный.
4. Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36–51. Текст: непосредственный.
5. Саженов А. В. Криптовалюта: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121. Текст: непосредственный.
6. Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество — анализ текущего правового состояния // Вестник экономического правосудия российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135. Текст: непосредственный.
7. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74. Текст: непосредственный.

Правовые проблемы суррогатного материнства

© Чжан Лу

магистрант Института иностранных языков
Политико-юридический университет Китая
КНР, г. Пекин

Данная статья посвящена исследованию правовых проблем суррогатного материнства в практике. В статье рассмотрена проблема детско-родительских отношений суррогатных детей, а также изучено право на информацию и право на неприкосновенность частной жизни участников поведения суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, потенциальные родители.

В настоящее время с развитием вспомогательных репродуктивных технологий значительно расширилась возможность преодоления бесплодия. Но в различных странах отношение к суррогатному материнству неоднозначно. Во многих странах, таких как Япония и Франция, суррогатное материнство просто запрещено, и любая форма суррогатного материнства является незаконной. А в связи со спросом на суррогатное материнство и проблемой демографии все больше стран принимают применение суррогатного материнства. Например, в России, Австралии, Канаде и других странах приняты законы, уточняющие правовой статус суррогатного материнства. В Китае пока нет специального законодательства о суррогатном материнстве.

Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями¹.

Суррогатное материнство можно в основном разделить на два вида: «традиционное» — суррогатная мать использует собственные яйцеклетки и спермы родителей — заказчиков. Данный вид присущ Древнему Риму; «гестационное» — суррогатная мать вынашивает эмбрион биологических родителей — заказчиков, т. е. не имеется связь на генетическом уровне между суррогатной матерью и ребенком [1].

По классификации затрат на суррогатное материнство его можно разделить на бесплатное суррогатное материнство и коммерческое суррогатное материнство. Бесплатное суррогатное материнство означает, что суррогатная мать не получит никаких оплат от клиента и предоставляет бесплатные услуги добровольно. Коммерческое суррогатное материнство означает, что некоторые женщины становятся профессиональными суррогатными матерями и рожают ребенка для других с целью получения оплаты.

Суррогатное материнство как явление, затрагивающее широкий спектр социальных отношений, связано с множеством юридических вопросов. В силу влияния различных культурных, религиозных, социальных и других факторов, ученые из разных стран по-разному объясняют детско-родительские отношения суррогатных детей, в том числе:

Принцип принадлежности генов, то есть представителем оплодотворенной яйцеклетки является мать ребенка. Эта точка зрения соответствует кровному родству и цели суррогатного материнства. Однако, когда представителем оплодотворенной яйцеклетки является третье лицо, даже если знать это кто именно, маловероятно, что третье лицо пожелает принять суррогатного ребенка²; Принцип родов, то есть суррогатная мать — матери ребенка. Такое мнение в основном выдвигается оппозициями суррогатного материнства, их цель — разорвать юридическую связь между потенциальными родителями и суррогатным ребенком; Принцип договора — в соответствии с договором между потенциальными родителями и суррогатной матерью. Сторонники этого принципа рассматривают суррогатное материнство как обычное коммерческое договорное поведение, и его преимущество состоит в том, что благодаря принципу свободы договора оно не только решает проблему спроса потенциальных родителей на суррогатного ребенка, но и решает проблему владения ребенком; Принцип наилучших интересов суррогатных детей. Этот принцип сложно оценить. Субъективизация и абстрагирование стандартов идентификации в конечном итоге вредит интересам суррогатных детей.

Также стоит вопрос о защите прав и интересов суррогатной матери. Во многих странах нечетко определен статус суррогатной матери, особенно в странах, которые запрещают суррогатное материнство. На этом фоне суррогатные матери легко становятся объектом давления агентства по суррогат-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон [от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ]. URL: <https://base.garant.ru/12191967> (дата обращения: 21.03.2021). Текст: электронный.

² Ли Шулин. Этический анализ суррогатных матерей: обсуждение возможности заключения контракта о суррогатном материнстве // Национальный центральный университет Тайвань. 2006.

ному материнству. Случаи, когда суррогатные матери подвергаются физическому ущербу, очень распространены, но они крайне редко получают помощь.

Еще существует проблема о праве на информацию всех участников поведения суррогатного материнства. Право суррогатной матери на информацию, т.е. суррогатная мать имеет право знать конкретную информацию о потенциальных родителях, а также о состоянии здоровья себя и суррогатного ребенка во время беременности. Что касается того, имеет ли суррогатная мать право знать, как растет суррогатный ребенок после родов, единого стандарта нет. Право потенциальных родителей на информацию в основном сосредоточено на здоровье суррогатной матери и суррогатного ребенка. Право суррогатного ребенка на информацию проявляется как его право знать о происхождении своей истинной личности.

Однако, существует очевидный конфликт между правом на информацию и правом на неприкосновенность частной жизни в процессе суррогатного материнства. В основном существуют следующие два типа конфликта. Конфликт между правом суррогатной матери на информацию и правом потенциальных родителей на неприкосновенность частной жизни. Многие потенциальные родители не хотят, чтобы суррогатный ребенок знал их личность, но некоторые суррогатные матери хотят знать информацию о ребенке. Конфликт между правом суррогатной матери на неприкосновенность частной жизни и правом потенциальных родителей на информацию. Суррогатные матери имеют право защищать свою личную информацию, информацию о здоровье и опыта суррогатного материнства, но потенциальные родители хотят знать личную информацию суррогатной матери, чтобы обеспечить здоровье суррогатного ребенка и беспрепятственное завершение суррогатного поведения.

Стремительное развитие суррогатного материнства стало неизменным фактом, и простое запрещение не может решить различные проблемы в реальной жизни. Совершенствование законодательства и правовое регулирование суррогатного материнства являются эффективными способами.

Литература

1. Свитнев К. Н. Суррогатных матерей защищает закон. URL: http://www.surrogacy.ru/surrogacy_in_press_34.php (дата обращения: 21.03.2021).

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Организованная преступность как транснациональное явление: взгляд на США

© Е. А. Астахова

аспирант

Саратовская гос. юрид. академия

Россия, г. Саратов

orhideya-katerina@mail.ru

Статья посвящена анализу транснациональной организованной преступности и её исследованию в юриспруденции США. Выявлены причины её развития и условия, ей способствующие. Проанализированы точки зрения американских учёных на транснациональную преступность. Приводятся мнения ученых Великобритании и России.

Ключевые слова: организованная преступность, транснациональное преступление, организованная преступная группа, Конвенция ООН.

Понятие «организованная преступность» имеет исторические корни, уходящие в глубь веков к преступной деятельности бандитов, пиратов и банд в сельской местности и на море, а также в городах. В соответствии с современными представлениями об организованной преступности эти группы действовали как коллективы, занимались грабежом и вымогательством и проявляли готовность прибегать к произвольному насилию и угрозам для достижения своих в первую очередь экономических целей. Такие формирования как сицилийская мафия предлагали за определенную плату защиту от грабежей других преступников. Отсюда и возникла идея «рэкета защиты», когда группы или отдельные лица, которые обеспечивали защиту и извлекали из нее выгоду, на самом деле сами были источником опасности. В Западной Европе только в XIX в., когда полицейские силы были лучше организованы, и судебная система стала более эффективной, начали появляться государственные учреждения, способные заменить и бросить вызов частным субъектам, занимающимся различными формами защиты и экономической эксплуатации.

Сегодня учёные вновь ссылаются на связь между организованной преступностью и развитием государства во многих развивающихся и постконфликтных странах [3]. Преобладающая точка зрения заключается в том, что организованная преступность вносит дисфункциональный вклад в эти условия, рассматривая деятельность организованной преступности как угрозу миру и существующему порядку. Организованная преступность может извлекать выгоду из насилия, нищеты и отчаяния.

Сам термин «организованная преступность» появился в Соединенных Штатах Америки в первые десятилетия XX в. Под ней в основном понимались преступные группы, действовавшие в городских условиях. Эпоха сухого закона 1920-х гг., в течение которой американские власти стремились ограничить производство и потребление алкогольных напитков, предоставила городским преступникам новые возможности для незаконного предпринимательства. Термин «рэкет» использовался для обозначения целого ряда незаконных видов деятельности этих групп.

После Второй мировой войны в Соединенных Штатах сложилось мнение, что организованная преступность имеет преимущественно итальянское происхождение и связана с итальянскими преступными формированиями, в частности с сицилийской мафией (также известной как «Коза Ностра»). Такое понимание организованной преступности оставалось официальной точкой зрения Соединенных Штатов на протяжении почти трех десятилетий.

Однако к 1970-м гг. XX в. стало ясно, что не все организованные преступные формирования принадлежат итальянской мафии. Анализ криминальной ситуации показал, что в сфере незаконного оборота наркотиков возникает острая конкуренция между организованными преступными группами из разных государств, что определяло транснациональный характер деятельности таких формирований. В 2007 г. было предложено рассматривать организованную преступность с точки зрения четырех определяющих элементов: 1) сохраняющейся организационной иерархии; 2) погони за прибылью через преступность; 3) применения силы или угрозы; 4) коррупции государственных должностных лиц для обеспечения иммунитета от судебного преследования [2].

В декабре 2000 г. была подписана Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности¹. Данный документ носит универсальный, но весьма общий характер и его содержание неоднократно анализировалось в специальной литературе. Тем не менее, нельзя не отметить, что Конвенция ООН обеспечивает необходимую основу для реализации международной уголовной политики в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью, а в частности для международного сотрудничества государств — стран участников Конвенции и оптимизации некоторых направлений борьбы с транснациональной преступной деятельностью, осуществляемой в организованных формах.

Согласно Конвенции, термин «транснациональный» относится к преступлениям, совершенным в более чем одном государстве; преступлениям, совершенным в одном государстве, но значительная часть подготовки, планирования, руководства или контроля осуществляется в другом государстве; преступлениям, совершенным в одном государстве, но связанным с организованной преступной группой, которая занимается преступной деятельностью в более чем одном государстве; или преступлениям, совершенным в одном государстве, но имеющим существенные последствия в другом государстве.

В то время как многие описания транснациональной преступности изображают ее как новую форму преступности или приписывают рост транснациональной преступности прогрессу глобализации в последние десятилетия, транснациональные преступления были частью мирового порядка на протяжении веков [4].

Например, пиратство и рабство были обычным явлением еще в древности и происходили на протяжении всего средневековья. Контрабанда также была распространена на протяжении всей истории, особенно во времена запрета. Одним из примеров является контрабанда алкоголя в Соединенные Штаты через Мексику в эпоху американского запрета между 1920 г. и 1933 г. Другим ярким примером является торговля опиумом между Британской Ост-Индской компанией и Китаем в начале XIX в.

Несмотря на то, что многие транснациональные преступления не являются новыми, очевидно, что из-за глобализации возросла изощренность преступной деятельности, а также характер и распространенность транснациональной преступности в целом.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности посвящена борьбе с транснациональными преступлениями именно организованного характера, что привело к устойчивому заблуждению о том, что такие преступления не совершаются вне организованных форм. В ст. 2 Конвенции ООН термин «организованная преступная группа» определяется следующим образом: структурированная группа из трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких тяжких преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с целью получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды².

Одновременно с принятием Конвенции ООН зарубежные учёные, анализируя классификацию транснациональных преступлений, разбросанную по разным международным документам, подвергли её критике. Так как в международных классификациях транснациональные преступления рассматриваются как преступления, совершаемые организованными преступными группами. Это не совсем так. Позже и отечественные исследователи обратили внимание, на то, что совершение транснационального преступления возможно индивидуальным субъектом, без образования преступной группы или иного формирования [1].

Транснациональный характер криминальной деятельности организованных формирований стал ключом к появлению согласованных ответных мер со стороны национальных правительств во всем мире. Достижение консенсуса в отношении транснациональной организованной преступности на международном уровне отнюдь не является простым делом. Одной из ключевых задач является преодоление различий в законах и процедурах, а также в культуре и политике в целях принятия решительных мер против транснациональных преступных организованных формирований.

Литература

1. Хижняк Д. С. Транснациональная криминальная деятельность и ее субъекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2(115). С. 196–201. Текст: непосредственный.

¹ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 20.02.2021). Текст: электронный.

² Там же.

2. Albanese J. Organized crime in our times. LexisNexis, Newark, NJ, 2007; Marmo M. Transnational Crime & Criminal Justice // Marinella Marmo, Nerida Chazal. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: Sage, 2016. 231 p.

3. Roth M. Historical overview of transnational crime // Handbook of transnational crime and justice. Sage, Thousands Oaks, CA. Pp. 5–22.

4. Ruggiero V. Transnational crime: Official and alternative fears // International Journal of Sociology of Law. Vol. 28, № 3. Pp. 187–199.

Государственное реагирование на преступления экстремистской направленности в сети Интернет (на примере США и Республики Казахстан)

© Н. А. Богодухов

магистрант

БГУ им. Д. Банзарова

nikisbog@yandex.ru

© Э. Л. Раднаева

зав. кафедрой уголовного права

и криминологии

БГУ им. Д. Банзарова

elviraradnaeva@mail.ru

Статья посвящена анализу правовых средств, обеспечивающих государственное реагирование на преступления экстремистской направленности в сети Интернет, на примере двух государств — США и Казахстана. Проанализированы государственные органы, уполномоченные противодействовать экстремистской преступности, и изучены соответствующие нормативно-правовые акты. Целью работы является выявление положительного опыта иностранных государств в борьбе с экстремистской преступностью в сети Интернет.

Ключевые слова: экстремизм, интернет-преступность, государственное реагирование, интернет-экстремизм.

В наше время экстремизм наравне с климатическими изменениями и экономическими кризисами приобрел по-настоящему глобальный характер. Несмотря на то, что в Российской Федерации согласно статистическим данным наблюдается тенденция к снижению количества преступлений экстремистской направленности, каждое из таких преступлений вызывает повышенный общественный резонанс и может существенно повлиять на дестабилизацию социально-политической обстановки в стране, как справедливо отмечается в стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.¹ Особую опасность представляет омоложение экстремистской преступности и её активно распространение в сети Интернет. Комитет министров Совета Европы в абз. 4 ст. 1 Декларации о правах человека и верховенстве права в Информационном обществе, указал, что национальные правительства должны принимать меры по противодействию киберпреступности, а также борьбе с ксенофобией и расизмом в национальном сегменте сети Интернет².

В Европейском союзе правовое регулирование Интернета осуществляется как на национальном уровне, так и на уровне общеевропейских законов. Для стран СНГ был принят Модельный закон «О противодействии экстремизму», целью данного закона было установить основные принципы, а также организационно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности и ответственности за ее осуществление [3]. Условно можно выделить три механизма воздействия на экстремистские настроения среди молодежи:

- 1) рычаги правового регулирования;
- 2) институты гражданского общества;
- 3) средства массовой информации и Интернет.

На примере США и Казахстана рассмотрим особенности государственного реагирования на преступления экстремистской направленности в сети Интернет, в том числе с точки зрения вышеуказанных механизмов воздействия. В США противодействие терроризму и экстремизму является одной из основных государственных задач. Несмотря на это, федеральное уголовное законодательство США не содержит нормы, предусматривающие ответственность за экстремистские преступления. Следует отметить, что понятие «экстремизм» в правовой доктрине США не используется, что характерно для множества зарубежных стран. В американском праве используются термины: hate crime (преступления на почве ненависти) в Уголовном законе штата Флорида³, либо термин bias motivated crimes (пре-

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г. № Пр-2753). URL: https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2020-06_04/c549d11aaa0fcf_f8e3a732_c0b5e96a69.pdf (дата обращения: 15.12.2020). Текст: электронный.

² Декларация Комитета министров о правах человека и верховенстве права в Информационном Обществе. URL: <http://www.ifarcom.ru/files> (дата обращения: 15.12.2020). Текст: электронный.

³ The 2020 Florida Statutes. Art. 877.19. URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?mode=View%20Statutes&SubMenu=&App_mode=Display_Statute&Search_String=hate&URL=08000899/0877/Sections/0877.19.html (дата обращения: 15.12.2020).

ступления на фоне предубеждений), как, например, в Уголовном законе штата Мериленд¹. Из этого следует, что разграничение понятий «терроризм» и «экстремизм» в американском праве отсутствует.

Основным органом, деятельность которого направлена на противодействие экстремизму, является Министерство внутренней безопасности США. Особый интерес представляют такие структурные подразделения Министерства, как: Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры, Управление по кибербезопасности и коммуникациям, Национальное управление кибербезопасности. Данные отделы помимо собственно обеспечения национальной безопасности, отвечают также за противодействие экстремизму в сети Интернет².

В структуре Белого дома за противодействие экстремизму и международному терроризму отвечают Совет внутренней безопасности и Совет национальной безопасности. Совет внутренней безопасности ориентирован на координацию усилий правоохранительных органов с целью выработки и реализации политики противодействия экстремистской преступности на территории страны.

В свою очередь Совет национальной безопасности курирует исполнительные органы власти в сфере выработки и реализации политики противодействия международной преступности.

С. И. Кушнир указал еще один государственный орган, специфика деятельности которого заключена в его названии: Национальный центр предупреждения преступлений, совершаемых молодежными группировками. В качестве основных задач центра автор выделяет:

- сбор информации об экстремистских преступлениях;
- сбор информации о преступниках, совершающих такие преступления;
- анализ поступающей информации и издание на ее основе статей, брошюр по борьбе с подобными преступлениями [3].

На сегодняшний день можно констатировать наличие серьезной угрозы и для Республики Казахстан. Доминирующей религией на территории РК является ислам, вследствие чего высоко влияние радикальных мусульманских группировок. Развитие сети Интернет позволило им выйти на новый уровень и дало возможность вербовать новых сторонников с помощью социальных сетей. Особую опасность представляет распространение идей ваххабизма.

Правовой основой противодействия экстремизму на территории Казахстана является Закон РК от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму», а также Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 гг. Противодействие экстремизму осуществляется Антитеррористическим центром Республики Казахстан и Комитетом Национальной Безопасности³.

По мнению Р. М. Абдрашева, одним из действенных способов противодействия пропаганде экстремизма в интернет-пространстве является не только фильтрация запросов, блокирование интернет-сайтов со стороны КНБ, но также и повышение религиозной грамотности современной молодежи посредством пропаганды религиозных интернет-ресурсов.

В части политического экстремизма Р. М. Абдрашев отмечает опасность таких групп в социальной сети Facebook, как «Против клана Назарбаева», «Против семейства Назарбаевых», «Против партии Нур-Отан» [1].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

1. Проблема распространения экстремизма актуальна для всех государств мира. Развитие сети Интернет существенно раздвинуло границы возможностей экстремистов. В связи с этим ряд стран особое внимание уделил противодействию с экстремизмом именно в киберпространстве.

Однако, как показывает статистика, принятых мер в форме блокировки контента, удаления информации недостаточно и, как справедливо отметили Б. М. Камергоев и М. К. Курманова, развитие экстремизма в молодежной среде обусловлено в первую очередь недостаточной социальной адаптацией молодежи и развитием асоциальных установок ее самосознания [2].

2. Не все государства имеют твердую законодательную базу, регулирующую противодействие экстремизму. В частности, в США до сих пор отсутствует соответствующий федеральный закон. Кроме того, понятия «экстремизм» и «терроризм» рассматриваются как синонимичные понятия, что не свойственно для российского законодательства, где терроризм выступает крайней формой экстремизма.

¹ Maryland Criminal Laws. URL: <https://statelaws.findlaw.com/maryland-law/maryland-criminal-laws.html> (дата обращения: 16.01.2021).

² Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/organization> (дата обращения: 16.01.2021).

³ О противодействии терроризму: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957#pos=5;-107 (дата обращения: 15.12.2020). Текст: электронный.

Итоговый вывод заключается в том, что только постоянное совершенствование законодательства, повышение информационной грамотности, уровня критического мышления и правового сознания молодых людей, иных мер государственного реагирования способно создать эффективный инструмент для противодействия распространению экстремистских идей в сети интернет. Основой этих преобразований может быть в том числе и положительный опыт других государств. Кроме того, особо важна согласованность действий всех стран мира и отказ от двойных стандартов в сфере борьбы с международным экстремизмом.

Литература

1. Абдрашев Р. М. Противодействие интернет-пропаганде экстремизма в Республике Казахстан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 1(22). С. 58–62. Текст: непосредственный.
2. Камергоев Б. М., Курманова М. К. Профилактические меры по противодействию молодежному экстремизму в сети Интернет // Закон и право. 2019. № 10. С. 87–98. Текст: непосредственный.
3. Кушнир С. И. Опыт предупреждения преступного поведения подростков в США и Великобритании // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. 2016. С. 532–535. Текст: непосредственный.

Уголовно-правовое регулирование информационного воздействия на несовершеннолетних: сравнительный анализ законодательства России, США и Китая

© М. А. Коваленко

аспирант

Российский гос. педагогический
университет им. А. И. Герцена

Россия, г. Санкт-Петербург

marybett@mail.ru

В статье рассматриваются подходы к законодательному регулированию информационного воздействия на несовершеннолетних в России, США и Китае. Предлагаются направления развития российского законодательства.

Ключевые слова: негативное информационное воздействие, несовершеннолетние, уголовно-правовое регулирование.

Средства массовой информации не менее опасны,
чем средства массового уничтожения.

П. Л. Капица (1894–1984)

Защита несовершеннолетних от негативного информационного воздействия в современном мире является жизненно необходимой задачей. Постоянная пропаганда жестокости и насилия через медиапространство, бесконечно растущее количество сообществ в социальных сетях, насаждающих девиантное поведение, культ эгоизма, безнаказанность, пренебрежение к общечеловеческим ценностям приводят к росту преступности несовершеннолетних, а также создают непосредственную угрозу для их нормального, психически здорового развития.

В этой связи остро встают вопросы обеспечения эффективного правового регулирования и адекватного реагирования на условия и факторы, создающие опасность жизненно важным интересам детей в информационной сфере. При этом попытки решения указанных вопросов в разных государствах могут существенно отличаться, что представляет научный интерес с целью выработки наиболее эффективного решения проблем. Рассмотрим подходы уголовно-правового регулирования в сфере информационной безопасности несовершеннолетних на примере законодательства России, США и Китая.

Наиболее масштабная программа по ограничению доступа к нежелательной информации используется в Китае. Проект «Великий китайский файрвол» (Grand Firewall of China) представляет собой систему объединенных между собой серверов, которые работают между мировым Интернетом и непосредственно китайскими провайдерами. Основным предназначением проекта является фильтрация нежелательных иностранных веб-сайтов и замедление трансграничного интернет-трафика.

В соответствии с мерами контроля использования Интернета, принятыми Министерством общественной безопасности Китая в 1997 г., физическим лицам запрещается использовать Интернет для оборота информации, которая противоречит принципам государственной системы и способствует подрыву национального единства, искажает действительность, распространяет дезинформацию, нарушает общественный порядок, предоставляет материалы сексуального характера, поощряет азартные игры, насилие и убийства [1, с. 611]. При этом компании, предоставляющие доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, должны иметь специальные программы, обеспечивающие контроль и блокирование информации, которая является нежелательной по китайскому законодательству. За предоставление неправомерного доступа к интернет-ресурсу, за неисполнение решения контролирующего органа о блокировании интернет-ресурса или удалении информации, а также за использование интернет-ресурсов для распространения информации о совершении преступлений предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 285, 286А и 287В УК Китая¹.

Аналогично ст. 285А УК Китая в КоАП РФ есть ст. 13.41, предусматривающая ответственность за неприятие провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение в информационно-телекоммуникационных сетях информационного ресурса, мер по ограничению доступа к информации, если обязанность по принятию таких мер предусмотрена законом. Следует признать положительным решение китайского законодателя о криминализации указанного деяния, поскольку в российском законодательстве нет специальной ответственности в случае, если такое деяние привело к тяжким последствиям, например, массовым беспорядкам или нарушению деятельности органов государственной власти.

¹ Уголовный кодекс Китая. М., 2017. 256 с. Текст: непосредственный.

К отрицательной стороне китайского законодательства следует отнести отсутствие четких критериев для отнесения информации к той или иной запрещенной категории. Также одной из проблем регулирования информационного пространства в Китае является наличие значительного количества методов обхода общенационального электронного барьера. Однако следует признать и положительный эффект от кампании по цензуре информационной среды в Китае. Пропагандистский эффект играет немаловажную роль в проведении государственной политики по формированию общественного сознания и воспитанию подрастающего поколения. С самого раннего детства гражданам прививают чувства патриотизма, веры в справедливость установленного в стране порядка и формируют ценности, направленные на поддержание установленного порядка в стране. В Китае активно осуществляется забота о воспитании подростков и поддержании их здорового образа жизни. Такой подход отвечает менталитету китайской нации и позволяет им успешно решать различные государственные и общественные задачи. Безусловно, такой опыт может быть принят во внимание и для нашей страны.

Подход США к проблеме отрицательного информационного воздействия на подростков имеет существенные отличия от политики Китая. В США средства массовой информации обладают значительной свободой, что обеспечивается Первой поправкой к Конституции США, гарантирующей свободу слова. Однако проблема широкого распространения деструктивной информации и рост преступности несовершеннолетних способствовали принятию в США целого ряда законодательных актов, направленных на улучшение медиасреды для несовершеннолетних: Акт о коммуникационной благопристойности 1996 г. (Communication Decency Act, далее — CDA), Закон о предотвращении детской порнографии 1996 г. (Child Pornography Prevention Act, далее — CPPA), Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете 1998 г. (Children's Online Privacy Protection Act, далее — COPPA), Закон о защите детей в Интернете 2000 г. (Children's Internet Protection Act, далее — CIPA), Закон о защите и предотвращении жестокого обращения с детьми 2003 г. (далее — PROTECT Act).

CDA (краткое название Раздела V Закона о телекоммуникациях 1996 г.) повлиял на Интернет и онлайн-коммуникации двумя способами: во-первых, он был направлен на регулирование непристойности в отношении детей, доступной в киберпространстве, а во-вторых, раздел 230 Закона о связи 1934 г. (раздел 509 Закона о телекоммуникациях 1996 г., далее — раздел 230) освободил от ответственности поставщиков и пользователей телекоммуникационных услуг, публикующих информацию, предоставленную сторонними пользователями¹.

CDA ввел уголовные санкции за использование интерактивных компьютерных услуг для передачи и предоставления свободного доступа лицам, не достигшим 18 лет, к комментариям, предложениям, изображениям и другим сообщениям, которые показывают сексуальную деятельность или половые органы в оскорбительной или непристойной форме в соответствии со стандартами, принятыми в современном обществе. Однако, впоследствии часть положений CDA о непристойности была признана неконституционной и противоречащей Первой поправке к Конституции США, гарантирующей свободу слова.

CPPA был предназначен для ограничения распространения детской порнографии в Интернете с целью защиты детей от сексуального насилия². Позднее, в 2002 Верховный суд США отменил CPPA за нарушение Первой поправки к Конституции США.

COPPA регламентирует политику конфиденциальности веб-сайтов, порядок получения согласия от родителя или опекуна на предоставление несовершеннолетним лицам младше 13 лет личной информации, а также предусматривает обязанности оператора по защите конфиденциальности и безопасности детей в Интернете³.

CIPA является следующей попыткой американского законодателя ограничить доступ детей к непристойным действиям в Интернете после того, как Верховный суд отменил CDA. CIPA устанавливает требования по обязательному применению мер защиты во время любого использования компьютеров несовершеннолетними с доступом в Интернет с целью блокирования доступа с таких компьютеров к непристойным визуальным изображениям, детской порнографии и иной «вредной» для несовершеннолетних информации⁴. Верховный суд подтвердил конституционность CIPA в 2004 г.

PROTECT Act ввел запрет на использование неприличных иллюстраций, изображений детской порнографии, в том числе созданных компьютером иллюстраций (виртуальная детская порнография), изображающих несовершеннолетних в действиях или ситуациях, которые соответствуют критерию теста Миллера на непристойность (разработан в 1973 г. в деле Миллер против Калифорнии). Уста-

¹ URL: <https://www.britannica.com/topic/Communications-Decency-Act>.

² URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/4123/text>.

³ URL: <https://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule>.

⁴ URL: <http://ifea.net/cipa.pdf>.

новлен минимальный тюремный срок 5 лет за хранение, 10 лет за распространение детской порнографии¹.

В последние годы предметом пристального внимания американского законодателя являются меры защиты, предусмотренные разделом 230, освобождающие от ответственности поставщиков и пользователей телекоммуникационных услуг. После массовых расстрелов в результате терактов в 2019 г. в Крайстчерче (Новая Зеландия), Эль-Пасо (Техас) и Дейтоне (штат Огайо) и размещения преступниками призывов с разжиганием ненависти в Интернете (вэб-сайт имиджбордов 8chan), в Конгресс США последовал ряд законопроектов по изменению раздела 230 с целью стимулирования интернет компаний для борьбы с незаконным контентом в областях жестокого обращения с детьми, экстремизма, терроризма и киберпреступности². После выборов президента США в 2020 г. и штурма Капитолия США 6 января 2021 г. реформы по разделу 230 приобрели особую актуальность.

Аналогичный подход к усилению ответственности интернет компаний за размещаемый на них контент наблюдается и в нашей стране. Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (вступил в силу с 1 февраля 2021 г.) были установлены дополнительные обязанности для владельцев социальных сетей по мониторингу в целях выявления незаконного контента и принятию соответствующих мер в случае отнесения информации к запрещенной российским законодательством. Однако, поскольку большинство социальных сетей являются иностранными, остается проблематичным вопрос о привлечении их к ответственности за нарушение правил размещения контента.

Таким образом, для наиболее эффективной борьбы с деструктивной информацией в медиасреде необходима выработка единого международного механизма предотвращения преступности. Кроме того, необходимо учитывать, что обеспечить абсолютную безопасность информационного пространства для несовершеннолетних в современном мире не может ни одна из возможных мер по блокировке или удалению контента, в связи с чем одной из важнейших задач является разработка государственной политики по формированию информационной грамотности, устойчивости и критического мышления у подрастающего поколения.

Литература

1. Дремлюга Р. И., Коробеев А. И., Федоров А. В. Кибертерроризм в Китае: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 607–614. Текст: непосредственный.

¹ URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-108publ21/pdf/PLAW-108publ21.pdf>.

² URL: <https://www.wsj.com/articles/justice-department-to-propose-limiting-internet-firms-protections-11592391602?mod=djemalertNEWS>.

Сравнительный анализ уголовно-правовой ответственности за некоторые формы организованной преступной деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

© В. И. Липендин

аспирант

Забайкальский гос. университет

Россия, г. Чита

lipendin_vladislav@mail.ru

В статье рассматривается ответственность за некоторые формы организованной преступной деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. В ходе работы сделаны выводы о наличии проблемных вопросов терминологии организованной преступности, используемой в законодательстве Российской Федерации, а также о более мягкой уголовной ответственности за некоторые формы организованной преступности в Китайской Народной Республике в сравнении с Российской Федерацией.

Ключевые слова: бандитизм, уголовно-правовая ответственность, сравнительный анализ, уголовное законодательство, организованная преступная группа.

Сравнительное исследование уголовно-правовой ответственности за некоторые формы организованной преступной деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики, представляет важную задачу в рамках изучения криминологической и уголовно-правовой характеристики бандитизма на территории Дальневосточного региона. Важность задачи обусловлена протяжностью общих границ РФ и КНР в данном регионе и, следовательно, двухсторонним влиянием и взаимообусловленностью развития организованной преступности в рамках граничащих регионов двух государств.

В настоящее время в научной литературе Китая к организованной преступности применяется ряд различных терминов, которые не объединены каким-либо единым собирательным понятием. Кроме того, общепризнанного понимания бандитизма, а также организованной преступной группы в настоящее время в науке уголовного права Китайской Народной Республики не выработано. Вместе с тем, для обозначения данных понятий применяются такие термины, как: организация мафиозного характера, преступная группа, преступное сообщество (группировка), организованная преступная группы и др. [1, с. 16].

В теории уголовного права Китая принято выделять 3 этапа развития организованных преступных групп. В первую очередь, они образуются в виде обычных преступных групп, после чего становятся преступными организациями, и следующим этапом их развития является мафиозная организация, к которой также относят транснациональные мафиозные организации [2, с. 25].

29 сентября 2003 Китаем была ратифицирована Палермская конвенция, в рамках которой впервые на международном уровне было закреплено понятие организованной преступной группы¹. Многие государства, ратифицировавшие данную конвенцию, впоследствии использовали данный термин в своем законодательстве. Вместе с тем, данное определение не имплементировано в Уголовный кодекс КНР, в котором организованные преступные группы обычно именуется организациями мафиозного характера.

Кроме того, для Китая проблемным является вопрос наличия двух особых административных районов (Гонконг и Макао), которые имеют собственное уголовное законодательство. Процесс внесения изменения в законодательство данных районов довольно сложен. Организованные преступные группы носят в уголовном законодательстве данных районов наименование триад, а также мафиозных организаций.

В теории уголовного права России при определении организованной преступности к основным отличительным признакам организованных преступных групп принято относить структурированность, устойчивость, постоянный характер и др. [3, с. 8].

Вместе с тем, одним из недостатков понятия, применяемого в Российском уголовном праве, является оценочность основных признаков, на которых основано данное понятие. Так, по мнению некоторых ученых, оценочность проявляется при применении таких терминов, как структурированность,

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-protiv-transnatsionalnoi-organizovannoi-prestupnosti-prinjata-v/> (дата обращения: 05.03.2021). Текст: электронный.

устойчивость, что может повлечь неоднозначность толкования, а значит и трудности в правоприменительной практике [4, с. 49].

Уголовно-правовая ответственность за бандитизм в Российской Федерации предусмотрена ст. 209 УК РФ¹. В соответствии с диспозицией статьи обстоятельствами, образующими уголовно-правовой состав являются: в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ создание и руководство организованной преступной группой; в соответствии с ч. 2 ст. 209 УК РФ участие в деятельности и функционировании такой преступной группы; согласно ч. 3 ст. 209 УК РФ использование служебного положения для совершения деяний, предусмотренных ч. 1 и ч.2 ст. 209 УК РФ.

Что касается санкций, то согласно ч. 1 ст. 209 УК РФ, виновному лицу грозит ответственность в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, ограничение свободы на срок от одного года до двух лет, а также штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до пяти лет.

По ч. 2 вышеназванной статьи ответственность несколько ниже. Так, виновному лицу грозит наказание на срок от восьми лет лишения свободы.

В соответствии с ч. 3 ст. 209 УК РФ, в свою очередь, предусмотрено более суровое наказание в виде лишения свободы. Так, срок лишения свободы по данной статье составляет от двенадцати до двадцати лет.

В отличие от УК РФ диспозиции статьи УК КНР, регламентирующие обстоятельства, которые образуют уголовно-правовой состав организованной преступной деятельности, существенно отличаются не только общим подходом, но и ключевыми признаками.

Так, согласно ч. 1 ст. 294 Уголовного кодекса КНР лицо привлекается к уголовной ответственности, если оно принимает активное участие в преступной деятельности нелегальной организации, которая различными методами осуществляет противозаконную преступную деятельность, чем наносит существенный вред экономике и обществу, а также если оно участвовало в создании или руководстве данной организацией².

Довольно интересен факт наличия в диспозиции статьи признака территориальной принадлежности организованной преступной группы. Так, в части 3 ранее упомянутой статьи, к ответственности привлекаются члены иностранной организации, осуществляющей организованную преступную деятельность, которые производят вербовку и набор членов данной организации на территории Китайской Народной Республики.

Уголовным кодексом Российской Федерации ответственность за набор членов в иностранные организации, осуществляющие организованную преступную деятельность, не установлена, вместе с тем подобные факты случаются. В этой связи изучение данного опыта, представляется, будет полезно при изучении возможности совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации в данной части.

Вместе с тем стоит отметить, что санкции ст. 294 УК КНР значительно менее суровы к преступникам, чем санкции статей за аналогичные преступления в Российской Федерации.

Так, организатору преступного сообщества согласно ч. 1 ст. 294 УК КНР грозит лишение свободы сроком от 3 до 10 лет. В соответствии с ч. 2 ст. 294 УК РФ, обычные участники преступного сообщества, могут быть лишены свободы на срок до 3 лет, а также им могут быть назначены иные виды наказания. Кроме того, уголовную ответственность в качестве специальных субъектов несут государственные служащие. Им грозит наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет с применением или без применения ряда дополнительных наказаний.

В связи с относительной мягкостью санкций данных статей, представляется, может возникнуть ряд проблемных вопросов при реализации процедуры экстрадиции граждан из Китая в Россию и наоборот.

Вопросы экстрадиции между Китаем и Россией урегулированы договором между Российской Федерацией и КНР от 26 июня 1995 г. «О выдаче»³. Так, например, проблемным аспектом, представляется, является то, что данный договор не распространяется на процедуру экстрадиции из административных районов Гонконга и Макао, так как в силу правового статуса данных территорий, экстрадиция должна осуществляться согласно уголовно-процессуального законодательства указанных особых ад-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Текст: непосредственный.

² Уголовный кодекс Китая / под редакцией А. И. Коробеева, А. И. Чучаева, перевод с китайского Хуан Даосю. М., 2017. 256 с. Текст: непосредственный.

³ Договор между Российской Федерацией и КНР от 26 июня 1995 г. «О выдаче // Собр. законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1668. Текст: непосредственный.

министративных районов Китая. Более того, в Китае не до конца решена проблема выдачи преступников из Гонконга в континентальный Китай, что говорит о сложности данного вопроса.

Также, согласно положениям вышеуказанного договора, преступлением, которое влечет за собой выдачу, может являться только деяние, за совершение которого предусмотрено тюремное заключение на срок не менее одного года по законодательству КНР или Российской Федерации. Вместе с тем, согласно санкции ч. 2 ст. 294 УК КНР, к участникам преступной организации может быть применено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Вместе с тем, сложности в процессе экстрадиции могут возникнуть в связи с толкованием данной санкции, в части того, является ли указание на лишение свободы на срок до 3 лет, заключением свободы на срок не менее одного года, поскольку в соответствии с положениями ст. 45 УК КНР лишение свободы может быть назначено на срок от 6 месяцев.

Также, стороны могут отказать в экстрадиции, в том числе из соображений гуманности. Например, как уже было сказано, при совершении данного преступления на территории Китайской Народной Республики, гражданин Российской Федерации может быть подвержен наказанию в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет, и не выдан в России в связи с тем, что согласно санкции, ч. 2 ст. 209 УК РФ виновному лицу грозит от 8 лет лишения свободы, что китайская сторона может посчитать негуманным и что, безусловно, является оценочной категорией.

Для решения выше указанной проблемы в условиях развития международного бандитизма и с учетом развития трансграничной организованной преступности, представляется, нужна более тщательная проработка положений двухстороннего договора для исключения из него спорных и оценочных положений.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить большую проработанность вопросов, связанных с борьбой с бандитизмом в науке уголовного права в Российской Федерации, что нашло соответствующее законодательное выражение. Вместе с тем, представляется, бандитизм в Китае по своей сути не был таким масштабным и катастрофичным явлением, как в России, что обуславливает наличие более «мягких» санкций в уголовном законодательстве.

Вместе с тем, данный факт может негативно сказаться на достижении целей и задач уголовного наказания при решении вопросов экстрадиции граждан между Россией и Китаем по преступлениям, связанным с бандитизмом, в связи с чем, представляется, требуется дальнейшее углубленное исследование рассматриваемых проблемных вопросов как на научном, так и на законодательном уровне, с целью их всестороннего разрешения.

Литература

1. Хэ Бинсун. Организованная преступность // Исследования преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Пекин, 2002. С. 190. Текст: непосредственный.
2. Кай Сюй. Закономерности и тенденции развития организованной преступности в КНР в начале XXI в // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-i-tendentsii-razvitiya-organizovannoy-prestupnosti-v-knr-v-nachale-xxi-v> (дата обращения: 11.03.2021). Текст: электронный.
3. Долгова А. И., Дьякова С. В. Организованная преступность. Москва, 1999. С. 8–11. Текст: непосредственный.
4. Гриб В. Г., Ларичев В. Д., Федотов А. И. Организованная преступность, различные подходы к ее пониманию // Государство и право. 2010. № 1. С. 49. Текст: непосредственный.

Сравнительно-правовой анализ привлечения к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в Китае и России

© А. О. Погорелая

магистрант

ВСГУТУ

Россия, г. Улан-Удэ

aleona.pogorelaja2011@yandex.ru

© Д. Н. Хаданова

преп.

ВСГУТУ

Россия, г. Улан-Удэ

liika2004@rambler.ru

Статья посвящена анализу норм российского и китайского законодательства о привлечении к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Ключевые слова: коррупция, преступления, деяние, должностные полномочия, должностное лицо.

Если обратиться к данным официальной статистики МВД России, доля преступлений коррупционной направленности в 2020 г. составила 1,53% от общего количества преступлений (30495). По сравнению с 2019 г. количество таких преступных деяний выросло на 2,9%.³ Превышение должностных полномочий согласно данным официальной статистики составляет достаточно незначительную часть от всех коррупционных преступлений. Например, на официальном портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, как и в официальной статистике МВД России о состоянии преступности за определенный период, данные по рассматриваемому виду преступления даже не выделяются в самостоятельные показатели в отличие от злоупотребления должностными полномочиями и составов взяточничества.

Рассматривая вопрос соотношения превышения должностных полномочий с иными составами преступлений, особо следует подчеркнуть основания для разграничения его со смежным составом злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ¹ и ст. 167–169 УК КНР²).

Основное отличие данных составов состоит в характере деяния: при злоупотреблении должностными полномочиями оно совершается в пределах должностных полномочий, а при превышении должностных полномочий субъект явно выходит за эти пределы.

Должностные лица субъектов правоотношений, во время осуществления своей деятельности допускают нарушения возложенных на них обязанностей, при наличии других необходимых условий могут иметь признаки состава преступления. Результатом противоправной деятельности могут быть существенное нарушение нормальной работы органов государственной власти и органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций различных форм собственности, существенный вред государственным и общественным интересам, охраняемым законом правам и интересам отдельных физических или юридических лиц, чем подрывается авторитет государства, грубо нарушается установленный порядок осуществления полномочий должностными и служебными лицами органов государственной власти, местного самоуправления, управленческих структур частного сектора.

Уголовный кодекс КНР, наоборот, кроме того, что предусматривает уголовную ответственности за ряд преступлений, сходных по своему характеру к преступлениям, совершенных против интересов службы как в коммерческих, так и в других организациях, также содержит специальный раздел, где рассматриваются различные виды связанных с ними преступлений³. Особое внимание следует обратить на ст. 167–169 Уголовного кодекса КНР, устанавливающий уголовную ответственность за совершение действий, подобных злоупотреблению властью. Такие действия совершаются лицами, на которых законом возложена административные функции как в государственных компаниях, так и на предприятиях⁴. Таким образом, существует большая разница между УК КНР и РФ при определении составов преступлений в разных главах УК, субъекта и субъективной стороны преступления, а также

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Текст: непосредственный.

² Уголовный кодекс КНР. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Там же.

⁴ Там же.

наименования конкретных преступлений коррупционной направленности. Их сходство и различия заключаются в следующем.

В большинстве стран уголовная ответственность за превышение должностных полномочий предусматривается отдельной нормой, однако в ряде стран ответственность за него охватывается нормой о злоупотреблении властью или служебным положением. В Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий. Вместе с тем есть определенные особенности по криминализации этого деяния. Уголовное законодательство большинства этих стран устанавливает ответственность за него в случае причинения как материального, так и морального вреда, а также содержит квалифицирующий или особо квалифицирующий признак — применение насилия [2].

Различаются подходы законодателей этих стран и по определению субъекта исследуемого деяния. УК сравниваемых стран таким субъектом признают должностное лицо. Так, по УК КНР субъектом коррупционного преступления является как физическое лицо, так и юридическое лицо¹; а по УК РФ субъектами таких преступлений считается только физическое лицо, так как по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации юридическое лицо не признается субъектом преступления².

Рассмотрим причины и условия превышения должностных полномочий, которые и в КНР и в РФ и включают в себя как общие для всей преступности факторы (политические, экономические, социально-психологические, идеологические, факторы правового характера и др.), так и специфические для преступлений, совершаемых в сфере служебной деятельности, в частности, правоохранительной [2]. Специфические факторы можно разделить на объективные и субъективные. К объективным относятся отсутствие четкого разграничения функций правоохранительных и других государственных органов, пробелы в законодательстве, правовая неграмотность населения, недостаточный контроль со стороны соответствующих государственных органов и общественности за деятельностью правоохранительных органов, неудовлетворительная индивидуально-воспитательная работа со стороны руководства соответствующих служб и подразделений правоохранительных органов, несовершенство внутренней структуры этих органов и система отбора кадров как на обучение в ведомственных учебных заведений, так и непосредственно на службу, недостаточное использование контрактной системы службы в правоохранительных органах.

К субъективным относятся профессиональная деформация, низкие моральные качества отдельных сотрудников правоохранительных органов. Опасность профессиональной деформации заключается в том, что она проявляется не только в служебной деятельности, но и в внеслужебной поведении, повседневном общении с окружающими. Деформирован работник правоохранительного органа, зачастую, не осознавая этого, превращается в заложника своей профессии. Предупреждения и устранения профессиональной деформации как общего феномена предполагает усилия на уровне государства, правоохранительных органов в целом, их составляющих служб и подразделений, которые по своим функциям призваны осуществлять контроль за состоянием дисциплины и законности, психологическим состоянием работников.

Важно отметить, что в целях предупреждения превышения должностных полномочий как РФ, так и в КНР актуально применять социальные меры предупреждения данного вида преступления. К таким мерам относятся меры по улучшению системы материального и морального стимулирования работников правоохранительных органов, совершенствование элементов руководящей и организационной работы, пересмотр существующей системы контроля и оценки эффективности работы правоохранителей. Целесообразно комплексное применение профилактических мероприятий с использованием возможностей не только правоохранительных органов, но и других государственных учреждений и общественности.

В современных условиях реформирования системы правоохранительных органов РФ актуальным является вопрос создания надлежащей контролирующей деятельности должностных лиц прокуратуры системы, которая смогла обеспечить выполнение этим органом своих функций и задач, предусмотренных законодательством. Вместе с тем необходимо определение оптимального соотношения функций контроля различных правоохранительных органов КНР во избежание их дублирования и предотвращения коррумпированию вновь правоохранительных органов [3].

¹ Уголовный кодекс КНР. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Текст: непосредственный.

Индивидуальное предотвращение превышения власти или служебных полномочий работником правоохранительного органа является разновидностью деятельности служб и подразделений самих правоохранительных органов, которое направлено на недопущение совершения преступления со стороны конкретного лица, от которого с большой вероятностью следует ожидать совершения преступления.

Факторы, предопределяющие совершение анализируемых преступных посягательств РФ и КНР:

- несовершенство нормативно-правового регулирования по индивидуальному предупреждению преступлений;
- неэффективная организация деятельности правоохранительных органов по индивидуальному предупреждению преступлений;
- недостаточный уровень организации информационного и аналитического обеспечения деятельности правоохранительных органов по индивидуальному предупреждению преступлений;
- неэффективное использование тактических приемов по индивидуальному предупреждению преступлений;
- отсутствие критериев оценки деятельности правоохранительных органов по предотвращению преступлений;
- отсутствие современных комплексных исследований о месте индивидуального предупреждения преступлений правоохранительными органами в системе противодействия преступности;
- нечеткое разграничение функций между правоохранительными и другими государственными органами между собой;
- существование значительных пробелов в различных отраслях отечественного законодательства, в том числе уголовном, гражданском, налоговом, трудовом, административном;
- незнание населением общих уголовно-правовых норм и механизма привлечения к уголовной ответственности, имеет наибольшую силу репрессии, позволяет отдельным работникам правоохранительных органов использовать это и запугивать граждан, шантажировать их, угрожая привлечением к уголовной ответственности и осуждением на длительные сроки лишения свободы, а также использовать в своей деятельности незаконные методы;
- наличие возможности сотрудников правоохранительных органов опосредованно (через других лиц) заниматься коммерческой деятельностью с использованием профессиональных знаний и служебных возможностей (основывать частные предприятия, оказывать консультационные и другие услуги за плату и т. д.), организовывать «прикрытия» внешне легальных фирм, содержание деятельности которых, методы и формы работы запрещены законами РФ;
- принципы построения внутренней структуры правоохранительных органов несовершенны, что позволяет лицам, не имеющим достаточных профессиональных знаний и морально распущенными, под маской «Дисциплинированных, добросовестных исполнителей» попадать на верхние ступени этой структуры, о чем свидетельствуют многочисленные материалы служебных расследований и уголовных производств;
- принципы отбора кадров в правоохранительные органы не отвечают действительным требованиям, предъявляемым к сотрудникам — повышенные требования относительно моральных, этических, культурных черт личности и качественных специальных знаний;
- отсутствие должного, а в некоторых случаях вообще отсутствие контроля за законностью деятельности правоохранителей (как во время службы, так и вне службы). При этом имеют место случаи прикрытия отдельными руководителями правоохранительных органов противоправных действий своих подчиненных, что поощряет их к новым нарушениям;
- несовершенная организация системы отбора кандидатов на обучение в специальных ведомственных учебных заведениях, позволяет попадать на обучение (и, соответственно, на службу) потенциальным правонарушителям и другим морально неустойчивым и психологически непродуманным лицам [3].

Насущной, на наш взгляд, является необходимость разработки и внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов единого нормативно-правового акта о мерах предотвращения преступности в России. Существование такого нормативно-правового акта способствовало бы в РФ закреплению общих положений по предотвращению преступности вообще и индивидуальному предотвращению преступности, в частности.

Важным инструментом по предупреждению превышения полномочий работником правоохранительного органа является эффективная система отбора кадров в эти органы. На сегодня проблема комплектования правоохранительных органов высококвалифицированными кадрами является одной из острых. Отсутствие надежных социально-правовых гарантий работников, неадекватное матери-

альное стимулирование их труда не способствуют созданию объективных условий для конкурсного набора кандидатов в большинстве правоохранительных органов [1].

Приоритетными направлениями предупреждения превышения власти или служебных полномочий работниками правоохранительных органов должны служить меры по улучшению системы материального и морального стимулирования, создания наиболее благоприятных условий для службы, отдыха, перспектив служебного роста, реального обеспечения социальной защиты работников. Специально-криминологическое предотвращение превышения власти или служебных полномочий работником правоохранительного органа возможно при наличии надлежащего законодательства и эффективного его применения контролирующими органами. В современных условиях реформирования системы правоохранительных органов актуальным является вопрос создания надлежащей контролирующей деятельности должностных лиц прокуратуры системы, которая смогла бы обеспечить выполнение этим органом своих функций и задач, предусмотренных законодательством.

Индивидуальное предотвращение превышения власти или служебных полномочий работником правоохранительного органа является разновидностью деятельности служб и подразделений самих правоохранительных органов, которое направлено на недопущение совершения преступления со стороны конкретного лица, от которого с большой вероятностью следует ожидать совершения преступления.

На сегодня в Российской Федерации есть необходимость разработки и внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов единого нормативно-правового акта о мерах предотвращения преступности. Существование такого нормативно-правового акта способствовало бы закреплению общих положений по предотвращению преступности вообще и индивидуальному предотвращению преступности, в частности. С целью унификации оснований и мер дисциплинарной ответственности работников всех правоохранительных органов, в связи с созданием новых и ликвидацией старых таких органов, целесообразно принятие Дисциплинарного устава правоохранительных органов РФ, который бы установил единые стандарты ответственности для всех правоохранителей.

Литература

1. Гельдибаева М. Х., Рахманова Е. Н. Уголовное право в схемах и определениях. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2017. 520 с. Текст: непосредственный.
2. Семенюк А. В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2019. № 13(251). С. 206–208. Текст: непосредственный.
3. Попова Е. И. О некоторых особенностях проведения занятий по предупреждению коррупции среди широких слоев населения // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 36–39. Текст: непосредственный.

Виды уголовных наказаний для юридических лиц в Российской Федерации (с учетом опыта других стран Азиатско-Тихоокеанского региона)

© В. Н. Ситник

студент 3-го курса Института прокуратуры,
Саратовская гос. юридическая академия
Россия, г. Саратов
vladdsitv1@mail.ru

Статья посвящена формированию теоретической модели видов уголовных наказаний для юридических лиц в Российской Федерации. Автор поставил задачу определить круг наказаний, который возможно закрепить в отечественном уголовном законодательстве. Исследуется мировой и зарубежный опыт, в частности международные договоры РФ и уголовное законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате исследования формулируются теоретические положения о содержании отдельных видов наказаний для юридических лиц в Российской Федерации и предложения по их законодательной регламентации.

Ключевые слова: юридическое лицо, уголовная ответственность, уголовное наказание, виды наказаний, государства АТР.

Во многих странах мира субъектом уголовной ответственности выступает исключительно физическое лицо. Российская Федерация в данном контексте не является исключением. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ) уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности. Однако в последнее время в научных кругах все чаще поднимается вопрос о введении в России уголовной ответственности юридических лиц. При этом ученые сосредоточивают свои усилия главным образом на обосновании такой необходимости, в ущерб практическим аспектам, связанным с ее переводом из возможного состояния в действительное. Между тем проблема уголовной ответственности юридических лиц является многоаспектной, что предполагает возникновение сложностей при разработке и законодательном оформлении данного уголовно-правового института.

Количество международно-правовых актов, в которых поднимается вопрос уголовной ответственности юридических лиц, достаточно велико. К их числу можно отнести Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности¹, Конвенцию ООН против коррупции², Конвенцию ОСЭР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок³, Конвенцию ШОС против терроризма⁴. Данные конвенции ратифицированы во всех странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Российской Федерации. При всем этом количество стран, в которых отсутствует уголовная ответственность юридических лиц, постепенно уменьшается. В настоящее время вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц активно прорабатывается в Казахстане, Киргизии и Узбекистане [5, с. 58].

Несмотря на содержащиеся в названных международных договорах положения о необходимости привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, перечень видов наказаний для этой категории субъектов содержит только Конвенция ШОС против терроризма. В соответствии со ст. 10 данной Конвенции Российская Федерация и другие государства-участники, к которым относятся США и Индия, обеспечивают в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности за причастность к преступлениям террористической направленности, применение следующих мер воздействия: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) конфискация имущества юридического лица; 4) приостановление деятельности юридического лица; 5) запрет на отдельные виды деятельности юридического лица; 6) ликвидация юридического лица.

Однако закрепление данного перечня наказаний в международно-правовом акте не свидетельствует о единообразии систем уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Например, в Китае относительно недавно, с принятием нового уголовного кодекса, появился институт уголовной ответственности юридических лиц. В качестве наказания УК КНР предусматривает исключительно штраф [1, с. 53].

¹ Конвенция ООН от 15 ноября 2000 г. против транснациональной организованной преступности // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.

² Конвенция ООН от 31 ноября 2003 г. против коррупции // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

³ Конвенция ОСЭР от 17 декабря 1997 г. по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Бюллетень международных договоров. 2012. № 12.

⁴ Конвенция ШОС от 16.06.2009 против терроризма // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 11. Ст. 1274.

В США уголовно-правовые санкции в отношении юридических лиц сформулированы в Федеральном руководстве по вынесению приговоров США. Согласно данному руководству, в отношении юридических лиц, совершивших преступление, могут быть применены следующие наказания: штраф, конфискация преступных доходов, приостановление деятельности корпораций, опубликование судебного решения, отзыв лицензий, запрет осуществления определенных видов деятельности и др.¹ УК Индии предусматривает для них такие виды наказаний, как штраф и конфискация имущества (ст. 64)². Аналогичная система наказаний содержится в уголовном законе стран, для которых УК Индии является основным источником: Бангладеш, Пакистан, Сингапур, Малайзия и др. [4, с. 93].

С учетом приведенного зарубежного опыта можно утверждать, что при введении уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации к закреплению перечня видов уголовных наказаний, адресованных этому субъекту уголовной ответственности, следует подходить ответственно. В первую очередь при решении данного вопроса необходимо опираться на систему уголовных наказаний, предусмотренную для физических лиц. В настоящее время в ст. 44 УК РФ содержится тринадцать видов наказаний, из которых к юридическим лицам могут быть применены штраф и лишение права заниматься определенной деятельностью.

Штрафом, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УК РФ, признается денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных уголовным законом. При совершении преступлений юридическими лицами денежное взыскание будет считаться самым мягким видом наказания. Штраф является востребованным с точки зрения экономических и социальных факторов. Он пополняет государственный бюджет Российской Федерации, его исполнение не требует значительного государственного финансирования, а назначение штрафа позволит юридическому лицу, несмотря на существенные финансовые обременения, продолжить свою деятельность, сохранив производство и рабочие места [3, с. 31].

Сущность такого наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью, состоит в том, что юридическое лицо может быть лишено права на занятие тем видом деятельности, в связи с осуществлением которого было совершено преступление. К таковым, в частности, могут быть отнесены производство пищевых продуктов, растениеводство, животноводство и т. д. Тем самым юридические лица, совершившие преступление, будут ограничены в осуществлении деятельности, на почве которой было совершено общественно опасное деяние. Данное обстоятельство будет способствовать преобразованию деятельности юридического лица, вследствие чего нейтрализуется возможность совершения им новых преступлений, но сохраняется возможность продолжения хозяйственной деятельности.

Необходимо также учитывать, что деятельность юридического лица может быть сопряжена не только с занятием определенным видом деятельности, но и с обладанием лицензиями, квотами, преференциями либо льготами, которые наделяют его специальными возможностями. Например, ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»³ устанавливает перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии³. Поэтому в случае совершения юридическим лицом преступления, сопряженного с обладанием им специальным правом, целесообразно лишить его вытекающих из данного права возможностей. По своей сути данное наказание является менее строгим, чем лишение права заниматься определенной деятельностью, поскольку юридическое лицо, сохранив общую правосубъектность, будет лишено права пользоваться возможностями, вытекающими из льгот, лицензий, квот и преференций.

Однако выделенных нами видов уголовных наказаний для юридических лиц недостаточно, поскольку все они отличаются относительной лояльностью. Для дополнения данного перечня более строгими видами наказаний необходимо обратиться к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»⁴, а также к опыту зарубежных государств. С их учетом предлагается ввести такие уголовные наказания, как опубликование судебного

¹ Федеральное руководство по вынесению приговоров США — U.S. Federal Sentencing Guidelines. CHAPTER EIGHT — SENTENCING OF ORGANIZATIONS // United States Sentencing Commission, 2014. URL: http://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/guidelines-manual/2014/CHAPTER_8 <https://pandia.org/text/78/357/1276.php> (дата обращения: 25.03.2021). Текст: электронный.

² Уголовный кодекс Индии / пер. с англ.; под ред. и с предисл. Б. С. Никифорова, пер. А. С. Михлина. М.: Иностран. лит., 1958. С. 43. Текст: непосредственный.

³ О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон [от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 14. Ст. 2543; 2020. № 25. Ст. 3986. Текст: непосредственный.

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (подготовлен СК России). URL: <https://pandia.org/text/78/357/1276.php> (дата обращения: 25.03.2021). Текст: электронный.

решения или обязательство юридического лица разместить за свой счет рекламу, содержащую информацию о совершенном преступлении, принудительная ликвидация юридического лица и запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации.

Опубликование судебного решения или обязательство юридического лица разместить за свой счет рекламу, содержащую информацию о совершенном преступлении, в настоящее время реализуется в ряде стран АТР, в том числе в США, о чем было упомянуто ранее. Некоторые ученые, к числу которых относится М.И. Калашников, справедливо отмечают, что данная мера является очень действенной, поскольку серьезно подрывает деловую репутацию юридического лица и способствует снижению его прибыли [2, с. 69].

Принудительная ликвидация будет заключаться в ликвидации юридического лица, зарегистрированного на территории Российской Федерации, в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, которое было создано в целях совершения или сокрытия преступлений. В данном случае уставный капитал организации, вероятнее всего, будет преимущественно состоять из активов, полученных преступным путем, поэтому его имущество после удовлетворения исковых требований будет безвозмездно обращено в бюджет Российской Федерации. Несомненно, данный вид наказания, являясь наиболее строгим из представленных, должен быть назначаться лишь в исключительных случаях, когда совершение или сокрытие преступлений как основная цель деятельности юридического лица не подвергается сомнению.

Запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации будет назначаться юридическому лицу, которое было образовано за пределами РФ, то есть является иностранным юридическим лицом, но осуществляет свою деятельность на территории РФ. Необходимо понимать, что в данном случае речь идет не о самостоятельном юридическом лице, а о его представительствах и филиалах на территории России. Такому юридическому лицу будет запрещено осуществлять свою деятельность на территории РФ в случаях, когда оно было создано в целях совершения или сокрытия преступлений. Рассматриваемое наказание будет выступать в качестве альтернативы принудительной ликвидации юридического лица, поскольку принудительная ликвидация иностранного юридического лица в рамках российского законодательства невозможна. Таким образом, в случае осуществления представительством или филиалом иностранного юридического лица преступной деятельности к иностранному юридическому лицу в целом применяется запрет на осуществление деятельности на территории РФ. На основании изложенного предлагаем дополнить ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации частью второй следующего содержания:

«2. Видами наказаний, назначаемых юридическим лицам, являются:

- а) штраф;
- б) лишение специального права;
- в) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- г) опубликование судебного решения или обязательство юридического лица разместить за свой счет рекламу, содержащую информацию о совершенном преступлении;
- д) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации;
- е) принудительная ликвидация юридического лица».

Таким образом, введение в России уголовной ответственности юридических лиц имеет, на наш взгляд, положительные перспективы. Предлагаемый перечень наказаний для юридических лиц будет способствовать назначению законного и справедливого наказания и достижению стоящих перед ним целей. Содержание международно-правовых актов, а также выявление опыта отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет говорить не только о многообразии видов уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, но и о возможности реальной интеграции данного института в уголовное законодательство России.

Литература

1. Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. Москва, 2000. 432 с. Текст: непосредственный.
2. Калашников М. И. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США // Право в современном мире. 2015. № 2(35). С. 67–72. Текст: непосредственный.
3. Подройкина И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Омск, 2017. 45 с. Текст: непосредственный.
4. Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4(32). С. 91–98. Текст: непосредственный.
5. Фёдоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1(217). С. 55–63. Текст: непосредственный.

К вопросу о необходимости уголовно-правовой охраны правоотношений в области алиментных обязательств: опыт Китая и России

© А. А. Соловьев

магистрант 1-го курса

Московский гос. областной университет

Россия, г. Мытищи

anton.sol1211@gmail.com

В статье рассматривается опыт России и Китая в сфере охраны правоотношений в сфере уплаты алиментных обязательств, а конкретно — ответственность за их неуплату. Приводится сравнение уголовных законов обеих стран и проводится сравнительный анализ. Дается вывод о необходимости изменений уголовной политики России в этой сфере с отсылкой на имеющиеся данные.

Ключевые слова: алименты, уголовная ответственность, неуплата алиментов.

На данный момент уголовная ответственность за неуплату алиментов в Российском законодательстве регулируется соответствующей ст. 157 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹. Данное преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести. В случае реализации законопроекта о введении понятия уголовного проступка, данное преступление не будет относиться к категории проступков, поскольку, согласно законопроекту, «уголовным проступком признается совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы»². В связи с тем, что наказание в виде лишения свободы присутствует в санкции обоих составов преступления (наказание — до одного года лишения свободы), закрепленных в ст. 157 УК РФ. В отличие от УК РФ УК КНР не содержит статей, устанавливающих уголовную ответственность за неуплату алиментов. Согласно ст. 21 Закона КНР «О браке»³ в обязанность родителей входит обеспечение своих детей, а в обязанность взрослых детей содержание и поддержка своих родителей. Отсутствие норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану соответствующих правоотношений, может свидетельствовать об отсутствии необходимости в такого рода охране. Представляется, что такое положение дел может быть обусловлено рядом причин, обусловленных, с одной стороны, менталитетом китайского народа (общества), с другой стороны, спецификой государственного устройства. Рассмотрим указанные причины несколько подробнее:

1) Китайское общество издавна развивало идеи консервативной модели семьи, в которой главой является мужчина-кормилец, а пожилые родители находятся в статусе почтенных членов семьи, влияние которых на жизнь этой самой семьи весьма велико за счет глубокого уважения к ним со стороны детей и внуков. Данная модель общества жива до сих пор, что выражается в отсутствии частых бракоразводных процессов, одним из результатов которого выступает, в числе прочего, вопрос содержания детей обоими родителями. Точно так же взрослые граждане, за редким исключением, не уклоняются от денежного содержания и поддержки своих родителей, что укладывается в социальную парадигму китайского народа.

2) Представляется, что указанное обстоятельство обусловлено также различиями в приоритетах уголовно-правовой охраны различных общественных отношений со стороны государства. Так исходя из анализа УК КНР, приоритет в уголовно-правовой охране отдается, в первую очередь, интересам государства и общества. Китайский уголовный закон, руководствуясь принципами социалистической рыночной экономики, на которой держится государство, в первую очередь охраняет так называемую социалистическую собственность, экономику и все, что связано с финансовым обеспечением государства. Это говорит о том, что такие общественные отношения, как алиментные обязательства и содержание определенных лиц своими родственниками, мало того, что не закрепляются в силу традиционно-ценностных предпосылок, так и в силу того, что государство направляет основное внимание на вышеуказанные сферы.

УК РФ в первую очередь ставит в приоритет охрану прав личности, в числе которых: право на сохранность жизни и здоровья; охрану свободы, чести и достоинства личности; половой неприкосно-

¹ О браке: закон КНР. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch3 (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: законопроект № 612292-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

венности и половой свободы личности; конституционные права и свободы человека и гражданина; институт семьи и охрану несовершеннолетних.

В связи с вышеизложенным, можно сделать некоторые выводы относительно вопроса, поднимаемого в теме статьи. Если говорить о возможности перехода России на данную модель, то можно сделать вывод, что это не представляется возможным на текущий момент. Согласно статистике МВД РФ за период с 2018 по 2020 г., количество зарегистрированных преступлений по ст. 157 УК РФ остается стабильно сравнительно высоким. В частности, за период 2018 г.¹ по ст. 157 УК РФ было зарегистрировано 52044 преступления. Практически такое же количество преступлений по ст. 157 УК РФ было зарегистрировано и в 2019 г.² В 2020 г.³ произошло некоторое снижение количества зарегистрированных преступлений по ст. 157 УК РФ — до 43916. Можно наблюдать определенный спад динамики, однако нельзя говорить о том, что данный спад является существенным. Уклонение от уплаты алиментов по всей стране все еще остается довольно массовым явлением. Этому способствует, в частности, менталитет российского общества, который в определенной степени оправдывает уклонение от тех или иных обязательств под предлогом того, что экономические условия и финансовые кризисы не способствуют добросовестному исполнению возложенных на человека обязанностей. Также некоторые мужчины (которые чаще всего становятся фигурантами дел по неуплате алиментов) в принципе не считают себя обязанными содержать своих детей. Точно так же отдельные граждане, на которых были возложены обязанности уплаты алиментов в отношении своих престарелых родителей финансово, в силу личных причин или низкого правосознания не осознают этой обязанности.

Различие в традиционных подходах и законодательных делах делают разницу между Россией и Китаем довольно большой. Рецепция права является весьма распространенной практикой в мировом нормотворчестве, однако далеко не всегда, в силу тех или иных причин, эту рецепцию можно осуществить между странами, которые даже объединены геополитическим и торговым сотрудничествами. Справедливости ради отметим, что раньше на развитие китайского права (правоведения) заметное влияние оказывала советское право (правоведение), что во многом было обусловлено схожестью систем государственного (социалистического) устройства.

Современная Россия имеет совершенно другой ориентир в области государственного управления, держа курс на капиталистическую рыночную систему, где во главу угла ставится интерес потребителя, он же гражданин, он же личность. Это означает, что все законодательство (а не только уголовное) будет в первую очередь вкладывать все нормы согласно этому принципу. Китай же, в силу своей социалистической специфики, в первую очередь делает упор на экономику, социалистическую ответственность и верховенство Партии. За этим следует то, что китайский уголовный закон в последнюю очередь будет дополнен законами, регулирующими, в частности, алиментные обязательства и уклонение от их исполнения. С другой стороны, такая необходимость и вовсе не имеет места, поскольку, как было обозначено ранее, граждане Китая и не уклоняются от содержания своих детей и родителей. Для них это норма жизни, нарушение которой приводит, в первую очередь, к остракизму и стигматизации в роли «того, кто не чтит традиции и с кем не стоит иметь никаких дел». С точки зрения воздействия на человека, в данном случае можно говорить о том, что данная практика даже более действенна за счет своего многовекового укрепления и соблюдения большей частью населения КНР.

Применительно к ситуации, сложившейся в России — декриминализация норм, охраняющих право на получение и порядок уплаты алиментов, невозможна по вышеописанным причинам. Это будет лишено какого-либо социального подкрепления, что, в свою очередь, приведет к тому, что ситуация с уплатой алиментов, которая на данный момент и так в целом не является позитивной, лишь усугубится.

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г. URL: https://мвд.рф/reports/item/16053092/Sostoyanie_prestupnosti_2018.pdf/ (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

Литература

1. Авдеев Д. А., Борисов Н. А. Зарубежный опыт определения размера алиментов на несовершеннолетних детей: возможности имплементации в российское законодательство // Молодой ученый. 2018. № 55(237). С. 109–110. Текст: непосредственный.
2. Бояхчян Р. А. Последствия алиментов для детей // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 11. С. 21. Текст: непосредственный.
3. Бурдо Е. П. Понятие и правовая природа алиментных обязательств // Бизнес в законе. 2014. № 3. С. 8–10. Текст: непосредственный.
4. Гамаонова Э. Э., Караева Л. Х. Виды преступлений против семьи и признаки их составов // Молодой ученый. 2018. № 55(237). С. 1113–118. Текст: непосредственный.
5. Левушкин А. Н. Алиментные обязательства второй очереди в странах СНГ. URL: <http://siberleninka.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.
6. Сычева О. А. Реализация прав несовершеннолетних на получение содержания от родителей: отечественный и мировой опыт // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 10–13. Текст: непосредственный.
7. Фиошин А. В. Оценочные категории в нормах об алиментных обязательствах супругов // Семейное и жилищное право. 2015. № 1. С. 33–36. Текст: непосредственный.

О понятии «должностное лицо» в уголовных кодексах Вьетнама и Российской Федерации

© **Тонг Куок Кьонг**
студент 4-го курса
Тюменский гос. университет
Россия, г. Тюмень
tongquoccuong1410@gmail.com

© **Чан Тхи Нгок Ань**
магистрант 2-го курса
Тюменский гос. университет
Россия, г. Тюмень
anhtrantq1@gmail.com

Статья посвящена анализу некоторых признаков одного из специальных субъектов преступления — должностному лицу — по уголовному законодательству Вьетнама и России. Выявлено сходство и различие в понятии «должностного лица» в УК Вьетнама и в УК РФ. Анализируя содержание «должностного лица» по уголовному праву обоих государств, авторы делают выводы о целесообразности объединения под данным термином руководителей не только в публичной, но и в частной сфере как во Вьетнаме, так и в России для достижения задач по противодействию распространения преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: должностное лицо; Уголовный кодекс; Вьетнам; Российская Федерация; преступление коррупционной направленности; криминализация; приватизация; публичный сектор; частный сектор.

Коррупционная преступность — это исторически негативное социальное явление, имеющее место в большинстве стран мира, независимо от политического режима, условий и уровня социально-экономического развития. Во Вьетнаме и Российской Федерации одним из ключевых терминов, связанных с коррупционной преступностью, является понятие «должностного лица», которое определено в Уголовном кодексе. Исследование, раскрытие и сравнение данного понятия в Уголовном кодексе Вьетнама и Российской Федерации помогает обменяться опытом, повысить эффективность борьбы с коррупцией и избежать ошибок при привлечении указанного специального субъекта к уголовной ответственности.

Во Вьетнаме понятие «должностное лицо» было впервые признано в Уголовном кодексе 1985 г. Согласно ст. 219 данного Кодекса «должностное лицо признается лицом по назначению, выбору населением, договору или другим формам, с заработной платой или без нее, назначенным для осуществления государственной службы и обладающим определенными полномочиями при осуществлении государственной службы»¹. Само понятие «должностное лицо» не изменилось вплоть до 1999 г., хотя многие изменения были внесены в Уголовный кодекс. Таким образом, Уголовный кодекс 1985 г. и Уголовный кодекс 1999 г. отнесли преступления коррупционной направленности только к публичной сфере, а не частной сфере. Исходя из этого, предупреждение и борьба с преступностью фактически также показывают трудности по привлечению к уголовной ответственности по злоупотреблению должностными полномочиями из-за различий между публичной и частной сферой. Во многих случаях коррупционные деяния, совершенные должностными лицами в частной сфере, не предусмотрены УК Вьетнама. Например, во многих случаях по имущественным отношениям невозможно разделить, какое имущество принадлежит государству, а какое — юридическому лицу в частной сфере.

В новом контексте, когда негосударственный сектор экономики сильно развивается и постепенно играет ведущую роль в национальной экономике, для устранения недостатков, а также для удовлетворения внутренних требований Вьетнама по текущей борьбе с коррупцией и обеспечению соблюдения Конвенции ООН о борьбе с коррупцией, криминализация коррупционных действий в частном секторе экономики абсолютно необходима. Поэтому понятие «должностное лицо» в Уголовном кодексе Вьетнама 2015 г. изменилось. В п. 2 ст. 352 Уголовного кодекса Вьетнама сказано: «должностное лицо признается лицом по назначению, выбору населением, договору или другим формам, с заработной платой или без нее, назначенным для выполнения определенной задачи и обладающим определенными полномочиями при осуществлении государственной службы, задачи»². Таким обра-

¹ Уголовный кодекс Вьетнама от 27 июня 1985 г. № 17-LCT/HĐNN7. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-Hinh-su-1985-17-LCT-HDNN7-37003.aspx> (дата обращения: 20.03.2021). Текст: электронный.

² Уголовный кодекс Вьетнама от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13. URL: (дата обращения: 20.03.2021). Текст: электронный.

зом, добавляя объект воздействия преступления, которым является деятельность по “задаче”, дополнение к диспозиции нормы проявилось в расширении субъектов данных правонарушений на частный сектор и выразилось в изменении самого понятия “должностное лицо” [4].

Необходимость внесения изменений и дополнений в понятие «должностное лицо» может быть обусловлена следующими причинами. Во-первых, приватизация сфер деятельности, ранее относившихся к государственным функциям, таких как образование, здравоохранение, социальное обеспечение [2] и т. д., которая вызывает своего рода негативные последствия, проявляющиеся, в том числе в коррупции в частном секторе, имеющие все более серьезный характер и широкое влияние. Во-вторых, криминализация коррупционных деяний в частном секторе необходима для поддержания здоровой конкуренции в негосударственном секторе экономики. В-третьих, защитить общество от опасных последствий коррупции в частном секторе для экономики, особенно в отношении финансовых интересов и некоторых других благ общественной жизни. Кроме того, Конвенция ООН о борьбе с коррупцией рекомендовала государствам-членам усилить меры по борьбе с коррупцией не только в государственном, но и в частном секторе [4]. Данная рекомендация также стала мотивирующим фактором для расширения понятий, связанных с преступлениями коррупционной направленности в уголовном законодательстве Вьетнама.

«Должностное лицо» также является ключевым понятием в уголовном законодательстве Российской Федерации по преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Федеральным законом от 24.02.2021 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в ст. 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» были внесены поправки в примечание к ст. 285. В понятие “должностное лицо” были включены новые субъекты. Это лица постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в акционерных обществах, где используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»)¹.

Исходя из определения “должностного лица” в УК РФ необходимо сделать следующие выводы:

Прежде всего, в зависимости от содержания функции должностного лица разделяются на две группы. В первую группу входят представители власти, осуществляющие функции органов государственной власти в законодательной, исполнительной или судебной ветвях, а также лица правоохранительных или контролирующих органов. Во второй группе — лица, выполняющие организационно-распорядительные (наличие обязательной связи “руководитель — подчиненный”, то есть когда в подчинении данных лиц находятся другие лица) и административно-хозяйственные функции (ключевая связь “лицо — материальная ценность”, сущность данной взаимосвязи проявляется в том, что лицо обладает определенными полномочиями в отношении этих материальных ценностей) [1, с. 106–109].

Кроме того, изменение в примечании к ст. 285 УК РФ позволяет привлекать лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, к уголовной ответственности не только в публичной сфере, но и в смешенной сфере, где присутствуют и публичный, и частный секторы.

Рассматривая Уголовный кодекс Вьетнама и Российской Федерации, мы можем выявить некоторые сходства и различия в следующем. Во-первых, согласно УК Вьетнама и УК РФ за преступление коррупционной направленности может быть привлечено должностное лицо и в публичной сфере, так и в частной сфере. Однако изменения в понятие «должностное лицо» в УК Вьетнама были внесены ранее, чем в России. Это показатель, что Вьетнам отреагировал быстрее и гибче, чем Россия в борьбе с новыми видами преступлений коррупционной направленности, которые появляются в рыночной экономике. Хотя к специальным субъектам преступлений коррупционной направленности по УК РФ, согласно главе 23 отнесены и руководители частных компаний и некоммерческих организаций. И российский законодатель в уголовно-правовой сфере продолжает разделять должностное лицо от руководителей коммерческих и некоммерческих организаций. Во-вторых, оба понятия констатируют основные признаки и характеристики должностного лица. Однако если понятие должностного лица в Уголовном кодексе Вьетнама указано как в самой норме, так и в ином законодательном акте, то в Уголовном кодексе Российской Федерации — в примечании к статье. Это позволяет российским законодателям конкретно объяснить понятие должностного лица прямо в Уголовном кодексе, в то время как во Вьетнаме субъекты — должностные лица четко определены в ст. 3 Закона о борьбе с коррупцией, а не в самом Уголовном кодексе, предусматривающем исчерпывающий перечень должностных преступлений. В-третьих, названия раздела и главы, где определено понятие должностного

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 20.03.2021). Текст: электронный.

лица УК РФ и УК Вьетнама, различаются. В Уголовном кодексе Вьетнама «должностное лицо» определяется в разделе XXIII «должностные преступления», в то время как в Уголовном кодексе РФ вышеуказанное понятие закреплено в главе 30 Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и разделе X Преступления против государственной власти. Поскольку действующее российское уголовное законодательство не содержит понятия «должностного преступления» [3, с. 72].

Таким образом, изучение и исследование положений уголовных законов, касающихся «должностного лица», имеет важное значение для создания правовой базы по борьбе с коррупцией во Вьетнаме и России. Проведенное сравнение, связанное с понятием должностного лица в Уголовном кодексе Вьетнама и Российской Федерации, позволило нам определить субъектов преступлений коррупционной направленности, удовлетворило теоретическими практическим требованиям по определению лиц как должностных для их последующего привлечения к уголовной ответственности. Более того, вышеуказанные действия свидетельствуют о решимости бороться с коррупционными преступлениями Вьетнама и России в качестве участников Конвенции ООН против коррупции.

Литература

1. Бугаевская Н. В. Новые признаки должностных лиц // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3. С. 106–109. Текст: непосредственный.
2. Ле К. К. Внесение изменения и дополнения в понятие и субъекты коррупции, чтобы способствовать совершенствованию нормативных актов по выявлению коррупции и борьбе с ней 2020. URL:<http://truongcanbothanhtra.gov.vn/nghien-cuu-khoa-hoc/nghien-cuu-trao-doi/841-sua-doi-bo-sung-khai-niem-va-chu-the-cua-tham-nhung-gop-phan-hoan-thien-cac-quy-dinh-ve-phat-hien-xu-ly-tham-nhung.html> (дата обращения: 20.03.2021). Текст: электронный.
3. Птичкина Т. Д. Основные понятия и сущность должностных преступлений // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1. С. 72. Текст: непосредственный.
4. Фан Т. Б. X. О понятии “должностного лица” и “злоупотребление должностными полномочиями для совершения преступления” в Уголовном кодексе Вьетнама. 2015. URL: <https://tks.edu.vn/thong-tin-khoa-hoc/chi-tiet/79/162> (дата обращения: 20.03.2021). Текст: электронный.

Влияние криминальной субкультуры на формирование преступного поведения несовершеннолетних

© В. В. Цыбенова
магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
tsybenovavv@yandex.ru

В статье рассматривается влияние криминальной субкультуры на формирование преступного поведения несовершеннолетних. Такое поведение подростков связано с наличием психологической незрелости, нестабильности характера, агрессивности, что влечет за собой желание добиться авторитета в криминальной среде. Статистика показывает, что антиобщественное поведение несовершеннолетних в большинстве случаев заканчивается привлечением к уголовной ответственности. В статье рассматриваются основные элементы криминальной субкультуры, оказывающие влияние на становление психики подростков и выбор дальнейшего жизненного пути. Исходя из анализа негативных последствий следования требованиям криминальной субкультуры, нами даны некоторые рекомендации по недопущению антиобщественного поведения.

Ключевые слова: криминальная субкультура, личность, преступление, преступность, несовершеннолетний.

Современное состояние российского общества вызывает особую тревогу. Достаточно часто стали встречаться моменты деформации или, даже, утраты культурных ценностей, наблюдается увеличение числа приверженцев протестных направлений политики. На фоне данных изменений повышается уровень правового нигилизма и виктимизации населения.

Криминализация населения Республики Бурятия является одной из наиболее серьезных проблем. Как отмечает Э. Л. Раднаева, Бурятия входит в число лидеров регионов, в которых уровень преступности зависит от распространения пьянства и деморализации среди населения [3, с. 68]. Кроме того, криминальную ситуацию определяют экономическая нестабильность региона, низкий уровень развития социальной инфраструктуры.

Наибольшую опасность для общества среди иных субкультур несет именно криминальная, поскольку она обладает ярко выраженной идеологией, а также позволяет реализовывать такую идеологию на практике посредством совершения преступлений и вовлечения в преступную среду как можно больше людей, а особенности молодого возраста [8].

Отмечается, что регионы Сибири, такие как Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, отличаются высоким уровнем преступности несовершеннолетних, и одной из главных причин такого поведения является влияние криминальной субкультуры [6, с. 275; 7, с. 162].

Негативный характер криминальной субкультуры для общества, государства очевиден, в региональной практике он проявляется по-особенному, в частности, для Бурятии, Забайкалья это выражается в существовании и пропаганде неформального движения АУЕ («арестантско-уркаганское единство», «арестантский уклад един») [5, с. 443].

Изучением криминальной субкультуры как детерминанта преступности занимались многие исследователи, в том числе в Республике Бурятия. Особую роль в изучении данного вопроса внесли Э. Л. Раднаева, Ю. В. Хармаев, А. Л. Репецкая, М. А. Сутурин, М. В. Минстер, Б. Б. Самданова и др.

В криминологической литературе криминальную субкультуру определяют как «относительно устойчивую совокупность специально выработанных принципов, стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются значительным большинством осужденных, детерминируют их активность и определяют положение, а также степень влияния в среде ближайшего окружения (микросреде)» [1, с. 3]. Основу криминальной субкультуры, по мнению В. Д. Пирожкова, составляют чуждые гражданскому обществу ценности, нормы, традиции, различные ритуалы, стили общения [2].

В последнее время микросреда, в которой развивается криминальная субкультура, разрастается, приобщая к своим устоям большое количество людей, в частности несовершеннолетних. Такая тенденция вызывает беспокойство, в связи с тем, что психика несовершеннолетних не позволяет противостоять воздействиям криминальной субкультуры.

Можно отметить, что такая тенденция связана с распространением в социуме такой разновидности криминальной субкультуры как «АУЕ» или «арестантский уклад един». Однако, важным толчком в противостоянии распространения данной субкультуры, стало решение Верховного суда Российской Федерации, запретившее деятельность движения «АУЕ» на территории России. Теперь действия лиц, пропагандирующих идеи движения и склоняющих к криминальной деятельности молодежь, попада-

ют под ст. 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества»)¹. Вред данного движения заключается в том, что социализация личности происходит в негативной обстановке, которая стимулирует личность на противоправные действия, а также побуждает несовершеннолетних совершать преступления, тем самым провоцируя отклонения в его психологическом развитии.

Исходя из исследования, проведенного А. Л. Репецкой и М. А. Сутуриным, можно отметить, что движение «АУЕ» известно среди несовершеннолетних, но многие отмечают, что идеи данного движения негативно влияют на формирование подростка, а также более 90% не вступили бы в такого рода движение. Среди причин, по которым подросток вступил в данное движение, можно выделить:

- социальное неблагополучие в семье;
- наличие криминального прошлого у родителей или близких;
- неконтролируемое времяпрепровождение в сети Интернет [4, с. 39].

Последствиями нахождения несовершеннолетних в сообществе, преследующем принципы криминальной субкультуры, являются:

- отсутствие сострадания к людям;
- пренебрежение правами человека, выражающееся в приступах агрессии, жестокости по отношению к третьим лицам;
- нечестность и двуличие по отношению к лицам, состоящим в криминальном сообществе и не состоящим в оных;
- паразитизм, нежелание трудиться;
- поощрение асоциального поведения;
- совершение преступлений.

Для криминальной субкультуры существует ряд внешних проявлений, которые характеризуют данную субкультуру среди других:

- отрицание норм и правил поведения в обществе;
- демонстрация своих правил поведения;
- негативное отношение к лицам, не выполняющим правила участников субкультуры;
- деление людей на своих и чужих, а также на категории;
- распространение ритуалов, азартных игр, лирики;
- распространение кличек, отличительных татуировок, жаргона.

Криминальная субкультура — реально существующий феномен. Ее нормы и ценности — важные факторы, способствующие выработке криминального стиля поведения в подростковой среде.

Для минимизации распространения криминальной субкультуры необходимо прививать несовершеннолетним позитивные ценности, которыми следуют большинство в современном обществе. Предупреждение распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних выражается в воспрепятствовании попадания ее элементов в сознание личности. Снизить социальный и психологический вред такого воздействия — одна из задач таких социальных институтов, как образование и семья.

Согласны с мнением Э. Л. Раднаевой, что дальнейшее наращивание ограничений и запретов — тупиковый путь. Признание движения АУЕ экстремистским и законодательное закрепление уголовной ответственности за участие в его деятельности — важный шаг, но его не стоит переоценивать [9, с. 366].

Таким образом, в целях защиты личности от отрицательного влияния криминально-субкультурных ценностей основная политика государства должна быть направлена на предупреждение, профилактику и борьбу с распространением криминальной субкультуры посредством формирования уверенности в своем будущем, развития правовой культуры и правосознания.

Литература

1. Антонян Е. А., Кокурин А. В. Причины преступности в местах лишения свободы: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 128 с. Текст: непосредственный.
2. Пирожков В. Д. О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 10. Текст: непосредственный.
3. Раднаева Э. Л. Региональные особенности преступности (по материалам Республики Бурятия) // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сборник научных трудов /

¹ Верховный суд признал движение АУЕ экстремистской организацией. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/08/17/163784-verhovnyy-sud-priznal-dvizhenie-aue-ekstremistskoy-organizatsiey> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

под ред. В. В. Авдеева. Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2015. С. 63–72. Текст: непосредственный.

4. Репецкая А. Л., Сутурин М. А. Некоторые особенности детерминации криминальной субкультуры на современном этапе // Проблемы противодействия криминальной субкультуре: сборник статей. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 37–41. Текст: непосредственный.

5. Хармаев Ю. В. К вопросу о криминальной субкультуре: мифы и реальность // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 4. С. 443–447. Текст: непосредственный.

6. Хармаев Ю. В. Проблемы совершенствования уголовно-исполнительной системы по законодательству России и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2. С. 275–277. Текст: непосредственный.

7. Хармаев Ю. В. Проблемы реформирования органов внутренних дел в свете реализации ФЗ «О полиции» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образованию института. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД РФ, 2013. С. 162–164. Текст: непосредственный.

8. Шпак С. В. Криминальная субкультура молодежи в условиях современного общества: социально-философский аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. Социологические науки. 2012. С. 270–274. Текст: непосредственный.

9. Раднаева Э. Л. Детерминация преступности несовершеннолетних на современном этапе // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс: в 10 т. Т. 9. Уголовная ответственность несовершеннолетних / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 309–352. Текст: непосредственный.

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве

© **И. В. Артамонов**
магистрант 1-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
igor.artamonov2014@mail.ru

В статье рассматривается институт гражданского иска в уголовном процессе, проводится сравнение уголовно-процессуального законодательства по указанному институту в России, Франции, Германии и Китае, а также история развития института гражданского иска в уголовном судопроизводстве в указанных странах.

Ключевые слова: гражданский иск, судебное производство, потерпевший, вред, преступление.

Современные государства принимают на себя обязанность охранять и защищать честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество граждан. Такая обязанность закреплена в главе второй Конституции РФ, которая гласит, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина¹. В то же время законодатель счел необходимым выделить отдельно права и свободы лиц, потерпевших от преступного посягательства, отразив это в отдельной ст. 52 Конституции РФ, которая гласит, что «права потерпевших от преступлений и злоупотребления властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»². Таким образом, законодатель выделил важность вопроса защиты интересов именно потерпевших. Любое преступление причиняет ущерб общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом, в результате чего возникают уголовно-правовые отношения, субъектами которых являются субъект преступления и государство в лице своих правоохранительных органов. Но помимо ущерба, причиняемого общественным отношениям, преступное деяние причиняет вред и частным субъективным интересам, т.к. преступлением может быть нанесен имущественный и иной вред. В результате кроме уголовно-правовых, возникают и гражданско-правовые отношения, содержанием которого является право потерпевшего лица требовать загладить причиненный ему вред, что порождает гражданско-правовой спор.

В Российской Федерации существует эффективный правовой и процессуальный механизм по обеспечению прав лица, которому причинен ущерб в результате совершения преступления. В частности, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, что гарантировано Конституцией³. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в декабре 2001 г., закрепил данный принцип в отраслевом законодательстве в ст. 44 и 54 УПК РФ (гражданский истец и гражданский ответчик соответственно). Если ущерб причинен при совершении преступления, право на его возмещение реализуется путем подачи гражданского иска в уголовном процессе⁴.

13 октября 2020 г. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»⁵ даны разъяснения о применении норм права при рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного дела. Важное место в защите права собственности

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.: (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон [от 18.12.2001 г. (изм. и доп.)] // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921. С. 45. 53. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

⁵ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление пленума ВС РФ от 13.10.2020 г. URL: <http://www.vsrff.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

отводится правоохранным органам и суду. Обеспечение возмещения ущерба, причиненного хищениями, а также восстановление нарушенных прав потерпевшего и других лиц — важнейшая задача правоохранных органов и суда. Важнейшим критерием правового государства является надлежащая защита прав и интересов граждан, для чего необходима уверенность каждого гражданина в том, что он защищен законом. Институт гражданского иска в уголовном процессе был заимствован Россией из французской системы правосудия и впервые появился в Уставе уголовного судопроизводства в ходе судебной реформы 1864 г.¹

Во Франции учение о гражданских исках в уголовном процессе совершенствовалось на протяжении нескольких столетий, а в настоящее время основывается на концепции, согласно которой, преступление причиняет вред одновременно как обществу в целом, так и частному лицу. Общество действует в публичных интересах, а частное лицо защищает свои интересы путем предъявления гражданского иска с требованием возмещения ущерба и установления лица, его совершившего².

В настоящее время институт гражданского иска в уголовном деле действует в России, Франции и некоторых других странах. 29 ноября 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Декларация провозгласила, что лица, которым был причинен вред как материальный, так и моральный в результате преступления или злоупотребления властью «имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством»³. Однако, надо отметить, что в Декларации провозглашаются принципы правосудия, но конкретно ничего не сказано об институте гражданского иска в уголовном процессе, т.к. этот институт — скорее изъятие из общего правила о рассмотрении гражданского иска в гражданском процессе.

Во многих странах не существует института гражданского иска в уголовном процессе. Как правило, это относится к странам с англо-саксонской правовой системой.

Россия относится к странам с романо-германской системой права, которая характеризуется преобладанием правовых норм, закрепленных в кодифицированных нормативных актах — кодексах. В состав романо-германской правовой семьи входят большинство стран Европы, Южной и Центральной Америки, франкоязычной Африки, Ближнего Востока, Индонезия, Турция, с точки зрения формального законодательства — Япония, Сингапур, Таиланд и др.

Основанием для предъявления гражданского иска по уголовному делу является имущественный и неимущественный вред, причиненный в результате совершения преступления.

Федеративная Республика Германия также относится к романо-германской системе права (о чем говорит и само название правовой системы). В уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ нет такого понятия как «гражданский иск», а также «гражданский истец» и «гражданский ответчик», как самостоятельные участники уголовного процесса, характерное для российского уголовно-процессуального законодательства. Однако, в Положении об уголовном процессе ФРГ один из разделов посвящен возмещению ущерба потерпевшему, который гласит, что потерпевший или его наследник могут по отношению к обвиняемому выдвинуть возникшее в связи с преступлением имущественно-правовое требование, которое относится к компетенции судов общей юрисдикции и еще не ставшее предметом судебного рассмотрения, в рамках уголовного производства и заявление такого ходатайства имеет то же действие, что и подача иска в гражданско-правовом споре⁴.

Таким образом, можно говорить, что в законодательстве ФРГ предусмотрено и фактически, и юридически рассмотрение гражданского иска в рамках рассмотрения уголовного дела. Из стран Азиатско-Тихоокеанского региона форма гражданского иска в уголовном процессе предусмотрена уголовно-процессуальным кодексом Китайской Народной Республики. Надо отметить, что до 1911 г. в Китае господствовало традиционное право, но после свержения монархии и провозглашения республики были приняты меры по созданию современных правовых норм и странами — реципиентами выступили Германия и Франция, в результате чего были приняты новые гражданский, гражданско-

¹ Устав уголовного судопроизводства России от 20.11.1864 г. URL: https://civil.consultant.ru/sudeb_ustav (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Французский уголовно-процессуальный кодекс от 1958 г. от 12.05.2012 г. (обновлено 13.11.2019 г.). URL: <http://constitutionallaw.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребление властью // Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29.11.1985 г. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

⁴ Положение об уголовном процессе Федеративной Республики Германии от 13.11.1998 г. -ст.ст. 403-406. URL: <http://publishup.uni-potsdam.de> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

процессуальный, земельный кодексы. В 1949 г., вместе с провозглашением Китайской Народной Республики, началось строительство нового социалистического права.

На становление Китайской социалистической системы права существенное влияние оказала первая социалистическая правовая система — советская. Надо отметить, что не все ученые-правоведы согласны с наличием отдельной социалистической правовой семьи, считая ее ветвью романо-германской системы права. Можно сказать, что Китайская правовая система является наследником романо-германской и социалистической правовых систем¹. Ничего удивительного, что в уголовно-процессуальном законодательстве КНР присутствует институт гражданского иска в уголовном процессе, сказывается влияние романо-германской и советской системы права, т.к. в Советском Союзе и в годы советской власти уголовно-процессуальное законодательство сохранило институт гражданского иска в уголовном процессе². Если сравнивать институты гражданского иска в уголовном процессе УПК РФ и УПК КНР, следует отметить, что в Китайском законодательстве данный институт выделен в отдельную главу, где указано, что, в случае, если пострадавшая сторона понесла материальные потери в результате преступных действий подсудимого, она имеет право в ходе уголовного судопроизводства подать гражданский иск. В случае нанесения ущерба государственной или коллективной собственности, Народная Прокуратура также может подать гражданский иск при возбуждении государственного обвинения. При необходимости, Народный Суд может опечатать или наложить арест на имущество подсудимого [1].

В УПК КНР указано, что гражданское дело должно слушаться вместе с уголовным. Однако, во избежание чрезмерного затягивания слушания уголовного дела, суд может, завершив рассмотрение уголовного дела, продолжить рассмотрение дела по гражданскому иску³.

На принадлежность УПК КНР к социалистической правовой системе указывает тот факт, что в случае нанесения ущерба государственной или коллективной собственности гражданский иск подает Народная Прокуратура, которая является и государственным органом, и стороной государственного обвинения. В российском законодательстве юридические лица сами предъявляют гражданский иск в целях возмещения ущерба⁴.

В отличие от отечественного уголовно-процессуального законодательства, УПК КНР прямо предусматривает рассмотрение гражданского иска вместе с уголовным делом и не предусматривает альтернативы для судов направления рассмотрения иска в гражданское судопроизводство. Кроме того, наложение ареста на имущество подсудимого предусмотрено в главе, посвященной именно гражданскому иску в уголовном процессе, в то время как ст. 115 УПК РФ (наложение ареста на имущество) является общей нормой, предусмотренной для случаев возмещения ущерба, штрафа, конфискации имущества⁵. Из изложенного выше можно сделать вывод, что, работая над совершенствованием законодательства Российской Федерации, в частности совершенствовании института гражданского иска в уголовном процессе, необходимо учесть международный опыт развития и совершенствования указанного института, в том числе и законодательства Китайской Народной Республики. В частности — выделение указанного института в отдельную главу УПК с указанием всех необходимых действий для обеспечения возмещения ущерба, включая безальтернативную подсудность рассмотрения гражданских исков для суда, предоставив альтернативу по выбору подсудности гражданскому истцу.

Гражданский иск в уголовном процессе является важным средством защиты лиц, потерпевших от преступления, которое позволяет эффективно, с соблюдением принципа процессуальной экономии, восстановить их права. У потерпевшего имеется альтернатива защиты своего нарушенного права в гражданском или уголовном судопроизводстве, в любом случае защита будет реализована в исковой форме.

Литература

1. Голубева Л. А., Черноков А. Э., Честнов И. Л. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. Гатчина: ГИЭФПТ, 2020. 597 с. URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 14.03.2012 г. (вступил в силу 01.01.2013 г.). URL: <http://ru.china-embassy.org> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. (утратил силу 01.01.2002 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

³ Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 14.03.2012 г. (вступил в силу 01.01.2013 г.). URL: <http://ru.china-embassy.org> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон [от 18.12.2001 г. (изм. и доп.)] // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921. С. 45. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2021). Текст: электронный.

⁵ Там же. С. 76.

Comparative study of travel restriction order

© **D. Badam**

Doctor of law (Ph.D) School of Law,
National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
badam@num.edu.mn

© **B. Odontungalag**

Master of Law (LL.M) School of Law,
National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
odontungalag_b@num.edu.mn

Approaches of Humanization and Criminalization which are developed as modern criminal law reform priorities are gaining momentum within the framework of liberal sentencing theory, creating a need to redefine the content and purpose of sentencing.[1] In line with the development approaches of international criminal laws, Mongolia has amended its Criminal Law, introducing new types and forms of sentencing, one of which is “Travel Restriction Order”. The purpose of this presentation is to provide an analysis of the content, nature, scope and means of control of a new type of travel restriction, comparing foreign legal restrictions with domestic criminal and judicial enforcement laws. The purpose of this presentation is to provide compared analysis on the content, nature, scope and means of control of a new type of sentencing practices of travel restriction in foreign countries against domestic criminal and judicial enforcement laws.

Keywords: Travel restriction order, Criminal Law, restriction on traveling to certain destination, travelling in itinerary determined by the court.

Main features of travel restriction order

There are people who concern that the original idea of travel restriction order was by an English famous philosopher Bentam.J. In the 18th century, he invented a model of prison so called “**Panopticon**”. This model of prison featured in idea of arranging prison facility based on philosophy in prisoners that they are in detention by having only a guard-tower placed in the center of the prison facility, but prisoners are not allowed to know where the guard is facing to. Some researchers concern that such model was reason for formation of ideas of later travel restriction order and electronically controlled handcuffs [2, p. 7].

Although technical and technological availabilities and basics of application of travel restriction order were already formed in 1960s, but it has been over another 20 years until it is applied for the sentencing practice. By the early 1990, various sentencing programs applying travel restriction order, electronic handcuffs and electronic surveillance started to be implemented in many of the states across the USA and spread out. Such innovative form of sentencing had inspired Anglo-American countries, in particular, Canada, Australia, Singapore and Israel, to develop programs tailored to their respective countries.

In connection with increase of criminal offences including sexual assaults, human trafficking and drug trafficking started to take place in Western Europe during the 1990’s, number of criminals who were sentenced with imprisonment dramatically and the prisons were filled with criminals. It raised necessity to make reforms in the criminal justice system and the penitentiary system, and began to take steps to sophisticate the penitentiary system in line with modern trends, one of which was advanced “travel restriction order” to control criminals at their homes or wherever they stay that could be implemented with the use of electric handcuffs and electronic surveillance devices, in opposition of keeping them in detention. Thus, Netherland and Sweden were the countries first ever initiated to apply “travel restriction order” with electronic handcuffs and surveillance devices in the Europe.

For our country, the revised Criminal Law of 2015 legalized it as main type of sentencing to be imposed to 197 types of crimes provided in the Special Part of the Law, and it has been used in court practice, since 1 Jan 2021. As of today, such order has been imposed to 16 people.

In the countries where this sentencing is applied, it is called as imprisonment, deprivation of the right to travel and house arrest. Moreover, terms like **electronic monitoring (EM), ankle bracelet, radio frequency, GPS and home confinement** are used within the scope of such sentencing [2, p. 12].

For Mongolia, Article 5.5.1 of the General Part of the revised Criminal Law of Mongolia enacted in 2015 states that “Limitation of free travel right shall refer to prohibition to leave the place of residence or visit certain places under control of a competent authority, bearing by a person committed a crime of an obligation to travel to particular destination approved by the court, change place of residence with permission from the competent authority and travel for the period from one month to five years”. According to Criminal Law of Mongolia, the following rights of a convict are restricted. Whereas:

- prohibition of leaving one's place of residence under surveillance;
- prohibition to travel to certain destination;
- allowing to travel in only court-ordered itinerary; or

- imposing orders to change place of residence or travel according to permission by a competent authority, and moreover, restrictions to communicate with certain person or others. The court enjoys applying any or several limitations in the above¹. Limitation duration varies from a month to five years. This provision of the law is not only guaranteed by house arrest, but also by restrictions on certain rights simultaneously, which is in line with international standards. In other words, the convict's ability to get rid of any psychological pressures by interacting with the outside world allows him/her to serve his/her sentence with relatively limited freedom in the public. In this regard, for me, as researcher, I believe that the so-called as travel restriction, not house arrest, is fully in line with modern sentencing approaches.

It is characterized by emergence in direct connection with technological advances than other traditional forms of sentencing, namely, death penalty, imprisonment, fines and community service, and the concept of such sentencing is deferred by imposing sentence or obligation allowing to travel in a certain itinerary, within certain location, in a certain timetable, with or without the use of electronic surveillance devices. The main idea of this sentencing is enforced by detaining a convicted person in his/her home or at a place of permanent residence. Alternatively, in addition to the content of restrictions on certain rights provided by law, simultaneously, it is about that the convict is required to have his/her own accommodation. It is obliged to wear a special device or handcuffs or other devices that are not resistant to external influences and are not designed to transmit signals with information about the location for monitoring whether the restriction of right is complied with.

Many cases of criticisms on negative sides of such sentencing. In particular:

- Cost-consuming;
- Restricts many of human rights;
- Restricts convict to serve sentences as working;
- Limited rights to access health protection; and
- Mandatorily requires to have own accommodation, etc.

According to some researchers, although it is beneficial not only to the convict, but also the society, the "weakness" of this sentencing is that it requires to widely use advanced control mechanisms in the enforcement, punishment effect is much and forms psychological pressure. It is also notable of its multi-importance, like, it fits to fulfill socialization goal of the sentence, correcting a criminal within the family and society without separation from the society, providing trustful opportunities to realize and accept own guilt, cost-saving, and preventing from co-inhibiting with inmates.

Comparative study of travel restriction order

For our country, the law provides for the imposition of the sentence for most crimes of the special section of the Criminal Law, and judicial practice shows that minor offences are imposed. However, for other countries:

- In New Jersey, USA, such sentencing is not imposed to criminals of homicide, organized crimes, theft or sex offences, and may be imposed to criminals offended several crimes or crimes of violence with some limitations. In Florida, there is no specific provision on imposing such sentencing in the law, but it is allowed to be applied to every sentencing, other than death penalty, at discretion of the judges in consideration of nature of offence and personal conditions of a criminal.

- In the UK, it is applied to those serving three to four years sentences, but does not apply to long-term sentences and to those convicted of violence or serious crimes under the Crime and Disorder Act 1998.

- In Canada, the program selects offenders for minor offences based on their personal conditions and eligibility criteria, and excludes former sex offenders.

- In Australia, it applies to crimes other than homicide, violence, armed theft, or crimes committed with the use of firearms, offences caused bodily harms and domestic violence. **From the above, it can be said that the most countries apply the order to sentences for 2 months to 4 years of imprisonment for minor crimes, which is similar to the regulations provided by the Criminal Law in our country.** Article 5.2.2 of the Criminal Code of Mongolia stipulates that the order shall be applied as a "basic" sentencing. In some states (Northern regions) in the USA, besides it is applied as independent sentencing, they also have a combined system that allows a person serving sentence of imprisonment to serve remainder of his/her sentence under house arrest, provided that he/she has been rehabilitated and has reached a behavioral level. In the UK, house arrest occurs upon the expiration of a sentence and is usually for early release after a

¹ Criminal Law of Mongolia. 2015.

sentence has been imposed. Particularly, it is a type of measure applying after sentencing or used for early release.

As types of restraint measures for “travel restriction” or “imposing ban”, Mongolia in its Criminal Procedure Law, more particularly, in the Articles 14.1 and 14.5 of the law¹ which stipulates that “In order not to obstruct the criminal proceedings and to prevent accused from re-offending, take restraint measures instructing the accused not to leave the designated territory, to restrict the exit the Mongolian border, to prohibit to travel to of certain places or meet certain person, and to travel in the designated itinerary...”, also Article 14.5.4 “if specified in the court decision, the organization for monitoring of enforcement of restraint measure of restrictions shall control the accused with the use of monitoring devices...” which means it used as restraint measures during the investigation process as same as sentencing of travel restriction.

In many countries of the world, the sentence duration is set as short as possible, however, our maximum term is five years, which is a relatively long period. It should be noted that in our country, as in the rest of the world, centralized control center is established under the Central Judicial Enforcement Agency to implement the monitoring with the use of electronic handcuffs on the hands and feet, which is in line with the standards of other countries.

Summary:

Currently, attitudes of socialization of sentencing is gaining momentum in criminal law by prevailing of humanitarian concepts like applying non-custodial measures, rehabilitate, corrective measures to create conditions and guarantees that accused person will not re-offend more than detention or punishment and is being developed as the main direction of the policy evolving.

In connection with the above, Mongolia is reforming its criminal law within the scope of its legal reform and defining new types of sentencing, which provides an opportunity to keep pace with the development of international public laws.

The studies show that in Mongolia, about 75 percent of convicts (about 20,000 are tried annually) are sentenced to imprisonment, more than 40 percent are on probation, and more than 50 percent are serving their sentences in person, and about 7,000-8,000 people serve sentences of imprisonment.

In addition, it is estimated that MNT 10,650 is spent for food, clothing, electricity and other operational expenditures per day for total of MNT 73,602,150 a day, and MNT 26,864,784,750 per year is spent inefficiently only for for feeding and accommodating a convict. We agree with the researcher who described them as ineffective but said that the high cost could be spent on non-custodial sentences, including travel restrictions, which are considered the most effective in the world and are intended to rehabilitate convicts.

At last, I would like to emphasize the need to improve the legal framework by reducing the use of sentence of imprisonment, but instead, giving priority to non-custodial sentences, to popularize the practice of travel restriction order on convicts, which is beneficial not only for convicts but also for society.

Bibliography

1. Baasansaikhan D. Approaches of developments of modern criminal law // Magazine “The Justice”. 2010. № 3. P. 10.
2. Badam. B, Munkhbaatar. M, and Galbadar. J. Travel restriction order and its enforcement techniques. UB., 2020. P. 7, 12.

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. 2015.

Some issues on the legal status of juvenile suspects in the legislation of criminal procedure of Mongolia

© **Bolormaa Khaidav**

Master of Law (LL.M) School of Law,
National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
bolormaa_kh@num.edu.mn

On the one hand, “Criminal Procedure Law” provides the conditions to effectively fight against crimes and, on the other hand, forms a guarantee for appropriate criminal proceedings to protect the rights and legitimate interests of citizens participating in criminal proceedings and to prevent violations. Real facts such as that when a juveniles commit crimes, they do not fully understand the extent, nature and significance of the social danger of the act, and lack the knowledge and skills when participate in the criminal proceedings and are incapable of defending their rights and interests in criminal proceedings, of exercising their rights and responsibilities under the Criminal Procedure Law, and of defending themselves, etc., are the reasons for necessity of applying special procedures for them.

Keywords: juvenile, special procedure, child commits crime.

Mainpart

In addition to the general rules set forth in the law, juvenile delinquency shall be governed by special procedures that consider their age, physical psychological, level of development, physical and medical condition, and other characteristics. This special procedure is important for the protection of the rights, freedoms, legitimate interests, beliefs and values of adolescents.

In addition, the special procedure of juvenile offenders is a practical expression¹ of the juvenile’s legal awareness and legal capacity, as well as the need to be inextricably linked to criminal law, humanitarian trends in criminal proceedings, and human rights principles.

In the second half of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century, in some countries, under the influence of the concept of acquittal, which began in the late nineteenth century, review of the goals and principles of juvenile justice in terms of their qualities and enactments of policy and new and reviewed codes and rules have begun to be implemented [1].

The inclusion of special procedure in the law is one of the conditions for Mongolia to fulfill its obligations honestly under international agreements to protect the rights of the children as priority.

In accordance with the special procedure² set forth in the Chapter 18 of the Criminal Procedure Law of Mongolia, the following shall be clarified in addition to the issues to be proved during the inquiry, investigation and court proceedings, whereas:

If there is any doubt with any information related to date of birth, age, living conditions and upbringing, cause and circumstances led to the commitment of crime, and whether juvenile offender is fully aware of outcomes from his/her acts not due to mental illness but mental underdevelopments, an expert is appointed for issuing a conclusion;

Behavior and attitude of a defendant before and after offending a crime;

The circumstances of the defendant at the time of the crime shall be determined; and

Separation of a case shall be prohibited if it contradicts the interests of minors and worsens their rights³.

This is important for the selective application of criminal liability.

In our country, it is not legalized juveniles as a subject with special authority to be investigated and resolved for commitment of crimes, and police investigators, prosecutors and the courts review cases in the same way as criminal proceedings against adults.

However, because juvenile’s mentality is very different from that of adults, it is important to have a professional detectives, prosecutors and judges who have the skills and competent to deal with them.

However, there is still a need to improve the handlings of juvenile suspects, accused and defendants. One of the examples is recommendations of the UN Committee on the Rights of the Child, including:

Focus on providing professional, independent, and quality legal assistance to juvenile offenders such as providing free legal advices to indigent children;

¹ Bayarsaikhan. D, Criminal procedures in foreign countries. UB, 2015.

² Criminal Procedure Law. Article 18. The State Bulletin. 2017. № 23.

³ Hanns-Seidel Foundation, Mongolian Criminal Procedure Code (Simplified Interpretation). UB, 2010, P. 318.

Strengthen the diversification of juvenile suspects of violating the criminal law by providing them with bail, probation, mediation, counseling and community service;

If a sentence is to be imposed, choose a non-custodial option whenever possible, use the custodial sentence as a final measure, use a short-term detention option, and regularly review the possibility of release if a sentence has been imposed;

When imprisonment is unavoidable, care should be taken to ensure that prison conditions meet international standards, such as not detaining children with adults and providing access to education and health care.

In addition to that juvenile justice must be in line with specific goals and principles of criminal procedure, it is required to inevitably have its own specific goals and principles in connection with international criminal procedures, treaties, conventions and trends, such as the UN Charter, the Convention of the Rights of the Child and the Model World Criminal Code.

Some foreign countries have adopted a criminal procedure guided with simplified and special procedures for juvenile suspects, accused and defendants, based on the trends and principles¹ of humane, compassionate and effective treatments, included their own features. Their common features is a flexible system of investigators, prosecutors and courts with specialized prosecutors for non-judicial adjudication of juvenile suspects, accused and defendants.

For the first time in Mongolia, the 1949 “Criminal Procedure Law”² provided for the right of juvenile suspects, accused and defendants to be represented by a teacher and a doctor, and the 1963 Criminal Procedure Law provided for a group of juvenile suspects, accused and defendants to be tried in a special procedure for the first time in addition to the usual procedure for conducting criminal proceedings. The law provides for the protection of the rights of juvenile suspects, accused and defendants in the pre-trial phase, and in 1964, the “The Juvenile Commission” was established. The Criminal Procedure Law of 2002 regulates certain aspects of the Criminal Procedure Law of 1963 that leave juvenile suspects, accused and defendants unresolved. However, recommendations from the UN Committee on the Rights of the Child and scholars have suggested that criminal procedures for juvenile suspects, accused and defendants needed to be improved. In particular, it is noted that it is possible to resolve cases involving juveniles in a simplified manner.

Conclusion

The special procedure for conducting criminal proceedings against juveniles in the Criminal Procedure Law of 2017 has been improved the unregulated relations in the Criminal Procedure Laws of 1963 and 2002. For example, it includes simplified procedures and identification of juvenile accused and defendants.

However, there are still needs to improve the handling of juvenile suspects, accused and defendants. In particular, it is necessary to create appropriate types of restraint measures for juvenile offenders, to enable non-judicial trials of juvenile offenders, and to establish a specialized investigative, prosecutorial and judicial structure for juvenile offenders.

Bibliography

1. Bulgan. B. Special procedure for conducting criminal proceedings for crimes committed by juveniles // The Law. 2014. № 27. P. 105.

¹ Bayarsaikhan. D. Criminal Procedure Law. UB, 2020.

² National Institute of Law, Historical Tradition of Criminal Procedure Law of Mongolia (1911–2009). UB, 2012. P. 75.

**Сравнительно-правовой анализ взаимодействия следственных органов
с оперативными подразделениями и общественностью при раскрытии и расследовании
убийств, совершенных женщинами**

© **В. В. Васильева**
магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
vasileva.vika.97@mail.ru

Анализируется расследование преступлений, в том числе, убийств, совершенных женщинами, а также формы и порядок взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями и общественностью по данной категории уголовных дел. Исследуется зарубежное уголовно-процессуальное законодательство в области борьбы с преступностью, которое содержит ряд положений, неизвестных российскому уголовному процессу.

Ключевые слова: взаимодействие, органы осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, предварительное расследование, следователь, полиция, расследование убийств, Российская Федерация, Уголовный кодекс РФ, Соединенные Штаты Америки, Китай.

В деятельности следственных и оперативных подразделений важное значение имеет своевременное раскрытие и расследование преступлений. Их правильное тактическое и методическое сотрудничество с четким согласованным планом действий помогает быстрому и полному раскрытию, расследованию преступления, а также решению иных задач расследования.

Сотрудничество следственных органов и оперативно-розыскных подразделений в криминалистике имеет название «взаимодействие». Данное понятие не раскрывается в уголовно-процессуальном законодательстве, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». В словарях же данный термин разъясняется, как «взаимная связь», «взаимная обусловленность», «взаимодействие общественных явлений», «взаимная поддержка»¹. Из смысла и содержания вышеупомянутых законов и разъяснений можно сделать вывод о том, что «взаимодействие» — это оказание взаимопомощи следственными органами и оперативно-розыскными подразделениями, объединение их усилий при раскрытии и расследовании преступлений с целью решения общих задач, при строгом соблюдении требований законодательства и следственной этики и при разграничении полномочий следователя и оперативных работников с соблюдением тайны следствия.

Томин В. Т. отметил, что к «расследованию уголовных дел может и должен быть привлечен любой гражданин, который в состоянии оказать помощь» [1, с. 130].

Понятие «гражданин» не должно ограничиваться теми, кто может помогать правоохранительным органам в расследовании уголовных преступлений. Мы считаем, что в контексте изучаемой проблемы население — это совокупность людей, которая может помочь правоохранительным органам в расследовании преступлений. Однако в контексте взаимодействия следователя с теми, кто может помочь в расследовании, необходимо сосредоточить внимание на тех, кто может и хочет оказать помощь по общественной инициативе, в самом широком понимании.

Итак, резюмируя сказанное, мы полагаем, что для целей криминалистической науки уместно обозначать под термином «общественность» активную часть населения (лицо или группу людей), сформированную в ответ на конкретную ситуацию, проблему, готов оказать помощь следователю и вступить с ним во взаимодействие расследования преступления. Например, после того, как следователь обращается к населению, ту часть населения, которая оказывает или будет оказывать помощь исследователю, можно назвать активной частью населения, то есть общественностью.

Правовой основой взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями в Российской Федерации является уголовно-процессуальное законодательство, а также приказы, уставы, другие подзаконные акты МВД России, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Взаимодействие следствия и оперативных работников не значит, что одни подчинены другим либо совмещаются процессуальная и розыскная деятельности [1, с. 188–189]. Каждый из них продолжает оставаться представителем отдельного самостоятельного подразделения. Именно отсутствие подчинения друг другу определяет необходимость взаимодействия.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52(ч. 1). Ст. 4921. С. 36–37.

На первоначальном этапе расследования убийств, совершенных женщинами, следователь составляет план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для понимания следователем необходимости привлечения оперативных работников, наделенных полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации следователь уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении¹.

В качестве наиболее эффективных форм взаимодействия следователя и оперативных работников при раскрытии и расследовании убийств, совершенных женщинами, по мнению следователей, выделяют такие, как оперативное сопровождение расследования, выполнение органом дознания поручений следователя о производстве необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, посредством анализа уголовно-процессуального законодательства мы приходим к выводу о том, что в России процесс и формы взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании убийств, совершенных женщинами так или иначе закреплены в нормах права, хотя и имеется ряд пробелов и сложностей в осуществлении данной правоприменительной деятельности.

Что касается зарубежных стран, то стоит начать с того, что, например, полицейские в Китае занимают довольно сильную позицию в системе. Китайская полиция действительно имеет широкий спектр функций и усмотрений в рамках китайского законодательства. Например, китайская полиция может заниматься мелкими делами и нарушениями общественного порядка (такими как азартные игры и проституция), назначать административное наказание (например, содержание в полицейских тюрьмах или штрафы) или налагать перевоспитание через трудовые административные санкции в отношении любого человека с неправомерным поведением. Китайской полиции не требуется одобрение суда, а требуется только разрешение начальника полиции на проведение обысков и выемок, так что можно сказать, что такие функции, которые у нас имеют следователи и оперативные работники в Китае имеют полицейские, которые проводят следственные и оперативно-розыскные мероприятия. Более того, полиция в Китае может контролировать действия и работу адвоката, например, они могут устанавливать ограничения по времени для встреч подозреваемых и адвокатов, а также посещать встречи. Китайская система уголовного правосудия имеет давнюю традицию следственной уголовной системы и культуры, не ориентированной на права. Во время уголовного расследования полиция и прокуратура часто создают досье, которые ближе к стилю инквизиции, чем стилю состязательности.

Что же касается производства по раскрытию и расследованию преступлений, например, в США, то очень напоминает проверку сообщений о преступлениях в порядке ст. 144–145 УПК РФ, то есть должностное лицо, осуществляющее расследование в США, собирает материал, который при наличии достаточных данных позволяет полагать, что конкретное лицо совершило конкретное преступление, после чего материал передается прокурору, который принимает решение о выдвигании обвинения. Отметим, что в ходе расследования не производятся никакие процессуальные процедуры, направленные на доказывание. Отличительной чертой системы следственных органов в США является децентрализация государственной функции дознания и предварительного следствия, наделение ею различными учреждений исполнительной власти, не связанными друг с другом подчинением. Такая особенность организации уголовного расследования связана с особенностями американской государственности и, в том числе, с принципом федерализма.

Федеральные органы США проводят расследование преступлений, которые отнесены к подследственности и подсудности федерального правительства, а следственные органы в штатах расследуют преступления, отнесенные к компетенции властей штатов.

Аналогичные нашим органам дознания и следствия органы в США, имеющие право проводить следственные и оперативные работы именуется правоприменительными ведомствами.

Стоит внимания тот факт, что в США такого этапа, как возбуждение уголовного дела не существует, в отличие от российского механизма. Дознание при этом представляет собой предварительную проверку, которая по своему содержанию сравнима с доследственной проверкой, предусмотренной УПК РФ. Различие между ними состоит в том, что у американской полиции имеется право про-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52(ч. 1). Ст. 4921. С. 18.

водить такие отдельные следственные действия, которые в нашей стране разрешено проводить только после возбуждения уголовного дела. Таким образом, можно заключить, что законодательство США по вопросам расследования преступлений, а в том числе и убийств, совершенных женщинами является рациональным и стремящимся к экономии всех ресурсов (времени, сил) правоприменительных ведомств с целью успешного разрешения дела.

На этапе предварительного расследования полицейские США фактически не тратят времени на заполнение и составление всех процессуальных документов, например, протоколы допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемого(-ых) представляют собой простые заметки. Процессуальное оформление документов требуется только тогда, когда затрагиваются интересы граждан, к примеру, арест, обыск и другие следственные действия, связанные с ограничением личной свободы граждан. К тому же они должны быть санкционированы судьей. В России же правильно процессуально оформленному документированию каждого следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия уделяется достаточно длительное время, тем самым это, по нашему мнению, не способствует быстрому и эффективному расследованию преступлений, в том числе убийств.

Литература

1. Влезько Д. А. Взаимодействие следователя с иными участниками, осуществляющими уголовное преследование // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 6. С. 130, 188–189. Текст: непосредственный.

Пределы судебного разбирательства как юридическое препятствие возможности изменения обвинения в суде

© Б. Я. Гаврилов

проф. кафедры управления
органами расследования преступлений,
д-р юр. наук, проф., засл. деятель науки РФ,
засл. юрист РФ, генерал-майор юстиции (в отставке),
Академия управления МВД России
Россия, г. Москва
profgavrilov@yandex.ru

В статье на основании анализа современного законодательства о пределах судебного разбирательства исследуется актуальная для российского уголовного процесса проблема введения в УПК РФ процессуальных правил, предусматривающих возможность изменения в процессе судебного разбирательства обвинения, сформулированного органами предварительного расследования. Существовавшие как в УПК РСФСР, так и нормы действующего уголовно — процессуального законодательства предусматривают процедуры изменения в суде обвинения на более тяжкое путем возвращения судом уголовного дела ранее непосредственно следователю, дознавателю для производства дополнительного расследования, а сегодня — прокурору, а последним — в орган расследования, что фактически соответствует исключенному из УПК при его принятии институту дополнительного расследования, в период действия которого суды возвращали ежегодно следователям, дознавателям от 41 тыс. до 56 тыс. уголовных дел. Поставив целью настоящего исследования разработку правовых процедур, предоставляющих суду возможность корректировки предъявленного органами расследования обвинения в сторону его усиления, автором рассмотрены научные взгляды по обозначенной проблеме, изучена практика российских судов по данному вопросу, проведено сравнительно-правовое исследование зарубежного законодательства, регламентирующего процессуальные правила изменения прокурором обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд; следователь; дознаватель; прокурор; предварительное расследование; пределы судебного разбирательства; обвинение.

Проблема эффективности современного уголовного судопроизводства, обусловленная, в первую очередь, качеством предварительного расследования, одна из наиболее актуальных для российского уголовного процесса, сущность которой заключается в фактическом отсутствии в российском уголовно — процессуальном законодательстве механизма устранения непосредственно судом допущенных следователем, дознавателем ошибок и недостатков при производстве по уголовному делу. В действующем УПК РФ этому призваны служить процессуальные нормы, предусматривающие возможность возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Предложенная автором настоящей публикации процедура возвращения уголовного дела прокурору была призвана заменить институт судебного доследования, имевший весьма существенные недостатки, на что указывалось еще в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. и в юридической литературе [4, с. 155–171; 5, с. 10 и др.].

Первоначально содержание п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ было направлено на устранение допущенных органами предварительного расследования формальных, процедурных нарушений, связанных с составлением обвинительных документов, явившихся препятствием рассмотрения уголовного дела судом, и призвано было обеспечить их своевременное рассмотрение в суде. И на этом этапе реформы института судебного доследования предполагаемый результат удалось достичь, что подтверждается значительным сокращением (с 41 340 дел в 1999 г. до 6021 дела в 2020 г.) количества возвращенных судом уголовных дел прокурору для устранения препятствий к их судебному разбирательству¹.

Однако, разрешив в принципе проблему устранения указанных выше технических, а нередко и формальных препятствий для рассмотрения судом уголовного дела, законодатель не предложил взамен института судебного доследования механизма исправления в суде таких наиболее существенных недостатков предварительного расследования как необходимость изменения прокурором непосредственно в суде предъявленного следователем, дознавателем обвинения на более тяжкое путем пере квалификации противоправного деяния, что сегодня не позволяет своевременно устранять в российском правосудии следственные ошибки, а в ряде случаев и злоупотребления, связанные с формулированием обвинения.

¹ Статистические данные о результатах следственной работы по форме 1-Е за 1999, 2006, 2020 гг. М., 2021.

Последовавшие с подачи Конституционного Суда Российской Федерации¹ изменения ст. 237 УПК РФ в результате принятия законодателем федеральных законов от 26.04.2013 г. № 64-ФЗ и от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ предоставили суду дополнительные основания возвращения уголовного дела прокурору для изменения органами предварительного расследования обвинения на более тяжкое (п.б ч.1 и ч.12 ст.237 УПК РФ). Однако эти изменения не только не позволили эффективно решить данную проблему, но и обусловили в научном сообществе неоднозначные оценки внесенных в УПК РФ указанных изменений.

При этом, автор обращает внимание как правоприменителей, так и представителей уголовно-процессуальной науки на комплексность данной проблемы, поскольку речь идет не только о необходимости совершенствования ст. 237 УПК РФ, но и принципиального пересмотра положений ст. 252 УПК РФ, содержание которой устанавливает, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь в пределах предъявленного ему обвинения, а изменение обвинения в суде возможно лишь при условии, если этим не ухудшается его положение. Это означает невозможность изменения в российских судах обвинения на более тяжкое, механизм чего сегодня предусматривает законодательство не только европейских государств, но и отдельных стран бывшего советского пространства. На реализацию данного предложения было направлено высказанное в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П положение о том, что пределы в судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном постановлении (акте)², которое до настоящего времени не получило широкой научной дискуссии и обсуждения среди правоприменителей.

Ведя речь с позиции представителя научного сообщества, автор соглашается с мнением значительного числа ученых-процессуалистов, которые обращают внимание на непоследовательность шагов законодателя по решению указанной проблемы, что обуславливает пробельность и соответственно низкую эффективность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих основания и процедуру возвращения судом уголовных дел прокурору, что, в свою очередь, фактически сегодня обуславливает их трансформацию в направлении сближения с существовавшим в УПК РСФСР институтом судебного доследования [10, с. 8; 7, с. 97–101; 16, с. 136–140, 166–167]. При этом одни авторы оправдывают такое сближение [7] либо ратуют за полное восстановление процедуры направления уголовного дела судом для дополнительного расследования [11, с. 7–11; 8, с. 121–124; 2, с. 81–88], другие выступают за сохранение существующего порядка, считая его более приемлемым и оптимальным [6, с. 53–61; 17, с. 512–526], третьи предлагают новые формы изменения обвинения в ходе судебного производства [16, с. 25; 13, с. 106; 12, с. 96].

Исследуя проблему изменения обвинения на более тяжкое без возвращения судом уголовного дела прокурору, а последним следователю, дознавателю фактически для производства дополнительного расследования, следует отметить, что причиной для принятия судом данного решения фактически являются нарушения должностными лицами органов предварительного расследования материального и процессуального закона при формулировании и предъявлении обвинения.

При этом, недостатки утвержденного прокурором обвинения, выраженного соответственно в обвинительном заключении, обвинительном акте (постановлении), которые суд не может оставить без реагирования при принятии уголовного дела к своему производству, автор подразделяет на формальные недостатки, не касающиеся существа предъявленного обвинения, и недостатки содержания, затрагивающие в той или иной степени сущность предъявленного обвинения. Последние заключаются в неполном или искаженном изложении фактических обстоятельств совершенного преступления или в несоответствии действительности иных сведений, подлежащих отражению в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении (фактические ошибки), а также в неверной, не соответствующей описанию преступного деяния или установленным фактам формулировке обвинения и (или) в ошибочной квалификации инкриминируемого деяния (юридические ошибки) [3, с. 59–73; 1, с. 6–22].

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ [от 16.05.2007 г. № 6-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 22. Ст. 2688; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ [от 2 июля 2013 г. № 16-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881.

² По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ [от 16.05.2007 г. № 6-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 22. Ст. 2688.

С учетом содержания ст. 252 УПК РФ сегодня фактические и юридические ошибки могут быть исправлены лишь путем производства комплекса следственных и иных процессуальных действий, по результатам которых следователем или дознавателем (в предусмотренных ч. 3 ст. 224 УПК РФ случаях) должно быть составлено и предъявлено новое обвинение или существенно изменено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или составлен новый обвинительный акт, что требует возвращения судом уголовного дела через прокурора органу предварительного расследования. В соответствии с положениями ст. 237 УПК РФ суду это дозволительно применить и по собственной инициативе, когда со стороны органа предварительного расследования допущено уменьшение по сравнению с фактическим объема предъявленного обвинения и (или) занижена квалификация действий обвиняемого, а также в случае возникновения основания для предъявления более тяжкого обвинения, когда это выявилось в ходе судебного производства. С 2014 г. данное полномочие судами реализуется на практике [1, с. 25–27].

Оценивая в целом положительно стремление Конституционного Суда Российской Федерации и законодателя утвердить полномочие суда на выбор и непосредственное применение нормы материального закона, от которого непосредственно будет зависеть размер назначаемого судом уголовного наказания, автор с определенным скептицизмом относится к надежности и эффективности предложенных законодателем выше средств корректировки дефектного обвинения.

Следует также учитывать и еще одно негативное обстоятельство, заключающееся в том, что возвращение уголовного дела прокурору по основаниям п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в целях изменения обвинения на более тяжкое предполагает, что после проведения следователем, дознавателем дополнительного расследования уголовное дело вновь подлежит направлению в суд, что соответственно порождает повторное судебное разбирательство. Это, в свою очередь, является одной из причин возможного нарушения разумного срока уголовного судопроизводства, что ущемляет права и законные интересы участников уголовного процесса, а также втягивает суд в обвинительную деятельность, несовместимую с осуществлением правосудия, чем создается угроза утраты судом при последующем рассмотрении уголовного дела необходимых для справедливого правосудия качеств объективности и беспристрастности. При этом на практике суды столкнулись с объективными трудностями обоснования своих решений о возвращении уголовных дел прокурору по данному основанию [17, с. 54–59], а также с поспешностью принятия судами таких решений без их доскональной проверки в судебном заседании [9, с. 46–49].

Перечисленные выше негативные последствия предоставления суду права возвращения уголовного дела прокурору для доследования в указанных случаях возможно избежать, если законодательным путем регламентировать возможность исправления пороков обвинения непосредственно в ходе судебного разбирательства, что успешно, как отмечено выше, апробировано во многих странах, в том числе в государствах бывшего СССР.

Так, исправление непосредственно в суде дефектов и несоответствий установленным фактам сформулированного органами расследования обвинения допускается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса и Шотландии [18, с. 92–94; 19, с. 251; 20, с. 73]. Или, например, в соответствии со § 265 УПК ФРГ подсудимый может быть осужден на основании иного уголовного закона, чем тот, что был указан в заявленном судом обвинении при условии, что подсудимый предупрежден об изменении правовой оценки и ему предоставлена возможность для защиты от нового обвинения¹. Согласно ст. ст. 517, 519 УПК Италии в ходе судебного следствия прокурор при соблюдении права обвиняемого на защиту вправе изменить исходное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального путем дополнительного уведомления или нового изложения противоправного деяния [21, с. 975–998]. В свою очередь, предоставленное ст. 732 Уголовно-процессуального закона Испании стороне обвинения право на изменение предварительной квалификации содеянного является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором при необходимости усиления обвинения предусмотрена возможность отложения слушания дела для подготовки стороной защиты доказательств в опровержение измененного обвинения [22, с. 473–477; 23, с. 300–306, 360–361; 24, с. 537–543, 593–595; 25, с. 355–361]. Возможность изменения в судебном разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрена ст. 301 УПК Республики Беларусь² и ст. 340–341 УПК Казахстана¹, что автором настоящей пуб-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. URL: <https://pravo.org.ua/files/%281%29.pdf> (дата обращения: 09.08.2021). Текст: электронный.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 09.08.2021). Текст: электронный.

фикации периодически предлагается, начиная с 2010 г. Реализация данного предложения возможна при условии, во-первых, инициирования изменения обвинения на более тяжкое исключительно стороной обвинения и, во-вторых, создания необходимых гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения.

Эффективность предлагаемых процессуальных правил изменения прокурором обвинения в суде на более тяжкое обуславливается тем, что уголовное дело остается под контролем суда, что исключает возможность его разрешение в несудебном порядке; существенно сокращаются сроки производства по уголовному делу; исключаются факты ограничения права участников уголовного процесса на их доступ к правосудию; отпадает необходимость в производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий и повторного судебного рассмотрения дел, что направлено на обеспечение процессуальной экономии как предварительного расследования, так и судебного разбирательства; в полной мере реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств, одновременно повышается и его ответственность за конечный результат расследования; одновременно суд не втягивается в осуществление обвинительной функции, что призвано обеспечить объективность и беспристрастность суда.

Изложенный выше процессуальный механизм, регламентирующий возможность изменения прокурором обвинения непосредственно в ходе судебного разбирательства представляется вполне обоснованным для обращения к законодателю с целью решения давно назревшей в российском уголовно-процессуальном законодательстве проблемы фактического исключения из УПК института судебного доследования.

Литература

1. Типичные ошибки, допускаемые при производстве предварительного расследования, влекущие возвращение судьей (судом) уголовного дела в досудебное производство: аналитический обзор / Л. Л. Абрамова, Н. Г. Логинова, О. В. Меремьянина, М. В. Монида. Красноярск: Изд-во СибЮИ МВД России, 2018. С. 6–22, 25–27. Текст: непосредственный.
2. Балакшин В. С. Возвращение судом прокурору уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения или для производства дополнительного расследования // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28, вып. 1. С. 81–88. Текст: непосредственный.
3. Бурмагин С. В. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 59–71. Текст: непосредственный.
4. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: монография. Москва: Проспект, 2008. С. 155–171. Текст: непосредственный.
5. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 10. Текст: непосредственный.
6. Григорян В. Л. Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора // Государство и право. 2019. № 8. С. 53–61. Текст: непосредственный.
7. Долгих Т. Н. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как фактор возрождения и развития института возвращения уголовных дел прокурору, в том числе и для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 97–101. Текст: непосредственный.
8. Заева О. П. Актуальные проблемы возвращения уголовных дел на дополнительное расследование // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 121–124. Текст: непосредственный.
9. Куряхова Т. В. Установление фактических обстоятельств как условие возвращения судом уголовного дела для усиления обвинения // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 46–49. Текст: непосредственный.
10. Лисафьева О. Б. Возвращение уголовного дела прокурору в системе уголовного судопроизводства России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Н. Новгород, 2010. С. 8. Текст: непосредственный.
11. Лупин И. А. Возвращение уголовных дел на дополнительное расследование в уголовном процессе России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008. С. 7–11. Текст: непосредственный.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 09.08.2021). Текст: электронный.

12. Машовец А. О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 36. Текст: непосредственный.
13. Муравьев К. В., Булатов Б. Б. Изменение обвинения в суде: требуется дальнейшая корректировка механизма взаимоотношений государственного обвинения и суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4(87). С. 106. Текст: непосредственный.
14. Рябина Т. К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 136–140, 166–167. Текст: непосредственный.
15. Рябина Т. К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 512–526. Текст: непосредственный.
16. Гришева А. А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: генезис, современное состояние, пути совершенствования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2010. С. 25. Текст: непосредственный.
17. Черемисина Т. В. Когда суды возвращают уголовное дело прокурору для квалификации деяния как более тяжкого // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 54–59. Текст: непосредственный.
18. Hungerford-Welch P. Criminal Procedure and Sentencing. London and New York: Routledge. 2014. P. 92–94.
19. Sheehan A., Dickson D., Vannet A., Crowe F. Criminal procedure. Edinburgh: Reed Elsevier. 2003. P. 251.
20. Brown A. N. Criminal evidence and procedure. An Introduction. Edinburgh: Avizandum Publishing Ltd. 2010. P. 73.
21. Conz A., Levita L. Codice di procedura penale. Annotato con la giurisprudenza. Roma. 2017. P. 975–998.
22. Catena V., Domínguez V. Derecho proceso penal. Valencia. 2019. P. 473–477.
23. Martínez M. Derecho proceso penal. Madrid. 2019. P. 300–306, 360–361.
24. Sendra V. Manual de derecho proceso penal. Madrid. 2015. P. 537–543, 593–595.
25. López M. Derecho proceso penal. / Director Mellado J. Valencia. 2019. P. 355–361.

Особенности изъятия следов рук человека на месте происшествия

© А. А. Еранова
магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
eranovaanastasia@gmail.com

В научной статье поднимаются проблемы, которые возникают у экспертов при выявлении и изъятии следов рук на месте происшествия. Автор приходит к выводу о том, что у каждого эксперта при работе на месте происшествия возникали проблемы со следами рук, которые невозможно изъять и ему необходимо действовать исходя из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: следы рук человека; выявление и изъятие следов на месте происшествия.

При раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел одной из самых важным задач является установление личности лица, совершившего преступление [3, с. 47; 4, с. 162]. Чтобы выполнить эту задачу, на месте происшествия изымаются следы рук, которые способствуют выполнению этой важной задачи. С помощью следов, обнаруженных на месте происшествия, можно определить количество лиц, которые совершили преступление, а иногда и пол, возраст и профессию.

Р. С. Белкин под следами в криминалистике понимал всевозможные изменения, которые происходят в окружающей обстановке в силу воздействия на нее человека. Такие изменения происходят в результате физических, химических, физиологических и других явлений [1, с. 85].

Отображение следов рук человека зависит от следующих свойств поверхностей следовоспринимающих объектов: структура и состояние, а также от качественного и количественного состава потожирового вещества и других условий механизма образования следов.

Специалисту-криминалисту на месте происшествия приходится работать с различными объектами, на которых могут быть оставлены следы рук. Данные объекты состоят из различных материалов, которые обладают рядом свойств: химические, физические, свойства поверхностей (гладкие, шероховатые, цветные и т. д.). При визуальном осмотре и обработке объектов, на которых могут быть оставлены следы рук, специалисту необходимо соблюдать меры предосторожности. В связи с этим он должен определить, какой из существующих методов выявления следов рук должен быть применен на конкретном объекте, чтобы при этом не были утрачены или повреждены следы.

На месте происшествия, в первую очередь, необходимо выяснить вид преступления, способ и место совершения преступления, определить пути прихода и отхода преступника. Необходимо выяснить у потерпевших, первоначальное расположение предметов, для того, чтобы предварительно определиться с объектами исследования.

В зависимости от конкретных условий (вид преступления, свойства объектов, на которых могут быть обнаружены следы рук и т. д.), для их обнаружения и выявления применяются разнообразные методы, которые подразделяются на визуально-оптические, физические и химические [2, с. 55].

Применение данных методов зависит от объективных и субъективных факторов. Такими факторами могут быть: вид объекта, на котором оставлены следы, свойства поверхности объектов, период совершения преступления, профессиональных качеств специалиста-криминалиста и т. д.

Самым распространенным способом изъятия следов на месте происшествия является их копирование.

Для копирования следов, выявленных на месте происшествия могут применяться:

- дактилоскопические пленки;
- следокопирующие пленки;
- липкая лента типа «скотч».

При выборе метода выявления следов на месте происшествия необходимо учитывать поверхность и свойства предметов, на которых могут быть выявлены следы рук. Также учитывается опыт эксперта-криминалиста. Если он посчитает, что лучше изъять следы рук с данного предмета в лабораторных условиях, то необходимо упаковать данный предмет так, чтобы при его перевозке данные следы не уничтожились.

Проблемы при изъятии следов на месте происшествия возникают, когда необходимо выявить следы рук на крупногабаритных предметах, которые невозможно изъять целиком. В данном случае эксперт-криминалист может применить несколько методов выявления следов на одном предмете.

Перед изъятием выявленных следов необходимо их сфотографировать, так как следы рук на фотографии могут быть лучшего качества, чем при выявлении определенными методами.

Таким образом, можно отметить, что для более эффективного выявления следов рук человека на месте происшествия необходимо внедрять новые способы и совершенствовать уже имеющиеся методы выявления следов, которые можно будет применять на различных поверхностях предметов.

Литература

1. Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М., 2001. С. 85. Текст: непосредственный.
2. Кантор И. В. Криминалистическое исследование следов кожного покрова человека: учебник Волгоград, 2003. С. 55. Текст: непосредственный.
3. Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. 152 с. Текст: непосредственный.
4. Хармаев Ю. В. Проблемы реформирования органов внутренних дел в свете реализации ФЗ «О полиции» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образованию института. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД РФ, 2013. С. 162–164. Текст: непосредственный.

История развития дактилоскопии, ее состояние в современности¹

© **К. С. Латыпова**

канд. юр. наук, доц.,
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
krista.100@mail.ru

© **А. А. Еранова**

магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
eranovaaanastasia@gmail.com

Автором в статье рассматриваются этапы развития и становления одной из важнейших отраслей криминалистической техники — дактилоскопии, ее значение в истории развития, а также значимость в раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: дактилоскопия, следы рук, исследование следов рук.

Дактилоскопия (греч. *daktylos* — палец и *skoreo* — смотрю) занимает важное место в криминалистике и является наиболее эффективным средством борьбы с преступностью.

В основе дактилоскопии лежит строение и свойство кожного покрова человека, который является индивидуальным у каждого человека [2, с. 239].

При раскрытии преступлений одной из наиболее значимых задач является установление личности лица, совершившего преступление [7, с. 103]. Для выполнения этой задачи на месте происшествия изымаются следы рук. С помощью следов, обнаруженных на месте происшествия, можно определить количество лиц, которые совершили преступление, а иногда и пол, возраст и профессию.

Отцом дактилоскопии считается Уильям Джеймс Гершель (1833–1917 гг.). Он долго работал в Индии и по долгу своей службы приходилось иметь дело с финансовыми документами. На данных документах необходима была подпись, но она не была чем-то официальным и индусы, поставив ее в документе, не чувствовали себя чем-то обязанными. И после этого Гершель придумал хитрый ход. Он заставлял жителей Индии под своей подписью ставить ещё и отпечаток пальца. Это требование выполнялось неукоснительно.

В 80-е гг. XIX в. данным методом заинтересовался английский исследователь Фрэнсис Гальтон, который предложил официально применять дактилоскопию в судебной практике. Но многие исследователи считали, что высока вероятность существования людей с идентичными папиллярными линиями [3, с. 112].

Фрэнсис Гальтон исследовал множество отпечатков пальцев и доказал, что совпадение возможно лишь в одном случае из 64 миллиардов. В дальнейшем, большой шаг в развитии сравнительной дактилоскопии сделал сотрудник полиции Жуан Вучетич, который создал систему классификации отпечатков пальцев, которая базировалась на трудах Гершеля.

Таким образом, произошел мощный толчок в истории развития дактилоскопии, но представители закона стали опасаться, что преступники станут уничтожать отпечатки пальцев рук, но этого не произошло.

Впервые отпечатки пальцев были допущены в качестве доказательств в судебном процессе, который проходил по факту убийства двух человек. В данном процессе основным и важным доказательством являлся кровавый отпечаток пальца руки, данного доказательства оказалось достаточным для приговора к повешению осужденных, но судья был не согласен с данным решением и вынужден был согласиться с присяжными заседателями.

В России с 1906 г. начала применяться дактилоскопия. Становление дактилоскопии было постепенным, ей было посвящено и посвящается до сих пор множество работ [4, с. 18].

На сегодняшний день используется несколько методов выявления следов рук человека. В зависимости от конкретных условий (вид преступления, свойства объектов, на которых могут быть обнаружены следы рук и т. д.), для их обнаружения и выявления применяются разнообразные методы, которые подразделяются на визуально-оптические, физические и химические [1, с. 45]. Чаще всего на

¹ Статья подготовлена в рамках инициативного гранта БГУ имени Доржи Банзарова 2021 г. № 21-13-0502.

практике эксперты применяют физические способы выявления следов рук, к ним относятся применение дактилоскопических порошков, он наиболее простой и быстродействующий.

Дактилоскопия в настоящее время является главным методом по установлению личности человека, ведь благодаря накопленным базам отпечатков пальцев людей намного упрощается работа правоохранительных органов по установлению личности преступников [5, с. 171].

В заключении можно сказать, что дактилоскопия в настоящее время является просто необходимой, при этом она с каждым годом становится более развитой и познавательной. С помощью дактилоскопии работа правоохранительных органов стала проще. Ранее громко объявленная модернизация в правоохранительных структурах невозможна без изменений, без реформ, которые должны затронуть все социальные слои и группы населения, в частности и следственные органы, которые не могут оставаться без изменений своих сил и средств в противодействии преступности [6, с. 169]. С каждым днем база с отпечатками пальцев пополняется и установление личности преступника не составляет труда. Дактилоскопия как наука была открыта довольно давно, но лучше и универсальнее метода по установлению личности пока никто не нашел.

Литература

1. Гареев С. М. Перспективные направления развития дактилоскопической экспертизы в России // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1(12). С. 45–47. Текст: непосредственный.
2. Грановский Г. Л. Основы трасологии. Москва, 1974. С. 239. Текст: непосредственный.
3. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Ленинград, 1975. С. 112. Текст: непосредственный.
4. Россинская Е. Р., Зинин А. М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 18–37. Текст: непосредственный.
5. Смирнова С. А., Коровкин Д. С. Современное состояние обнаружения фиксации и изъятия потожировых следов пальцев рук // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 171–173. Текст: непосредственный.
6. Хармаев Ю. В. Проблемы реформирования ОВД в свете реализации ФЗ «О полиции» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования института. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД России, 2013. С. 167–169. Текст: непосредственный.
7. Хармаев Ю. В. Роль и значение оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии неочевидных убийств // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 9 декабря 2016 г.) [науч. ред. Ю. В. Хармаев, Э. Л. Раднаева]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 103–107. Текст: непосредственный.

Инновационные подходы к судебно-экспертному определению состояния лесных насаждений в Российской Федерации

© А. Р. Мифтахов

ст. эксперт ЭКЦ МВД России,
подполковник полиции
Экспертно-кримин. центр МВД России
Россия, г. Москва
mifaz23@mail.ru

В статье рассматривается тема исследования современных возможностей судебно-экспертного определения состояния лесных насаждений в Российской Федерации и в мире, тенденции потерь и охранных мероприятий в нашей стране и отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Положительный инновационный опыт, а также возможности усовершенствования механизмов защиты леса через внедрение инновационных судебно-экспертных технологий. Взаимодействие судебно-экспертных учреждений с федеральной государственной информационной системой лесного комплекса (ЛесФГИС).

Ключевые слова: инновационные технологии; лесной комплекс; древесно-кольцевые хронологии; стандартные операционные процедуры.

Леса занимают 4,06 миллиарда гектаров земли, другими словами, на каждого жителя планеты приходится около 0,52 га леса. Более половины (54%) мировых лесов приходится только на пять стран — Российскую Федерацию, Бразилию, Канаду, Соединенные Штаты Америки и Китай. Из них в Российской Федерации леса занимают 815 миллион гектаров или 20% от всей площади лесов¹. Многолетняя практика неконтролируемых вырубок древесной растительности на территории Российской Федерации привела к тому, что криминализация данной отрасли достигла масштабов, которые необходимо стало решать на уровне Президента страны. На совещании в ноябре 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин дал ряд поручений Правительству по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса². В их числе:

- сформировать единую информационную платформу в лесном комплексе, с целью мониторинга движения древесины от места ее вырубки до места переработки или до момента ее вывоза;
- разработать запретительные механизмы для лиц, не имеющих право на ведение заготовительных работ древесины, с запретом на въезд в леса с механизированной техникой и оборудованием для ведения такой деятельности.

Комплекс мер по систематизации и учету, подконтрольности, рациональному использованию, восстановлению лесных ресурсов необходим не только России, но и всему мировому сообществу. Так, по данным Global Forest Watch (GFW)³ — платформы, предоставляющей данные и инструменты для мониторинга лесов, с 2002 по 2019 г. в мире было потеряно в общей сложности 60,5 млн га влажных первичных лесов, что составляет 16% их общей площади. Общая площадь влажных первичных лесов в мире за этот период сократилась на 5,9%. По данным этой же организации с 2001 по 2019 г. Россия потеряла 64,0 млн га лесов. Более половины всех потерь (51%) приходится на три региона Российской Федерации: Республику Саха (Якутия), (вырублено — 15 млн га леса), Красноярский край (вырублено — 9,81 млн га леса), Иркутская область (вырублено — 8 млн га леса). Федеральный закон от 4 февраля 2021 г. № 3-ФЗ⁴ предполагает создание федеральной государственной информационной системы лесного комплекса (ЛесФГИС), интерактивность которой позволит трансформировать множественную информацию различной направленности в средства контроля, учета и прогнозирования, в том числе связанную с незаконными рубками лесных насаждений. Ес-

¹ Global Forest Resources Assessment 2020. URL: <http://www.fao.org/forest-resources-assessment/2020/ru> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

² Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса: поручение Президента РФ от 6 ноября 2020 г. № Пр-1816. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74877897/paragraph/84:0> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

³ Forest Monitoring Designed for Action. URL: <https://www.globalforestwatch.org> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

⁴ О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования лесных отношений: федер. закон [от 4 февраля 2021 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.)]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/400281018/#friends> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

ли отталкиваться от мирового опыта, то Global Forest Watch (GFW) создала программу MapBuilder, которая дает возможность пользователям анализировать и вносить данные по:

- общей потере и приросту древесного покрова во временных интервалах;
- ежегодной потере древесного покрова по классу почвенного покрова;
- ежегодной потере древесного покрова внутри нетронутых лесных ландшафтов;
- ежегодным выбросом углерода из-за потери древесного покрова;
- количествам предупреждений о вырубке лесов по системе GLAD (Лаборатория глобального анализа и исследования земли департамента географических наук Мэрилендского университета);
- составу почвенного покрова.

MapBuilder помогает пользователям визуализировать и накладывать пространственные данные, чтобы лучше понять, что происходит в определенном месте. Аналитические данные компилируются с данными спутниковых снимков и базовыми картами, что позволяет сделать первичный анализ о том, какие данные изменились с течением времени.

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона действуют национальные мониторинговые системы за древесным покровом земли. На основе платформы MapBuilder создана система Hutanwatch¹, отвечающая за мониторинг лесов в Малайзии. Программа позволяет пользователям анализировать данные о землепользовании, отслеживать изменения в лесном покрове, вносить свой вклад и делиться ценной информацией.

В Бразилии Фонд черного ягуара (BJF) построил всеобъемлющую карту местности вдоль бассейна реки Арагуая с помощью MapBuilder, интегрировав ключевые наборы данных, такие как ежегодная потеря древесного покрова, оповещения о вырубке лесов GLAD, пожарные оповещения VIIRS и последние спутниковые снимки. Проект BJF служит целям лесовосстановления в коридоре реки Арагуая. Asociación Ambiente y Sociedad использовала MapBuilder для интеграции данных о GFW в платформу системы раннего предупреждения, которая выделяет приоритетные области сохранения лесов вблизи мегаинфраструктурных проектов в Колумбии. Объединяя данные Global Forest Watch (GFW) с данными о строительстве плотин и шахт, члены сообщества отслеживают потерю древесной растительности, связанную с этими проектами, почти в режиме реального времени, что обеспечивает своевременное вмешательство для защиты приоритетных природоохранных районов. Помимо мониторинга и на реагирования на основе наблюдений, многие страны АТР большое внимание уделяют подписанию неправительственных соглашений.

В Дальневосточном Федеральном округе Российской Федерации в качестве пилотного проекта мониторинга за древесным покровом земли внедрена инновационная система «КЕДР»². Инициатива Всемирного фонда дикой природы (WWF), поддержанная Министерством по развитию Дальнего Востока, объединила специалистов самых различных областей, с целью создания системы отслеживания незаконных рубок в хвойно-лиственных лесах. Система, действующая на алгоритмах оценки и анализа космических снимков невысокого разрешения для круглогодичного отслеживания изменений в лесном покрове земли, создает оценочные профили, которые поступают на пункт приема информации в режиме реального времени.

В основе работы алгоритма использована система аналитического сравнения разновременных космических снимков дистанционного зондирования земли. Обработанная искусственным интеллектом информация позволяет выявить факты изменений лесного ландшафта, оценить рубку с точки зрения законности и при обнаружении незаконных участков дать сигнал о необходимости оперативного реагирования с целью установления всех фактов с привлечением специалистов и надзорных органов. Система автоматически готовит отчетность и позволяет органам исполнительной власти различных уровней, имея фактический материал, регламентировать необходимым образом свою работу.

Научно-исследовательские организации и центры, ведомственные подразделения, отвечающие за сохранность природных биоресурсов, органы, защищающие интересы граждан путем противодействия экологическим преступлениям, имеют достаточно действенные механизмы в сфере борьбы с незаконными рубками древесной растительности. Проблематика вырисовывается в разобщенности этих знаний, в ведомственной узкопрофильности и невозможности консолидации и интеграции большинства методических составляющих этих знаний в единый «Банк Данных».

¹ Improving Forest Monitoring. URL: <https://www.hutanwatch.com> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

² Амурский филиал WWF. / Система КЕДР. URL: <https://amurinfocenter.org/tools/projects/sistema-kedr> (дата обращения: 24.03.2021). Текст: электронный.

Создание федеральной государственной информационной системы лесного комплекса (ЛесФГИС) позволит многим «влиться» в систему со своими разработками, предварительно должным образом проведя верификацию инноваций. Большая роль в пополнении такой базы данных должна отводиться судебно-экспертным учреждениям МВД, Минюста, Следственного и Таможенного комитетов, ФСБ России.

Как правильно заметил Ф. Г. Аминев, для оптимизации процессов судопроизводства, необходимо повешение статуса судебного эксперта, что напрямую связано с получением более объективных судебных экспертиз, для чего необходимо дальнейшее внедрение научно-разработанных методик, современного аналитического оборудования, новых разработок и технологий [1].

Одной из форм улучшения информационной составляющей противодействия незаконным вырубкам стало бы внедрение интерактивной базы данных древесно-кольцевых хронологий основных хвойных пород [2]. Это позволило бы идентифицировать древесину, полученную в результате незаконных рубок по «месту» и «времени». Карты древесно-кольцевых хронологий на настоящий момент составляются во многих регионах нашей страны [3]. Как указывает В. В. Шишов, сейчас накоплен большой массив древесно-кольцевых хронологий, характеризующий динамическое состояние лесных экосистем на территории Российской Федерации [4].

Систематизировать данные кольцевых хронологий для различных регионов могли бы в какой-то степени экспертные подразделения различных ведомств, отвечающие за проведение исследований и экспертиз с применением методов дендрохронологии по уголовным, административным и арбитражным делам.

Следующим важным моментом в глобализации информационного кластера, отвечающего за мониторинг лесоизменений, видится в возможности дополнять его инновационными разработками, подчиненными для решения внутриведомственных задач, но при «широкоформатном» применении, позволяющим осуществлять прогнозирование и планирование при выполнении лесоохранных и лесовосстановительных мероприятий. Так, В. В. Гулевской [5] разработаны инновационные алгоритмы решения экспертных задач в судебной экспертизе объектов дикой флоры в форме судебно-экспертной стандартной операционной процедуры. Стандартизация методик экспертного исследования позволит применить единый подход экспертам различных ведомств, специальностей, и, в дальнейшем, внедрить данные, полученные после такого рода исследований (определение ареала произрастания, количественная и качественная оценка исчезающего растения и т. д.), в федеральную государственную информационную систему лесного комплекса (ЛесФГИС), что в свою очередь позволит рационализировать хозяйственную деятельность человека. Таким образом, судебно-экспертная деятельность, основу которой составляет исследовательская прерогатива, в области определения состояния лесных насаждений может стать инновационной составляющей противодействия незаконным рубкам и в некоторой степени изменить устоявшуюся парадигму о том, что судебные эксперты не строят прогностические модели и в большинстве случаев ограничиваются установлением фактических обстоятельств, имеющих значение для дела.

Литература

1. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2017. С. 106–107. Текст: непосредственный.
2. Дендрохронологическая экспертиза при расследовании незаконных рубок лесных насаждений: учебное пособие / С. В. Унжакова, В. И. Воронин, М. М. Наурзбаев, Н. Ю. Жигалов. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД России, 2009. 56 с. Текст: непосредственный.
3. Кирдянов А. В. Радиальный прирост хвойных в лесотундре и северной тайге средней Сибири. Роль факторов внешней среды: диссертация на соискание ученой степени доктора биологических наук: 03.02.08: утв. 23.03.18. Красноярск, 2017. С. 139–143. Текст: непосредственный.
4. Шишов В. В., Тычков И. И., Попкова М. И. Методы анализа дендроклиматических данных и их применение для территории Сибири: учебное пособие. Красноярск. 2015. С. 7. Текст: непосредственный.
5. Гулевская В. В. Научно-методическое обеспечение судебной экспертизы объектов дикой флоры и фауны: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.12. Москва, 2016. С. 122–142. Текст: непосредственный.

Problems of involving Mongolian citizens who are in Russia and Russians who are in Mongolia in administrative and criminal proceedings

© **E. I. Popova**

candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
researcher at the Center for Legal Support
of Interaction of the Russian Federation
with the Countries of the Asia-Pacific Region
D. Banzarov Buryat State University,
Russia, Ulan-Ude,
Senior Researcher, Associate Professor
of the Department of «Organization of Judicial
and Law Enforcement Activities»,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice,
Russia, Irkutsk,
popovaelena2005@rambler.ru

The article deals with some problems related to the need to involve Mongolian citizens staying in Russia and Russians staying on the territory of Mongolia to administrative and criminal responsibility.

Keywords: administrative proceedings, criminal proceedings, administrative responsibility, criminal responsibility, Mongolia, Russia, international cooperation.

In modern conditions, the opportunities for Mongolian citizens to stay on the territory of the Russian Federation and Russians in Mongolia have been significantly expanded. The most common purposes of staying in the territory of a foreign state are the implementation of entrepreneurial activities, education, worship of shrines, tourism, etc. The conclusion in autumn 2014 of an agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on the conditions of mutual travel of citizens of the Russian Federation and citizens of Mongolia on visa-free travel allowed Mongolian citizens to enter, leave, transit and stay in Russia for 30 days continuously¹. A natural development of events after the conclusion of this agreement was the increase in the number of Mongolian citizens on the territory of Russia and Russian citizens on the territory of Mongolia staying on the territory of a foreign state for a short period.

However, the increase in the availability of staying on the territory of a foreign state, in addition to presenting wide opportunities for tourism, cultural exchange, etc., has also caused a number of significant problems that occurred before the conclusion of the designated agreement, but have now become more acute. Such problems include a complete or partial lack of knowledge about the culture of a foreign state, the mentality of the indigenous population, and the legislation of a foreign state. These, as well as some other reasons, determine the commission of administrative offenses by Mongolian citizens, their involvement in criminal proceedings on the territory of Russia and Russians on the territory of Mongolia in criminal proceedings as persons subject to criminal prosecution and victims .

So, in 2015 alone, about 1 million people crossed the border. The main offenses committed by Mongolian citizens are concealment of goods, false declarations, failure to comply with the requirements of the law². And although in the conditions of a difficult epidemiological situation, there has been a decline in the number of Mongolian citizens staying in Russia, it seems that this is temporary.

As noted, Mongolian citizens commit not only administrative offenses, but also crimes. At the same time, as our research has shown [1; 2], the majority of violations of the law by Mongolian citizens are primarily due to the lack of knowledge of the norms of Russian law, which contain prohibitions on committing certain actions (refraining from committing any actions). The situation is almost similar in Mongolia with regard to Russian citizens. That is why there is an urgent need to explain to citizens planning to go abroad 1. the basics of the legislation of a foreign state; 2. the most typical offenses (crimes) committed on the territory of a foreign state by their compatriots and in relation to them; 3. the main measures of prevention, prevention of the commission of offenses (crimes).

At the same time, it cannot be denied that foreigners often commit offenses, as well as crimes intentionally. For example, in March 2020, Mongolian citizens tried to export 137 kilograms of dried fruits from Russia, the origin of which was unknown, since phytosanitary certificates were not issued for the

¹ Agreement between the Russian Federation and the Government of Mongolia on terms of mutual trips of Russian citizens and citizens of Mongolia (concluded in Ulan Bator 03.09.2014) // Bulletin of international treaties. 2015. № 3.

² Mongols are increasingly violating the rules of border crossing in Buryatia. The official website of «Arig Us». URL: <http://arigus-tv.ru/news/item/80883>.

products. In accordance with Article 10.2 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, fines were imposed on citizens of Mongolia¹. In November 2019, at the international checkpoint «Kyakhta» Customs officers found 27.2 kg of jade bars worth more than 205 thousand rubles in the car of a Mongolian citizen who was leaving for her homeland. Two cases of administrative offenses were initiated against a Mongolian citizen on the facts of concealment from customs control².

Similar crimes are committed by Russians. For example, a Russian tried to export diamonds worth more than a million rubles to Mongolia. The precious stones were found during customs control at the international checkpoint «Kyakhta» in the man's car. He was illegally, without declaring, carrying 184 diamonds worth more than 1 million rubles³. Another Russian bought 32.5 thousand cartridges for rifled hunting weapons with a caliber of 5.6 mm. He hoped to transport them across the border for further sale and attracted a Mongolian citizen for this. However, even at the stage of preparation for transportation, operatives detained a batch of ammunition, a criminal case was initiated under Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation⁴.

This kind of criminal activity is widespread enough. Thus, A. N. Sukharenskiy notes that, for example, illegal business is carried out in Tuva related to the smuggling of weapons to Mongolia due to the lack of weapons factories in the latter, as well as due to the obvious commercial benefits of illegal trade in contraband weapons [3, p. 12–14] from Russia on the territory of a neighboring state.

Certain difficulties for law enforcement officers of both states are caused by bringing citizens to administrative responsibility. Such difficulties are primarily due to the fact that foreign citizens do not have a permanent place of residence, as well as property on the territory of a foreign state. In this regard, in the case of an administrative offense committed by Mongolian citizens on the territory of Russia, the supervisory authorities search for debtors and collect fines together with the migration service and bailiffs.

The situation is even more complicated in the case of involving a foreign citizen in criminal proceedings. So, if a foreign citizen, a suspect, accused of committing a crime is not detained, and subsequently is not taken into custody (which is not often in practice) he returns to Mongolia, which in most cases significantly complicates his further participation in the criminal proceedings, and in some cases makes it practically impossible. Of course, Russian and Mongolian legislation provides for opportunities for international cooperation in the field of criminal proceedings, but in practice such norms are implemented with great problems, often international requests for legal assistance are either not fulfilled (mainly for objective reasons), or are executed in violation of deadlines (including significant ones). In this regard, criminal proceedings against foreign citizens are suspended or terminated (if there are grounds for this).

If a citizen of Mongolia is a victim in a criminal case, the situation is also not favorable. Taking into account the reasons already mentioned (residence in another country), such citizens cannot fully participate in investigative and other procedural actions, which also leads to violation of the deadlines for criminal proceedings established by law, causes other problems (for example, failure to fulfill the duties assigned to the victim).

Within the framework of this publication, we have only pointed out certain groups of problems related to the involvement of Mongolian citizens staying in Russia and Russians staying in Mongolia to administrative and criminal responsibility. It seems necessary to carry out more in-depth studies of the identified problems and to create and actively implement scientifically-based recommendations for their solution. Only such an approach will ensure the real protection of the designated categories of citizens during their stay abroad.

Bibliography

1. Попова Е. И. Особенности разъяснения порядка возмещения ущерба монгольским гражданам, потерпевшим от преступных хищений на территории Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 21. С. 49–52. Текст: непосредственный.

2. Попова Е. И., Гулина Е. В. К вопросу о защите прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации // Проблемы применения уголовного и уголовно-

¹ Монголы пытались вывезти из Бурятии 137 кг сухофруктов без документов. URL: https://bur.aif.ru/society/details/mongoly_pyatalis_vyvezti_iz_buryatii_137_kg_suhofruktov_bez_dokumentov.

² Бурятская таможня пресекла вывоз в Монголию почти 30 кг нефрита. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/80193/?sphrase_id=8493453

³ Контрабандист из Якутии пытался провезти через границу в Бурятию 184 алмаза. URL: https://arigus.tv/news/item/115856/?r1=ya&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁴ Житель Тывы пытался переправить в Монголию 32 тыс. патронов. URL: <https://flashesiberia.com/news/zhitel-tyvy-pytalsya-perepravit-v-mongoliyu-32-tys-patronov>

процессуального законодательства: материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 312–315. Текст: непосредственный.

3. Сухаренко А. Н. Противодействие транснациональному незаконному обороту оружия: состояние и проблемы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 3. С. 12–14. Текст: непосредственный.

Криминалистически значимые свойства личности субъектов преступлений по делам об изнасилованиях

© **Е. Б. Самбялова**
магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
zhambalova_eb@mail.ru

В статье рассматривается один из основных элементов криминалистической характеристики преступлений — личность преступника. Нами рассмотрены основные свойства личности, характеризующие насильника, и позволяющие помочь в расследовании изнасилований. В статье акцентируется внимание на рассмотрении типичной личности насильника, являющейся важным элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, находящегося в тесной взаимосвязи с иными ее элементами и имеющим важную роль для определения наиболее оптимального хода расследования изнасилований.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика, личность преступника, насильник, изнасилование.

Изнасилование один из тяжких и распространенных преступлений против половой неприкосновенности. В последние годы мы можем наблюдать рост числа изнасилований на территории Российской Федерации. Так в 2018 г. было выявлено 3374 преступлений, в 2019 г. — 3177, в 2020 г. — уже 3535 преступлений, а в январе-мае 2021 г. снова произошел скачек числа выявленных преступлений и это число составило 1476 (что на 0,3% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года)¹.

Изнасилование, в соответствии со ст. 131 Уголовного кодекса РФ, определяется как «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». В расследовании уголовных дел особое внимание уделяется личности преступника, о чем говорит множество научных трудов ученых-юристов, таких как Р. С. Белкин, В. С. Бурданова, Н. А. Бурнашев, И. Ф. Герасимов, А. Н. Колесниченко, И. Ф. Пантелеев, В. В. Радаев, Н. А. Селиванов, Е. Е. Центров, Н. П. Яблоков и др. [7, р. 174].

Важность исследования данного элемента обусловлена тем, что в действиях преступника отражаются многие свойства личности. Поэтому при расследовании изнасилований важно выявить те следы, которые в последующем позволят выделить определенный тип насильника² [6, с. 103].

Рассматривая личность насильника, хочется отметить, что преступниками могут быть лица из числа знакомых потерпевшей (друзья, сослуживцы, родственники и др.), а также из числа незнакомых лиц. Такие преступления зачастую совершаются в состоянии алкогольного опьянения, кроме того, насильники могут характеризоваться наличием психических отклонений [5, с. 167].

На практике насильников можно поделить на 2 основные группы:

1. Люди с аномалиями психики;
2. Люди, не имеющие психических отклонений. Данную группу можно разделить на 3 подгруппы:
 - 2.1. хронические алкоголики, наркоманы, а также лица, ранее судимые за злостное хулиганство, разбой, половые и другие насильственные преступления. Такие лица характеризуются определенной жестокостью по отношению к потерпевшей, моральной распущенностью.
 - 2.2. лица, не имеющие резко выраженных признаков первой подгруппы.
 - 2.3. несовершеннолетние насильники.

По данным исследования, проведенного В. И. Брылевым и Л. А. Лях, «лица в возрасте до 21 года включительно составляют среди насильников примерно две трети. Наиболее высока преступная активность несовершеннолетних в возрасте от 16 до 17 лет. На лиц в возрасте 32 лет и старше приходится менее одной десятой от общего числа выявленных насильников. Чем моложе преступники, тем чаще они совершают изнасилования в группе» [1, с. 20]. На практике достаточно редко встречаются устойчивые группы, сложившиеся специально для совершения изнасилований. Как правило, такое

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-май 2021 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24742236>

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. С. 105. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092>

преступление совершается группой лиц спонтанно. Так, к примеру, трое подростков 15 и 16 лет, проживающих в Набережных Челнах, обвиняются по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ («Изнасилование несовершеннолетней»). Как сообщает пресс-служба следственного управления СКР по РТ, инцидент произошел 14 марта. Подозреваемые, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в одной из квартир в Набережных Челнах совершили преступление сексуального характера в отношении 17-летней девушки¹.

Данное преступление совершается чаще ранее не судимыми гражданами, однако если преступником является лицо, ранее судимое за какое-либо преступление, то изнасилование отличается своей жестокостью.

Кроме того, жестокостью в отношении потерпевшей отличаются несовершеннолетние, которые объединились для совершения изнасилования. Необходимо учитывать, что способ совершения преступлений несовершеннолетними преступниками и сексуальными маньяками может быть схож и важно выбрать правильное направление расследования.

По нашему мнению, преступления, совершенные лицами, относящимися к первой группе насильников, подлежат подробному изучению. Такие лица нам известны под понятием — сексуальные маньяки. Совершая насилие, они компенсируют свою сексуальную несостоятельность, при этом зачастую насилие заканчивается убийством потерпевшей. Как правило, такие лица совершают преступления в одиночку, в строжайшей тайне от окружающих [4, с. 114]. Такие преступления достаточно тщательно продуманы, спрогнозированы способы совершения и сокрытия преступления, подобраны орудия преступления, подготовлены способы изменения внешности для обеспечения собственной безопасности.

Отмечается, что у каждого сексуального маньяка есть собственная «специализация» — изнасилование либо только малолетних; либо определенным образом одетых женщин (девушек), либо делается акцент на месте совершения преступления.

Исследование личности насильников показывает, что социальный статус преступника в большинстве случаев характеризуется отсутствием постоянного источника дохода, наличием неполного среднего или средне-специального образования [2, с. 13].

На момент отбывания наказания больше половины осужденных отказываются признавать себя виновными в совершении изнасилований. Особенно это характерно для мужчин зрелого возраста, которые изнасиловали несовершеннолетних, малолетних, дочерей, женщин преклонного возраста.

Таким образом, изучение вышеуказанных элементов личности преступника говорит о том, что типичным насильником является: лица в возрасте 22–26 лет, воспитывались в целом в благополучных семьях. Как правило, находящиеся в браке и имеющие детей. Ранее не судимы, в криминальном поведении не замечены. Образование — средне-специальное, незаконченное высшее. Работает, взаимоотношения с коллективом дружеские.

Литература

1. Брылев В. И., Лях Л. А. Криминалистический анализ личности преступника и потерпевшей от изнасилования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. С. 20. Текст: непосредственный.

2. Еремин А. С. Первоначальный этап расследования изнасилования, сопряженного с причинением вреда здоровью: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2011. С. 13. Текст: непосредственный.

3. Игошин В. Н. Уголовно-процессуальная деятельность по установлению лица, совершившего изнасилование, по данным о его личности // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки. Ижевск, 1989. С. 105–110. Текст: непосредственный.

4. Орлова И. А. Насильственные действия сексуального характера. Москва, 2008. С. 114. Текст: непосредственный.

5. Хармаев Ю. В. Проблемы реформирования ОВД в свете реализации ФЗ «О полиции» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования института. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД России, 2013. С. 167–169. Текст: непосредственный.

¹ В Татарии три подростка подозреваются в изнасиловании несовершеннолетней. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3217315.html>.

6. Хармаев Ю. В. Роль и значение оперативно-розыскных мероприятий в раскрытии неочевидных убийств. // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 9 декабря 2016 г.) / науч. ред. Ю. В. Хармаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 103–107. Текст: непосредственный.

7. Garmaev Y. P., Kharmaev Y. V., Gantulga N. Mongolian trace in the criminal penalties institute in Burayt society of the Russian Empire in XIX century // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Т. 7, № 4. P. 174–178.

Судебно-экологическая экспертиза как фактор обеспечения экологической безопасности

© С. А. Смирнова

д-р юр. наук, проф.,
директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
зав. кафедрой судебно-экспертной деятельности РУДН
Россия, г. Москва
info@sudexpert.ru

© Г. Г. Омелянюк

д-р юр. наук, доц., зам. директора
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России,
проф. каф. судеб.-эксперт. деятельности РУДН,
проф. каф. цифровой криминалистики
МГТУ им. Н. Э. Баумана
Россия, г. Москва
omel@sudexpert.ru

© А. И. Усов

д-р юр. наук, проф.,
1-й зам. директора ФБУ РФЦСЭ
при Минюсте России,
проф. каф. судеб.-эксперт. деятельности РУДН,
проф. каф. цифровой криминалистики
МГТУ им. Н. Э. Баумана
Россия, г. Москва
a.usov@sudexpert.ru

В статье рассматриваются современные возможности судебно-экологической экспертизы, в том числе при необходимости установления суммы экономического ущерба вследствие негативного воздействия на объекты окружающей среды. Предложены пути совершенствования судебно-экологической экспертной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза; экономический ущерб, нанесенный объектам окружающей среды; сертификация компетентности судебных экспертов.

Одним из инструментов обеспечения экологической безопасности в мире в целом и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности является выявление экологических правонарушений и привлечение виновных к юридической ответственности. В настоящее время в Российской Федерации сложилась непростая ситуация с судебно-экспертным обеспечением расследования экологических преступлений. Данное обстоятельство в значительной степени усложняет расследование уголовных дел и препятствует привлечению виновных лиц к ответственности и возмещению вреда, причиненного окружающей среде. Необходимость решения данной проблемы нашла отражение в п. 2 протокола оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 21 июня 2019 г.

Становление данного экспертного направления осуществляется очень медленно и осложнено рядом обстоятельств. Прежде всего, этот род судебной экспертизы является чрезвычайно наукоемким, ресурсозатратным, требует наличия большого количества профессиональных компетенций, а главное — многолетнего опыта судебно-экспертной деятельности. За 16 лет развития судебно-экологической экспертизы (далее — СЭЭ) в системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России самостоятельное экспертное подразделение удалось сформировать только в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (далее — РФЦСЭ).

В лаборатории судебно-экологической экспертизы РФЦСЭ в настоящее время выполняются судебные экспертизы по преступлениям, связанным с: незаконными порубками, лесными пожарами, различными нарушениями почвенного покрова, загрязнением почвенного покрова, загрязнением водных объектов и гибелью водного биоценоза, загрязнением воздуха в результате выбросов промышленных предприятий, нарушением природоохранного законодательства в области обращения с отходами предприятий, разливами сточных вод, незаконными свалками бытовых и иных отходов.

В настоящее время СЭЭ в системе СЭУ Минюста России производится по пяти экспертным специальностям: 24.1 «Исследование экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения»; 24.2 «Исследование экологического состояния естественных и искусственных био-

ценозов»; 24.3 «Исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления»; 24.4 «Исследование экологического состояния объектов городской среды»; 24.5 «Исследование экологического состояния водных объектов». Производство судебно-экологической экспертизы направлено на разрешение вопросов, связанных с загрязнением компонентов окружающей среды, оценкой последствий загрязнений для здоровья человека, определением класса опасности отходов, с установлением суммы экономического ущерба из-за негативного воздействия на окружающую среду¹ [2]. Расчет экономического ущерба, нанесенного объектам окружающей среды, разработанный в РФЦСЭ при Минюсте России основан на расчете вреда, исходя из стоимости восстановительных и рекультивационных работ до уровня показателей по соответствующему компоненту окружающей среды на фоновом участке [1–4].

Если обратиться к количественным показателям, то в 2020 г. выполнено 182 судебные экспертизы, значительная часть из которых является комплексными экспертизами по делам, связанным с размещением различных отходов.

В 2019 г. из 202 судебных экспертиз 30 были выполнены по делам о незаконном размещении различных отходов.

Кроме экспертиз по уголовным делам увеличивается количество данных экспертиз, выполняемых в рамках гражданского и арбитражного процессов, а также досудебных исследований. В настоящее время образовалась очередь на 2021 г. Указанная очередность производства экспертиз обусловлена тем, что в государственные СЭУ Минюста России, как правило, назначаются особо сложные комплексные судебные экспертизы в отношении объектов исследования, требующих проведения значительного объема исследования.

При выполнении судебно-экологических экспертиз, включающем обследование места рассматриваемого события, сбор фактических данных об экологическом состоянии окружающей среды, существенно повышается объективность, точность и достоверность расчета. Как показывает практика, суммы ущерба, рассчитанные по таксам, могут в разы превышать суммы, рассчитываемые с помощью подхода, применяемого государственными судебными экспертами [3].

Вопросы, связанные с воздействием на здоровье человека загрязнения компонентов окружающей среды или природных объектов, выходят за пределы компетенции судебных экспертов-экологов, так как человек и его здоровье не являются объектами судебно-экологической экспертизы. Для решения указанных вопросов вероятно необходимо создание нового вида судебно-медицинских экспертиз для определения степени и факта причинения вреда здоровью населения, связанного с загрязнением окружающей среды. Для производства данных экспертиз необходимо привлечение санитарных врачей и других специалистов. Кроме того, по мнению представителей Роспотребнадзора, при проведении подобных экспертиз крайне сложно доказать причинно-следственную связь между воздействием на объекты окружающей среды и здоровьем, т.к. это многофакторная конструкция. При этом у них есть все методические документы по проведению подобных исследований.

В настоящее время в системе СЭУ Минюста России определение класса опасности отходов не проводится и находится в компетенции Росприроднадзора, который проводит проверки деклараций, включая класс отходов, с привлечением ЦЛАТИ (Центров лабораторного анализа и технических измерений), так как собственных лабораторий не имеет.

В настоящее время к производству судебно-экологических экспертиз широко привлекаются работники организаций, подведомственных Росприроднадзору, Роспотребнадзору, Россельхознадзору, а также иных научных, образовательных, экспертных организаций.

Так, в соответствии с приказом Росприроднадзора от 24 апреля 2015 г. № 356 создан институт экспертизы, связанной с осуществлением федерального государственного экологического надзора и лицензионного контроля². В Перечень видов экспертиз, для проведения которых Росприроднадзору требуется привлечение экспертов, включен целый ряд экспертиз, в т.ч. экспертиза при осуществлении государственного надзора в области обращения с отходами; экспертиза при осуществлении лицензионного контроля деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I–IV классов опасности и др.

¹ URL: <http://sudexpert.ru> (дата обращения: 01.03.2021). Текст: электронный.

² О порядке аттестации экспертов, привлекаемых Федеральной службой по надзору в сфере природопользования к проведению мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного экологического надзора и лицензионного контроля: приказ Росприроднадзора от 24.04.2015 г. № 356 (действующая редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180371 (дата обращения: 26.02.2021). Текст: электронный.

Реестры сведений об аттестации экспертов, привлекаемых Росприроднадзором к проведению мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного экологического надзора и лицензионного контроля, размещены на официальных сайтах Росприроднадзора в сети «Интернет».

Однако подтверждение Росприроднадзором компетентности экспертов, привлекаемых к проведению мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного экологического надзора и лицензионного контроля, не является достаточной для подтверждения их компетентности при производстве судебно-экологических экспертиз, поскольку указанные эксперты не обладают знаниями в области теории судебной экспертизы, не знают основ материального и процессуального права, не знакомы с методологией и практикой судебно-экологических экспертиз. Поскольку аттестованные Росприроднадзором эксперты не работают в государственных судебно-экспертных учреждениях, то в соответствии с законодательством о судебно-экспертной деятельности они относятся к частным судебным экспертам независимо от организационно-правовой формы организации работодателя.

В целом отсутствие законодательного закрепления критериев оценки компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, но не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений является одной из основных причин низкого качества проводимых этими лицами судебных экспертиз и, как следствие, судебных ошибок, увеличения количества повторных и дополнительных экспертиз, увеличения сроков судопроизводства в целом [5, с. 220; 6, с. 27].

Представляется, что в случае, когда единственным основанием для привлечения в судопроизводство лица в качестве эксперта является наличие у него специальных знаний, указанные знания требуют обязательного подтверждения в специализированной системе добровольной сертификации. При этом сертификат компетентности в сфере судопроизводства является подтверждением надлежащей подготовки и компетентности лица, обладающего специальными знаниями в какой-либо области, для следователя и суда [6, с. 28]. Эта новация в проект федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» относительно частных судебных экспертов предлагается с 2012 г., однако этот проект до сих пор находится в стадии подготовки ко второму чтению.

Также хотелось бы обратить внимание на работу, которую РФЦСЭ проводит в сфере стандартизации судебно-экспертной деятельности (важнейшего направления, которое, почему-то было изъято из последней редакции вышеуказанного законопроекта).

В целях содействия проведению работ по унификации в области судебной экспертизы, прежде всего терминов и определений; обеспечения единства измерений, технической и информационной совместимости, сопоставимости результатов судебно-экспертных исследований; создания систем обеспечения качества экспертного производства создан Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» (далее — ТК 134), организационной площадкой которого является РФЦСЭ. Помимо целой серии ранее разработанных и принятых ранее национальных стандартов в ТК 134 был разработан и принят в 2018 г. ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения»¹.

Термины, связанные с отходами, в данном стандарте отсутствуют. Стандартизованные термины, связанные с отходами, представлены в межгосударственном стандарте ГОСТ 30772-2001 «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения»². При этом область применения вышеуказанного стандарта не распространяется на судебно-экспертную деятельность.

Ввиду актуальности производства судебно-экологических экспертиз, разрешающих вопросы определения класса опасности отходов и оценки последствий загрязнений для окружающей среды считаем целесообразным включение в Программу национальной стандартизации Российской Федерации на 2021–2022 гг. разработку проекта национального стандарта «Судебно-экологическая экспертиза отходов производства и потребления. Термины и определения».

Вопрос о состоянии и путях совершенствования судебно-экологической экспертизы рассматривался 17.10.2019 г. на заседании Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Таким образом, для совершенствования судебно-экологической экспертной деятельности предлагается проведение комплекса мероприятий:

¹ ГОСТ Р 58081-2018. Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200158507> (дата обращения: 26.02.2021). Текст: электронный.

² ГОСТ 30772-2001. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-30772-2001> (дата обращения: 01.03.2021). Текст: электронный.

1. увеличение штатной численности экспертов-экологов в системе СЭУ Минюста России за счет привлечения высококвалифицированных кадров, имеющих базовое образование в области биологии, почвоведения, гидрологии, географии, экономики природопользования, дешифрирования космических снимков земной поверхности;

2. включение в Программу национальной стандартизации Российской Федерации на 2021–2022 гг. разработку проекта национального стандарта «Судебно-экологическая экспертиза отходов производства и потребления. Термины и определения».

3. привлечение для производства судебно-экологических экспертиз, и прежде всего для исследования отходов производства и потребления, работников организаций, подведомственных Росприроднадзору, Роспотребнадзору, Россельхознадзору, а также иных научных, образовательных, экспертных организаций. Приоритетным является производство экспертиз комиссией экспертов, при этом часть из поставленных вопросов решается государственными судебными экспертами, а часть — частными судебными экспертами, прежде всего из числа работников вышеуказанных организаций, прошедших добровольную сертификацию компетентности судебных экспертов.

4. вышеуказанную сертификацию для подтверждения компетентности частных судебных экспертов по судебно-экспертным экологическим специальностям рекомендуется осуществлять в рамках разработанной и реализуемой в СЭУ Минюста России добровольной системы сертификации методического обеспечения судебной экспертизы (РОСС RU.B175.04OЭ00 от 02.03.05).

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность обеспечения экологической безопасности посредством увеличения количества выполняемых судебно-экологических экспертиз, снижения сроков их производства и расширения спектра решаемых задач.

Литература

1. Майорова Е. И., Гончарук Н. Ю. Экологический вред: как определить его размер? // Экология производства. 2018. № 6. С. 16–23. Текст: непосредственный.

2. Омелянюк Г. Г. Современное состояние и перспективы развития судебно-экологической экспертизы // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. Обзорная информация. Москва: ВИНТИ, 2009. Вып. № 3. С. 18–21. Текст: непосредственный.

3. Омелянюк Г. Г., Вакула М. А., Никулина М. В. Проблемы определения стоимости ущерба, нанесенного объектам окружающей среды // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14, № 3. С. 46–53. Текст: непосредственный.

4. Омелянюк Г. Г., Михалева Н. В., Голубева С. Г. Судебная экспертиза объектов окружающей среды по определению размера ущерба от экологического правонарушения // Судья. 2015. № 9. С. 34–37. Текст: непосредственный.

5. Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1(6). С. 220–227. Текст: непосредственный.

6. Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1(41). С. 26–35. Текст: непосредственный.

Порядок приема, регистрации и разрешения заявлений о преступлениях, связанных с домашним насилием, в России и Республике Корея: сравнительно-правовой анализ

© И. Э. Шалданова
магистрант 2-го курса
БГУ им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ishaldanova@mail.ru

В настоящей статье проведен сравнительный анализ правового регулирования по вопросам приема, регистрации и разрешения заявлений о преступлениях в Российской Федерации и Республике Корея. Рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность по противодействию домашнему насилию. Показаны их значение и влияние на эффективность работы полиции.

Ключевые слова: домашнее насилие; заявление о преступлениях; прием, разрешение и регистрация заявлений; инструкция; территориальный орган МВД России.

Насилие в семье является масштабной проблемой современного общества. Домашнее насилие, впрочем, как и любое другое, не ограничивается рамками какой-то определенной страны. Подавляющее большинство стран, включая Республику Корея, имеют законодательство по вопросам противодействия домашнему насилию. Это могут быть как отдельные законы о домашнем насилии, так и специальные нормы в отраслевом законодательстве, защищающие пострадавших от насилия в семье.

В частности, в Республике Корея действуют два закона о домашнем насилии: первый — специальный закон о наказании за преступления, связанные с домашним насилием «가정폭력특례법»¹; второй — о предотвращении насилия в семье и защите жертв домашнего насилия «가정폭력방지 및 피해자보호 등에 관한 법률»².

Данное законодательство в большей степени направлено на защиту и поддержку пострадавших от домашнего насилия. Для этого в Республике Корея:

- создаются и функционируют системы сообщений о случаях насилия в семье;
- осуществляются меры безопасности для личной защиты жертв, а также сотрудников центров экстренной помощи, консультационных центров по вопросам домашнего насилия и консультантов в учреждениях, помогающим жертвам домашнего насилия;
- оказывают юридическую помощь и другие виды услуг по поддержке пострадавшим от домашнего насилия;
- предоставляют программы консультирования и лечения, необходимых для физического и психического восстановления детей, ставших свидетелями или пострадавшими от домашнего насилия и др.

Стоит отметить, что прежде всего защиту пострадавшим от домашнего насилия обеспечивает полиция. В Российской Федерации порядок приема, регистрации и разрешения заявлений о преступлениях определен Инструкцией «О порядке приёма, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736.

В соответствии с указанной Инструкцией заявления о преступлениях, независимо от места и времени их совершения, а также полноты содержащихся в них сведений подлежат обязательному приему во всех территориальных органах МВД России. Прием осуществляется оперативным дежурным дежурной части территориального органа МВД России круглосуточно³.

¹ О наказании за преступления, связанные с насилием в семье: специальный закон № 17499 (редакция от 20 октября 2020 г.). URL: <https://www.law.go.kr/법령/가정폭력범죄의처벌등에관한특례법> (дата обращения: 09.03.2021). Текст: электронный.

² О предотвращении насилия в семье и защите жертв домашнего насилия: закон № 17443 (редакция от 9 июня 2020 г.). URL: <https://www.law.go.kr/법령/가정폭력방지및피해자보호등에관한법률> (дата обращения: 09.03.2021). Текст: электронный.

³ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 09.10.2019). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».

Заявление о преступлении должны зарегистрировать в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП). После чего оперативный дежурный принимает меры неотложного реагирования.

Заявления и сообщения о преступлениях необходимо проверить в порядке, предусмотренном ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ).

По результатам рассмотрения заявления о преступлении органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа в пределах своей компетенции принимается одно из следующих решений:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения — в суд в соответствии с частью второй ст. 20 УПК РФ¹.

В настоящее время за порядок и безопасность в Южной Корее отвечает Министерство правительственного управления и внутренних дел. Ему и подчиняется Национальное полицейское агентство. В Республике Корея инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в правоохранительных органах заявлений и сообщений о преступлениях нет, однако деятельность полиции регулируется большим количеством нормативных актов. Основными из них являются:

- Закон о полиции;
- Закон о выполнении обязанностей сотрудниками полиции;
- Закон о помощи в исполнении обязанностей полицией;
- Закон об офицерах полиции;
- Кодекс поведения официальных должностных лиц,
- Уголовно-процессуальный кодекс и т. п.

Участие полиции в делах, связанных с домашним насилием, обычно начинается с получения сообщения о случаях бытового насилия. Поскольку большинство из них происходят в домашних условиях, то с заявлениями обращаются, как правило, потерпевший, родственники потерпевшего или соседи.

Заявление может быть подано в ближайший отдел полиции. Дежурный фиксирует показания потерпевшего, которые осуществляются в устной форме. Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. По факту данного заявления проводится доследственная проверка и принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Анализируя вышеперечисленное, можно сделать вывод, что система принятия и разрешения заявлений о преступлениях в обеих странах схожа. Однако отличие состоит в отношении государства к проблеме домашнего насилия. В Республике Корея приняты законы в сфере семейно-бытового насилия и меры по его противодействию. Также различные организации, занимающиеся проблемами домашнего насилия в Корее, сотрудничают с правоохранительными органами, тем самым упрощая их работу. В большинстве случаев данные организации способствуют быстрому получению информации. Их участие в раскрытии преступлений выражается в выявлении преступлений, в предоставлении источников доказательственной и ориентирующей информации.

Литература

1. Абрамова С. Р. Отдельные аспекты изучения личности преступника по делам об убийствах // Исследования молодых ученых: материалы IV Международной научной конференции. Москва, 2019. С. 35–36. Текст: непосредственный.
2. Алексеева С. О., Пономаренко Е. Р. Особенности тактики допроса несовершеннолетних // ППД. 2019. № 4. С. 80–84. Текст: непосредственный.
3. Алиева А. М. Понятие криминалистической характеристики преступлений // Молодой ученый. 2018. № 6(192). С. 119–121. Текст: непосредственный.
4. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник СГЮА. 2014. № 6(101). С. 158–163. Текст: непосредственный.
5. Борсук Т. И. Криминалистическая характеристика насильственных преступлений в семье // Modern Science. 2021. № 4–3. С. 211–216. Текст: непосредственный.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

6. Варданын А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 244–251. Текст: непосредственный.

7. Вершинин А. Г. Особенности правового регулирования следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (с учетом изменений УПК, вступающих в силу 01.01.2015). Процессуальный и криминалистический аспекты // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 504–506. Текст: непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Аль-Мутаири Фурат Заки Салих, аспирант, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, 1042208029@rudn.university.
2. Амаржаргал Солонго, преподаватель, магистр права, факультет публичного права Юридического института, Монгольский государственный университет, Монголия, г. Улан-Батор, asolongo@num.edu.mn.
3. Артамонов Игорь Викторович, магистрант 1-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, Igor.artamonov2014@mail.ru;
4. Астахова Екатерина Алексеевна, аспирант 2-го года обучения кафедры криминалистики, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов, orhideya-katerina@mail.ru;
5. Бадеев Виктор Владимирович, магистрант 1-го курса, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, г. Улан-Удэ, badeevvv1997@gmail.com;
6. Баторова Сарюна Владимировна, студентка 3-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, saga.frenkel@mail.ru;
7. Богодухов Никита Андреевич, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, nikisbog@yandex.ru;
8. Бусоев Андрей Александрович, студент 1-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, thegrapefru@mail.ru;
9. Бямбажав Одонтунгалаг, master of law (LL.M) School of Law, National University of Mongolia, Mongolia, Ulanbator, odontungalag_b@num.edu.mn;
10. Бянкина Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ЮФ, Забайкальский государственный университет, куратор базовой кафедры антимонопольного регулирования и закупок при УФАС РФ по Забайкальскому краю, Россия, г. Чита, eleon-84@mail.ru;
11. Васильева Виктория Васильевна, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, vasileva.vika.97@mail.ru;
12. Верхотурова Юлия Сергеевна, магистрант 1-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, Vjs3008@gmail.com;
13. Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Академия управления МВД России, Россия, г. Москва, profgavrilov@eandex.ru;
14. Геращенко Анастасия Андрияновна, студентка 4 курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, avd.asy2012@yandex.ru;
15. Дашдэлэг Бадам, doctor of law (Ph.D) School of Law, National University of Mongolia, Mongolia, Ulanbator, badam_d@num.edu.mn;
16. Дугарова Сержена Жигмытовна, доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, dugarova_s@mail.ru;
17. Еранова Анастасия Андреевна, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, eranovaanastasia@gmail.com;
18. Коваленко Мария Андреевна, аспирант 3-го года обучения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург, marybett@mail.ru;
19. Кочнева Ирина Владимировна, начальник отдела антимонопольного контроля и рекламы Забайкальского УФАС России, кандидат политических наук, Россия, г. Чита, Irina.kochneva12@yandex.ru;
20. Латыпова Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, krista.100@mail.ru;
21. Липендин Владислав Игоревич, аспирант 2-го года обучения ЮФ, Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита, Lipendin_vladislav@mail.ru;
22. Louise Kazemi Sharait Panahi, postgraduate student, the first studying year, RUDN, Russia, Moscow; Iran, Rasht city, 1042208139@rudn.university;
23. Мижитов Чингис Бадмаевич, магистрант 1-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, mizhitov07@gmail.com;
24. Мифтахов Азат Рифович, Экспертно-криминалистический центр МВД России, Россия, г. Москва, mifaz23@mail.ru;
25. Норбоева Димит Цырендашиева, студентка 4-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, dimit.norboeva.tz@mail.ru;

26. Омелянюк Георгий Георгиевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России; профессор кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; профессор кафедры цифровой криминалистики МГТУ им. Н. Э. Баумана, Россия, г. Москва, omel@sudexpert.ru;
27. Погорелая Алёна Олеговна, магистрант 1-го курса, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, г. Улан-Удэ, aleona.pogorelaja2011@yandex.ru;
28. Popova Elena Ilinichna, candidate of Legal Sciences, Associate Professor, researcher at the Center for Legal Support of Interaction of the Russian Federation with the Countries of the Asia-Pacific Region D. Banzarov Buryat State University, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of «Organization of Judicial and Law Enforcement Activities», East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Russia, Irkutsk, Ulan-Ude, popovaelena2005@rambler.ru;
29. Раднаева Эльвира Львовна, декан юридического факультета, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии БГУ имени Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, elviraradnaeva@mail.ru;
30. Реуцкий Сергей Юрьевич, аспирант 2-го года обучения Департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), Россия, г. Москва, whozzz@yandex.ru;
31. Самбялова Екатерина Баировна, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, zhambalova_eb@mail.ru;
32. Сарнаков Игорь Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва, saival@mail.ru;
33. Ситник Владислав Николаевич, студент 3-го курса, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов, vladdsitvl@mail.ru;
34. Смирнова Светлана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, директор, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России; зав. кафедрой судебно-экспертной деятельности, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, info@sudexpert.ru;
35. Соловьев Антон Антонович, магистрант 1-го курса, Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва, anton.sol1211@gmail.com;
36. Тонг Куок Кыонг, студент 4-го курса, Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень, tongquocsuong1410@gmail.com;
37. Усов Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России; профессор кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; профессор кафедры цифровой криминалистики МГТУ им. Н.Э. Баумана, Россия, г. Москва, a.usov@sudexpert.ru;
38. Хаббабх Аммар, аспирант 2-го курса, Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва, ammarhabbabh@gmail.com;
39. Хаданова Дара Николаевна, преподаватель кафедры таможенного дела, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, г. Улан-Удэ, ilika2004@rambler.ru;
40. Хайдав Болормаа, master of law (LL.M) School of Law, National University of Mongolia, Mongolia, Ulanbator, Volormaa_kh@num.edu.mn;
41. Чан Тхи Нгок Ань, магистрант 2-го курса, Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень, anhtrantq1@gmail.com;
42. Чжан Лу, магистрант, Китайский политико-правовой университет, КНР, г. Пекин, marshazlu@163.com;
43. Цыбенова Вероника Валерьевна, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, tsybenovavv@yandex.ru;
44. Цырендашиева Виктория Цыбиковна, студентка 3-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, vikitsy@mail.ru;
45. Шалданова Инесса Эдуардовна, магистрант 2-го курса ЮФ БГУ им. Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, ishaldanova@mail.ru;

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Бусоев А. А. Мораль и право в международных отношениях.....	8
Кочнева И. В., Бянкина А. М. К вопросу об антиконкурентных соглашениях, в том числе связанных с приобретением недвижимого имущества, созданного в будущем, как одного из видов ограничения конкуренции.....	10
Solongo Amarjarga. Concept about law principles and its essence.....	14
Хаббабх Аммар. Требование о гражданстве как основа для защиты граждан за рубежом.....	16
II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Аль-Мутаири Фурат Заки Салих. Искусственный интеллект между научной необходимостью и юридической-этической ответственностью.....	19
Герашенко А. А. Особенности некоторых аспектов в применении норм международного гуманитарного права.....	25
Louise Kazemi Shariat Panahi. Sovereignty in classical legal doctrines.....	28
III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
Бадеев В. В. Особенности регулирования государственных закупок Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	31
Баторова С. В., Цырендашиева В. Ц. Инновационные способы исполнения договоров. Смарт-контракт.....	33
Верхотурова Ю. С., Дугарова С. Ж. Правовое регулирование технологий в квантовую эпоху: интеллектуальная собственность, стандартизация и устойчивые инновации.....	36
Мижитов Ч. Б. История развития правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России и США.....	41
Норбоева Д. Ц. Предложения по развитию и совершенствованию законодательства РФ в сфере медиации.....	45
Реуцкий С. Ю., Сарнаков И. В. Сравнительно-правовой анализ правового регулирования финансовых активов, выраженных в цифровой форме в России и некоторых других странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	47
Чжан Лу. Правовые проблемы суррогатного материнства.....	50
IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
Астахова Е. А. Организованная преступность как транснациональное явление: взгляд на США	52
Богодухов Н. А., Раднаева Э. Л. Государственное реагирование на преступления экстремистской направленности в сети Интернет (на примере США и Республики Казахстан).....	55
Коваленко М. А. Уголовно-правовое регулирование информационного воздействия на несовершеннолетних: сравнительный анализ законодательства России, США и Китая.....	58
Липендин В. И. Сравнительный анализ уголовно-правовой ответственности за некоторые формы организованной преступной деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.....	61
Погорелая А. О., Хаданова Д. Н. Сравнительно-правовой анализ привлечения к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в Китае и России.....	64
Ситник В. Н. Виды уголовных наказаний для юридических лиц в Российской Федерации (с учетом опыта других стран Азиатско-Тихоокеанского региона).....	68
Соловьев А. А. К вопросу о необходимости уголовно-правовой охраны правоотношений в области алиментных обязательств: опыт Китая и России.....	71
Тонг Куок Кыонг, Чан Тхи Нгок Ань. О понятии «должностного лица» в Уголовных кодексах Вьетнама и Российской Федерации.....	74
Цыбенкова В. В. Влияние криминальной субкультуры на формирование преступного поведения несовершеннолетних.....	77

**V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР**

Артамонов И. В. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве.....	80
Badam D., Odontungalag B. Comparative study of travel restriction order.....	83
Bolormaa Khaidav. Some issues on the legal status of juvenile suspects in the legislation of criminal procedure of Mongolia.....	86
Васильева В. В. Сравнительно-правовой анализ взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями и общественностью при раскрытии и расследовании убийств, совершенных женщинами.....	88
Гаврилов Б. Я. Пределы судебного разбирательства как юридическое препятствие возможности изменения обвинения в суде.....	91
Еранова А. А. Особенности изъятия следов рук человека на месте происшествия.....	96
Латыпова К. С., Еранова А. А. История развития дактилоскопии, ее состояние в современности	98
Мифтахов А. Р. Инновационные подходы к судебнo-экспертному определению состояния лесных насаждений в Российской Федерации.....	100
Popova E. I. Problems of involving Mongolian citizens who are in Russia and Russians who are in Mongolia in administrative and criminal proceedings	103
Самбялова Е. Б. Криминалистически значимые свойства личности субъектов преступлений по делам об изнасилованиях	106
Смирнова С. А., Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Судебно-экологическая экспертиза как фактор обеспечения экологической безопасности	109
Шалданова И. Э. Порядок приема, регистрации и разрешения заявлений о преступлениях, связанных с домашним насилием, в России и Республике Корея: сравнительно-правовой анализ.....	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	116

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — XII**

*Материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции
(дистанционный формат)*

(Улан-Удэ, 16 апреля 2021 г.)

Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 18.10.21. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 10,23. Усл. печ. л. 13,49. Тираж 100. Заказ 128.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а